

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2014 | ЭТНО | 1-2

ПАНОРАМА

В номере:

**ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕНЬШИНСТВА
И ПОЛИТИЗИРОВАННЫЕ МИФЫ**

**МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР
ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

**ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ
И МИРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА**

**МАСС-МЕДИА КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

**XI КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ
И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ**

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЕВРАЗИИ

И сегодня приграничный статус Оренбуржья, несомненно, способствует активизации работы по развитию данного направления внешнеэкономических связей. Статистика свидетельствует, что в настоящее время на долю нашего региона приходится более 10 процентов объема внешней торговли России с Казахстаном. Доля Республики во внешнеторговом обороте области приближается к 30 процентам.

Прочный залог укрепления этих связей – накопленный в Оренбуржье многовековой опыт историко-культурного взаимодействия этносов, населяющих край, развитый и продуктивный межкультурный диалог в сфере межэтнических и этноконфессиональных отношений. Демонстрируемая оренбуржцами высокая степень толерантности и доверительности, внушает оправданный оптимизм, позволяющий надеяться на сохранение гражданского согласия и межнационального мира в долгосрочной перспективе.

Как представляется, возрастающая роль в сохранении межнационального и этноконфессионального согласия на евразийском пространстве отводится институтам гражданского общества. В данном конкретном случае речь идет об общественных организациях: центрах, автономиях, обществах, ассоциациях, общественных палатах России и Казахстана.

Эти формирования всё чаще заявляют о себе не только на уровне квалифицированных экспертных оценок, но и в плане усиления влияния на принятие масштабных управленческих решений. Так, действующее в Оренбуржье АНО «Содружество народов Евразии», целью которого является налаживание и укрепление гуманитарных связей между странами входящими в ЕЭС, вышло на международный уровень, подписав ряд договоров о сотрудничестве между Ассамблеей народа Казахстана и Ассамблеей народов Оренбургской области.

Совместная работа органов власти и институтов гражданского общества – это залог сохранения межнационального мира и согласия в странах, входящих в Евразийский экономический союз. Это тот единственный путь, который придаёт экономическому сотрудничеству более глубокий смысл, привносит в эти процессы идеи добра и гуманизма.

Как известно, 29 мая 2014 года в Астане состоялось подписание договора о создании Евразийского экономического союза, в который входят Белоруссия, Казахстан, Россия. В перспективе, желание присоединиться к ним изъявили Армения и Киргизия.

Идея евразийства с исторической точки зрения не нова. Ретроспективный взгляд отсылает нас в 20-е годы XX века, когда целая плеяда глубоких мыслителей теоретически обосновала направление евразийского развития. Среди них – историк Г.В. Вернадский, филолог Н.С. Трубецкой, философ Г.В. Флоровский, географ П.Н. Савицкий, востоковед В.П. Никитин и другие.

Современное новое евразийство связано с личностью и идеями Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, фактически инициировавшего в 1994 году проект «О формировании Евразийского союза государств», ставший новым этапом в развитии евразийства «как интеллектуальной концепции, как политического мировоззрения и интеграционной практики». Казахстанский лидер предложил «создать реально работающий союз государств, основой объединения которого должны стать экономические взаимосвязи».

Ведущая роль в углублении интеграционных процессов отводится приграничным регионам России. Одним из субъектов Федерации, на чью долю выпала эта историческая миссия, является Оренбургская область, имеющая самую протяжённую – 1876 километров – границу с тремя областями сопредельного Казахстана.

Даже мимолетный взгляд на недавний период новейшей истории позволяет сделать вывод о том, что развитие сотрудничества двух государств (России и Казахстана) совпало с началом постсоветского этапа. Именно в это время были заключены первые соглашения и договоры Оренбургской области с приграничными территориями Республики Казахстан, охватывающие помимо экономики, такие гуманитарные сферы как наука, образование, культура, здравоохранение и другие. В последующее постсоветское десятилетие гуманитарное сотрудничество получило дальнейшее углубление и развитие.

*Редактор журнала «Этнопанорама»
д.и.н., профессор Амелин В.В.*

№ 1–2 (2014)

Ежеквартальный
научно-публицистический
журнал Правительства
Оренбургской области и
научно-исследовательского
института истории и
этнографии Южного
Урала Оренбургского
государственного университета

Главный редактор:
Веналий Амелин

Редакционный совет:
Ильгиза Габдулгафарова
Денис Денисов
Марина Ефименко
Елена Филиппова
Рамазан Магомедов
Константин Моргунов
Равиля Хисамудинова
Галина Шешукова

Мнения, высказанные в
опубликованных материалах,
могут не совпадать с точкой
зрения редакции.
При перепечатке материалов
ссылка на журнал
«Этнопанорама» обязательна.

Адрес редакции:
г. Оренбург,
460015, Дом Советов,
комната 516.
Тел.: 8 (3532) 37-25-64,
8 (3532) 78-69-16
E-mail: avenali@mail.ru
niiural@mail.osu.ru
© «Этнопанорама», 2013

Художественное и техническое
редактирование, верстка
выполнены
в ООО ИПК «Университет».
Заказ № 00.
460007, г. Оренбург,
ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26

Отпечатано в ООО ИПК
«Университет».
Тираж 500 экз.

• НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА

В.А. Тишков, В.В. Степанов
ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕНЬШИНСТВА
И ПОЛИТИЗИРОВАННЫЕ МИФЫ
В БАЛТИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ 4

• МИГРАЦИЯ

В.К. Малькова
МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР
ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИЭТНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА
НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ 12

Т.Т. Титова, А.И. Салахова
ПРИНИМАЮЩЕЕ НАСЕЛЕНИЕ И
МИГРАНТЫ В РЕСПУБЛИКЕ
ТАТАРСТАН 23

Н.А. Барышная
ИНТЕГРАЦИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ
МИГРАНТОВ В МАЛЫХ ГОРОДАХ
РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРАКТИКИ
«СОЦИАЛЬНОГО
ГРАЖДАНСТВА» 30

• МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

С.Р. Дерябина
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ВНУТРИ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ
СООБЩЕСТВ 36

*В.В. Амелин, Д.Н. Денисов,
К.А. Моргунов*
ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И
МИРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ
ОБЛАСТИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
И ОБЕСПЕЧЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО
СОГЛАСИЯ 40

• ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

*И.И. Бойко, А.П. Долгова,
В.Г. Харитонова*
СТУДЕНЧЕСКАЯ И УЧАЩАЯСЯ
МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШИИ:
ОБРАЗЫ РОДИНЫ И
ГРАЖДАНСКИЕ ЧУВСТВА 48

• ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

А. В. Гурко
МАСС-МЕДИА КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЁЖИ
ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ) 57

СОДЕРЖАНИЕ

• РОДНОЙ ЯЗЫК

О.В. Орлова
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В
РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ (ПО
МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ 1973-2012 ГГ.) ... 61

• 70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

В.Г. Чеботарева
МЕНТАЛИТЕТ СОВЕТСКОГО
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА
В ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941-1945 ГГ. 66

• МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

В.В. Степанов
СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ
КАК ПЛОХОЙ ПРИМЕР
ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ 79

• КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ

И.М. Габдрафиков
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ, КУЛЬТУРНАЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: КАКИЕ ВЫЗОВЫ И
ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ НАРОДОВ
ПОВОЛЖЬЯ?» 109

XI КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И
ЭТНОЛОГОВ РОССИИ 111

• РЕЦЕНЗИИ

В.В. Амелин, Н.И. Кондакова
О КНИГЕ Р.Г. АБДУЛАТИПОВА И
В.А. МИХАЙЛОВА «СУДЬБЫ
НАРОДОВ РОССИИ В XXI ВЕКЕ:
СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ» .. 119

В.В. Амелин
МОНОГРАФИЯ ДЖУНДЖУЗОВА
СТЕПАНА ВИКТОРОВИЧА
«КАЛМЫКИ В СРЕДНЕМ
ПОВОЛЖЬЕ И НА ЮЖНОМ УРАЛЕ:
ИМПЕРСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
АККУЛЬТУРАЦИИ И ПРОБЛЕМА
СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ (СЕРЕДИНА 30-Х
ГОДОВ XVIII – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ
XX ВЕКА)» 122

С.В. Васильев, С.В. Чешко
ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ:
НОВАЯ СЕРИЯ 124

*В.А. Тишков, В.В. Степанов**

ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И ПОЛИТИЗИРОВАННЫЕ МИФЫ В БАЛТИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

Казалось бы, для современной Европы проблема меньшинств по политическим взглядам и нормам политкорректности уже давно приобрела законченную форму. После Второй мировой войны было четко определено (и закреплено в международном и национальных законодательствах), где именно есть этнические (языковые, религиозные) меньшинства, сколько их, какие они и какие права им необходимо предоставлять. При этом количество меньшинств было очень небольшим – на то они и «меньшинства». В Австрии законом защищены права меньшинств из числа словенцев и хорватов, имеющих собственные традиционные территории, а также венгров, чехов, словаков, рома и синти. В Бельгии меньшинством признано малочисленное германоязычное население, не защищенное территориальной автономией, но наделенное правом решать проблемы культуры и школьного образования. В Германии общее число людей, официально причисленных к меньшинствам, крайне невелико и их права признаны на ограниченных территориях, а в понятие «меньшинство» не включены так называемые новые меньшинства, в частности, турки. Подписывая Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств, Германия декларировала, что поскольку конвенция не содержит определения понятия «национальное меньшинство», ее положения на территории Германии будут применяться в отношении датчан, сорбов, фризов и цыган (синти и рома). При этом федеральная конституция Германии не зафиксировала каких-либо специальных указаний в отношении защиты меньшинств, такие указания есть лишь в конституциях германских земель, где проживают эти меньшинства. Список меньшинств был установлен в Польше и в других государствах.

С наступлением XXI в. возникла потребность в новом понимании того, кто «может» быть меньшинством и интересы каких групп следует принимать во внимание. Сознавая, что жизнь не стоит на месте, западноевропейский политический истеблишмент сохранил в неизменном виде старые принципы по-

литики в отношении меньшинств, но в течение нескольких десятилетий предпринял впечатляющие по своим масштабам попытки внедрить параллельную доктрину о новых меньшинствах, впрочем, не признавая их таковыми. Политика получила название мультикультурализма. Казалось, до последнего времени она действовала более или менее успешно, но в 1990-е годы ускорился процесс объединения Европы (политическая и экономическая интеграция, свобода трансграничных перемещений) и возросли общие европейские риски финансово-экономического, а следовательно, и политического кризисов. Если прежде ксенофобская риторика была уделом лишь маргиналов от политики, то сегодня даже в государствах признанной европейской демократии высокопоставленные чиновники один за другим признаются в нелюбви к возросшему культурному разнообразию. Выяснилось, что политика мультикультурализма плохо совместима с политикой меньшинств, а обе они не только не дополняют друг друга, но даже порождают специфические формы дискриминации, уделяя разным группам населения внимание в зависимости от их национальности» этнической принадлежности, расы, языка и религии. Если в какой-либо стране Евросоюза определенная группа, например цыгане, наделены меньшинственным статусом (Германия, Польша и др.), то в других европейских странах отсутствие аналогичного статуса (Франция, Греция) не компенсируется политикой мультикультурализма данная группа даже подвергается со стороны властей открытой дискриминации.

Оказалось, что в условиях единой Европы разные государства стремятся к разной политике меньшинств и мультикультурализма. В масштабах объединенной Европы по-прежнему нет надлежащего внимания ни к «старым» (списочным) меньшинствам, ни, тем более, к «новым» (непризнаваемым). Даже на уровне государств остается проблематичным выполнение международных норм о защите меньшинств и близких к ним по положению групп. Во многих странах Европы ущемляются цыгане. Не при-

*Тишков Валерий Александрович – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН.
Степанов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, исполнительный директор сети EAWARN.

влекают достаточного внимания властей многие культурно-отличительные группы (далее перечень заведомо неполный) - венгры в Чехии, Словакии, Румынии, российские немцы в Германии, русские в Финляндии, сардинцы и тирольцы в Италии, бретонцы и корсиканцы во Франции, баски и каталонцы в Испании, ирландцы, расовые и миграционные меньшинства в Великобритании Особого внимания требует проблема массового нарушения прав культурно-отличительных групп на территории бывшей Югославии, особенно в Косово².

Геополитические вызовы конца прошлого столетия внесли еще больший разлад в европейское восприятие меньшинств. После распада СССР и в связи с крушением всей социалистической системы европейское содружество государств пополнилось новыми членами, и возросло количество меньшинственных и мультикультурных ситуаций. Появились государства, где русские и другие русскоязычные на территории своего постоянного проживания и рождения были названы нацменьшинствами, но при этом не только не получили поддержки, но и оказались в статусе апатридов - лиц без гражданства. В Латвии они составили половину, в Эстонии - треть населения, а в Риге - большинство жителей. Открытая дискриминационная политика имела целью вызвать отъезд русских в Россию. Но русские в своем подавляющем большинстве остались в странах Балтии. Ныне они поставлены перед необходимостью жесткой борьбы за достижение статуса равноправия и за сохранение своей культурной идентичности перед вызовом мощной и последовательной политики ассимиляции. Жесткое ассимиляторство уж точно не вписывалось в европейские стандарты относительно меньшинств и мультикультурности, но такую политику объединенная Европа в целом поддержала, а некоторые политические силы взяли «опыт» Эстонии и Латвии себе на заметку.

Напомним, что русское население проживает на территории Латвии и Эстонии с древних времен. В Российской империи Латвия была одним из важнейших центров православного старообрядчества, в период независимого существования между двумя мировыми войнами это была территория русско-немецко-латышского трехязычия, а в советский период - республикой с русско-латышским двуязычием³. В Эстонии было широко распространено эстонско-русское двуязычие. В обеих республиках позиции национальных языков были очень сильными: языковой ассимиляции в пользу русского среди латышей и эстонцев фактически не было (исключение - «сибирские» латыши, вернувшиеся из сталинской ссылки), в поздний советский период на национальных языках получили развитие печать и телевидение, энциклопедические издания, театр, литература, музы-

кально-певческая культура. Русский язык и национальные языки в советское время существовали как средства коммуникации параллельно существующих языковых сообществ⁴. По мнению авторитетных ученых, в советский период миграционная политика не преследовала цель намеренной русификации, а тем более «этнических чисток, колонизации или других мер геноцида», как это представляют местные политики и ученые в рамках «особой балтийской теории жертвы»⁵. Социально-культурная ситуация резко изменилось после исчезновения СССР. В течение всех последующих лет в Латвии и Эстонии проводилась борьба с русским языком и с русским культурно-историческим наследием.

Бывший Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств Макс ван дер Стул однажды заявил, что он не знает, что собой представляют национальные меньшинства, но зато может точно сказать, существует или нет проблема меньшинств в той или иной стране, где ему приходится бывать. Он также утверждал, что с его точки зрения вопрос существования меньшинств - это вопрос факта, а не права⁶. Когда Совет Европы принял Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, ряд государств членом ее ратифицировали и каждый год предоставляют отчеты о выполнении конвенции, а специальный Консультативный комитет в Страсбурге наблюдает за ее исполнением. Но уже понятно, что необходима ревизия так называемой политики меньшинств и одного из порождений этой политики в виде этой конвенции. Прежде всего следует избавляться от ангажированности, предвзятости и двойных стандартов, во многом связанных с расплывчатыми формулировками самой конвенции. Доктрина меньшинств с момента ее рождения в начале XX в. была крайне политизированной, а научной точки зрения - уязвимой. Рождение и существование теории меньшинств и основанной на ней политико-правовой практики было связано с проблемой существования разных форм неравенства людей, основанных на этнических, религиозных, расовых и языковых различиях. Но желание государств компенсировать эти формы неравенства оказалось в сильной зависимости от политических предпочтений. На основе предпочтений, а не действительной ситуации, составлялись перечни так называемых признанных меньшинств.

Главный недостаток европейской конвенции - это дальнейшее закрепление несостоятельной идеологии и бытовых представлений о существовании твердо установленных групп меньшинств. Инспектирующие соблюдение конвенции лица настаивают на необходимости иметь в стране список меньшинств и сокрушаются, когда такого списка нет. В докладе по России говорится: «Консультативный комитет

отмечает, что Российская Федерация не установила перечень национальных меньшинств и что она не занимает четкой позиции в отношении того, на какие группы будет распространяться Рамочная конвенция или какое определение следует дать термину «национальное меньшинство»⁷. Собственно говоря, за всем этим скрывается латентная полемика между Россией и Западной Европой, которая сводится к тому, что Россия готова распространять деятельность конвенции на все преобладающие группы: от вынужденных мигрантов до представителей коренных малочисленных народов Севера. Но тогда, при пересмотре подходов, и в самой Европе в категорию меньшинств должны попадать не группы по твердому списку, а те, которые действительно находятся в ущемленном положении.

Однако в условиях европейского разделения политики на меньшинственную и мультикультурную, и тем более на нынешнем этапе, когда с высокими трибунами уже высказаны сомнения в целесообразности мультикультурализма как такового, новый подход поставил бы в трудное положение западноевропейские страны. И конечно, этот подход осложнил бы деятельность правительств некоторых стран бывшего СССР - Латвии и Эстонии. Они хитрой казуистикой вывели часть населения, принимавшего участие в создании новых государств, из категории граждан, попытавшись тем самым снять с себя ответственность за исполнение мер по поддержке и защите культуры и языка, а также по политическому представительству этой части населения. Руководство Литвы, однако, оказалось мудрее и не стало прибегать к таким приемам. Европа в свое время дала добро на акцию выведения из гражданства до половины населения двух постсоветских государств, а позднейшие усилия Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств, по понятным причинам, не принесли ощутимых результатов.

Другим отступлением европейцев от мировой нормы стала измененная формулировка субъекта конвенции: им стали не лица, принадлежащие к языковым, этническим, религиозным и расовым меньшинствам, а лица, принадлежащие к «национальным меньшинствам». Почему «национальным»? Только в восточноевропейской и советской традиции термин «национальный» было принято использовать в этническом смысле. Поскольку территориальные контуры этнонаций не совпадают с государственными границами, то «национальными меньшинствами» считались и до сих пор считаются люди, проживающие за пределами государств основного расселения этнически родственного населения (венгры за пределами Венгрии, поляки за пределами Польши и т.д.).

Что имели в виду ОБСЕ, создавая пост Верховного комиссара, или Совет Европы, принимая Ра-

мочную конвенцию, не очень ясно. Однако предложения представителей Венгрии и Турции, озабоченных «разделенностью наций», были приняты. Вместо этнических, языковых и религиозных появились «национальные меньшинства». Это позволяло канализировать внимание и деятельность ОБСЕ и Совета Европы в направлении тех стран, где признана данная дефиниция и данная категория населения. Поскольку в Великобритании, Испании, Франции или Финляндии «национальных меньшинств» нет, то и делать ОБСЕ в этих странах «нечего». Потому Верховный комиссар Ван дер Стул занимался все годы своей службы Венгрией и Югославией, Латвией и Эстонией, а также «Украиной (Крымом).

Впрочем, в Балтийских государствах «нацменьшинства» возникли не в результате европейской политической доктрины, а на осколках советской идеологии. Возникновение новых государств после распада СССР, а применительно к странам Балтии используют и понятие «восстановление старой государственности», создало 15 сложных и непохожих друг на друга ситуаций в сфере нациестроительства и этнической политики. Однако есть некоторое общее для новых стран сходство. Это - доктрина и практика этнического национализма советского образца, породившая так называемые «национально-освободительные проекты» под лозунгом о праве наций на самоопределение. Поскольку «социалистическими нациями» в СССР были названы титульные этнические общности в рамках соответствующих союзных республик, то именно эти этнические элиты возглавили движение за дезинтеграцию советского государства и создание новых государств вместо бывших союзных республик.

Никаких теоретических новаций для сепарации на этнонациональной основе не требовалось - распад произошел как реализация старого советского лозунга о праве наций на самоопределение. Если в иных новых независимых государствах конституционная формула заключала в себе откровенный этнонационализм, то в странах Балтии вместо этнонаций был взят за основу государственности принцип «восстановленного гражданства» в «восстановленном государстве». Этот принцип обернулся грандиозной привилегией именно для этнических латышей, эстонцев и частично литовцев. Нужно отдать должное политической изошренности балтийских политиков по части исключения из состава нации значительной части населения и нераспространения на изгоев даже категории защищаемых международными нормами меньшинств.

Не все и не сразу осознали суть и последствия балтийского постсоветского проекта. Впрочем, было бы грешно жаловаться на недостаток внимания со стороны ученых к ситуации в странах Балтии. Нор-

вежский историк Пол Колстое, американский социолог Дэвид Лейтон, российские политологи и этнологи Д. Фурман, М. Устинова, С. Рыжакова и многие другие каждый со своих дисциплинарных позиций и идеологических воззрений изучали ситуацию и делали выводы⁸. Но все равно доминирующей осталась первоначальная популистская позиция, сложившаяся в период горбачевской либерализации и исходившая из того, что имело место «восстание наций» против «советской империи», что якобы постколониализм как парадигма лучше всего объясняет суть распада СССР и произошедших в его пределах последствий. Следует сказать, что большое число собственно балтийских исследователей создали мощный пласт научной и публицистической литературы, этнонационалистической по своей сути, амбициозной и надменной по своей стилистике, но не лишенной профессионализма по части сделанного выбора и методов нациестроительства.

Собственно говоря, ни о каком строительстве постсоветских наций в странах Балтии, как правило, не задумывались. Речь шла об устранении «угроз», которые несла «малым нациям» Балтии «большая нация» в лице русского населения. Многоэтническая природа новых балтийских наций была сразу же отвергнута как невозможная. Допустимым признавался только один вариант - культурно-языковая ассимиляция русскоязычного или польскоязычного населения в этнических средах латышей, литовцев, эстонцев. Для его осуществления ключевым моментом представлялось радикальное уменьшение численности нетитульного населения через систему косвенного насилия и принуждения к эмиграции, а для оставшихся - жесткая политика в сфере образования и языкового регулирования.

Только спустя десять с лишним лет у экспертного сообщества и части политического класса стран Балтии стало формироваться осознание невозможности обеспечить развитие трех балтийских наций на моноэтнической основе. Но трудность отказа от этнонационализма настолько велика, что, несмотря на опасность, которую он представляет для самих государств, этнонационализм по-прежнему лежит в основе государственного управления. Отказ русскоязычному населению в гражданских правах был продиктован наивной и корыстной целью исправить демографический баланс в пользу титульных этнонаций и сделать их привилегированными распорядителями материальных благ. Этнонационализм в Латвии и Эстонии настолько глубоко укоренился в новой государственности и массовом менталитете, что в нынешних условиях даже постановка вполне разумных вопросов о возврате к принципу «нулевого гражданства» и к провозглашению официального двуязычия кажется «невероятной». Между тем на-

циональные культуры этих двух стран достаточно сильны, и им не угрожает присутствие русского языка и культуры, хотя русский язык является родным для огромной части местного населения. Кроме многокультурности и формирования мультиэтнических наций других безболезненных альтернатив развития у стран Балтии нет. Есть, однако, массовые фобии о русском засилье, есть и построенная на подобных фобиях политика массового принуждения к ассимиляции.

Сецессия Латвии, Эстонии и Литвы была принята междунациональным сообществом как восстановление независимой государственности, которой обладали эти территории до 1940 г. Главный смысл такого варианта самоопределения в Латвии и Эстонии заключался в том, чтобы лишить статуса гражданства русское и другое нетитульное население, вынудив его уехать в Россию или ассимилироваться. Как заявила бывший президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга, «проблема русских в Латвии в том, что их слишком много». Поскольку массовый исход русскоязычного населения не состоялся, государственные машины Латвии и Эстонии через политику ассимиляции попытались уменьшить численность русских в своих странах. В какой-то мере это удалось сделать, и нынешняя демографическая оценка уже перевела русских в разряд численно сокращающегося меньшинства, а титульное население - в положение уверенного большинства, тогда как к моменту распада СССР русские составляли до трети населения.

В любом государстве имеется категория лиц, по тем или иным причинам не имеющих никакого гражданства. Но лишь в постсоветской Латвии и постсоветской Эстонии в политических целях власти создали беспрецедентные условия, при которых отсутствие гражданства стало массовым. Русскоязычные СМИ этих стран, представители русских общин постоянно говорят о том, что ситуация с массовым безгражданством является не стихийным, а целенаправленным результатом деятельности властей; эта ситуация должна рассматриваться международным сообществом именно как акция лишения политических прав значительной части населения соответствующих стран, а не как вынужденная проблема, возникшая в результате переселений. В настоящее время на указанном «основании» не имеют какого-либо гражданства более 13% шестидесятилетних жителей Латвии, а это свыше 300 тыс. человек, и 6,7% жителей Эстонии - 91 тыс. человек⁹.

Лица, не имеющие гражданства, не имеют всей полноты политических и гражданских прав (хотя в полном объеме подвергаются государственному налогообложению). В Совете Европы в связи с проблемой массового безгражданства уже многократно заявлено, что наличие гражданства служит необходи-

мой предпосылкой для полноценного пользования остальными правами человека. Неграждане не имеют права участвовать в общегосударственных выборах – у них нет права голоса и нет права быть кандидатами. Если в Эстонии неграждане хотя бы могут участвовать в муниципальных выборах, то в Латвии им запрещено избирать даже депутатов тех самоуправлений, где они платят налоги. При этом 1гражданин любой другой страны Евросоюза, приехавший на жительство в Латвию, уже по прошествии короткого срока получает право участвовать в выборах в органы самоуправления. Неграждане не могут работать на государственной службе и на некоторых других должностях.

В обеих республиках вместо паспорта гражданин апатридам выдается другой документ – паспорт иностранца (аБеп'з разкроП;). От сокращения слова «неграждане» на русском языке распространилось бытовое наименование «негры», которым с иронией называют себя лишенные прав люди. Для вхождения в гражданство им предложена процедура «натурализации», которая значительной частью населения воспринята как несправедливая и унижительная. В среде местных русских можно услышать: «Полвека живу в Латвии! Мполжизни проработал инженером на рижском заводе, знаю латышский язык, отстаивая получение Латвией независимости, пострадал как защитник баррикад в 1991 г., но гражданство путем натурализации не хочу брать из принципа». Или. «Я в Латвии с 1958 г., дочь родилась здесь, она латышский знает, но «натурализоваться» не хочет, а я в свои 11 лет экзамены просто не сдам»¹⁰. Живущий в Эстонии известный историк-египтолог С. Стадников, переводчик на эстонский, популярный автор колонок в эстоноязычных СМИ является гражданином России. Его позиция в отношении натурализации как человека, всю жизнь прожившего в Эстонии и боровшегося за эстонскую независимость, воспринимается как укор местному истеблишменту.

Местные общественные активисты высказывают точку зрения, которая уже давно стала предметом массового дискурса: «Свое нежелание натурализоваться объясняю принципиальными соображениями. Меня лишили гражданских прав фактически силой и, натурализуясь, я признаю гем самым правоту насильников. К этому, кстати, многие [европейские] эксперты относятся с пониманием, они считают разделение латвийского населения на граждан и неграждан ошибочным Это иллюзия, что после всеобщей натурализации здесь будет полняя идиллия. Не будет, потому что государственной идеологией в 1991 г. выбрали русофобию»; «Я родился в Латвии и был лишен новыми властями гражданских прав. Натурализовался в 2006 г., но считаю институт безгражданства Латвии явлением постыдным. Развиваться, дви-

гаться вперед стране поможет только сплочение народа, единение русских и латышей. Но латвийские руководители действуют строго наоборот ... Русские, вытесненные государством на обочину, привыкли выживать в одиночку и придерживаются этой модели»¹¹.

Известно и мнение людей, которые, обладая гражданством, поддерживают неграждан, тем более, что во множестве случаев разделение проходит прямо по семьям и родственникам: «Разделение на граждан и неграждан очень разобщает наше общество. Вот получают все право голоса, и тогда все изменится. Главное – люди будут друг к другу лучше относиться! А потенциал-то какой у неграждан, сколько среди них умных, талантливых, знающих людей! Они должны идти в Думу и Сейм, чтобы поднимать нашу экономику!»¹².

Насколько простые люди – латыши и эстонцы – поддерживают в своих странах режим разделения, сказать сложно, хотя по этому вопросу проводилось немалое количество исследований. Власти Латвии и Эстонии утверждают о полном «гражданском» консенсусе, а общественные деятели из русскоязычной среды указывают на неточность такого заявления. Они подчеркивают, что старшее поколение латышей и эстонцев в большинстве осознает несправедливость разделения населения, а молодежь, воспитанная в новых условиях, считает, что неграждане в их стране есть лишь потому, что те не хотят пройти законом установленную процедуру натурализации»¹³.

Не имеют гражданства не только взрослые, но и дети. Остроту этой проблемы не единожды подчеркивали международные организации. Рекомендации Совета Европы гласят, что Эстонии следует изменить законодательство, чтобы дети неграждан с момента рождения проходили автоматическую натурализацию. Комиссар Совета Европы указал, что в Эстонии на начало 2013 г. детей и подростков, не имеющих гражданства, свыше 1,2 тыс. человек. Отмечено уменьшение количества детей, получающих гражданство через механизм натурализации: в 2011 г. 605 человек, в 2012 г. 469¹⁴. Хотя еще в 2002 г., до вступления Латвии в Евросоюз, Парламентская ассамблея Совета Европы оценила политическую ситуацию в этой стране как «долговременный дефицит демократии». Ситуация с «дефицитом» остается без изменений. При этом в 2015 г. Латвия будет председательствовать в ЕС.

Многие международные структуры относятся отрицательно к системе массового безгражданства в Латвии и Эстонии, усматривая в ней этнический (т.е. дискриминационный) характер проблемы. Однако позиция международных структур по этому поводу не является активной. Они заявляют о «невозможности» оказывать давление на внутреннюю политику этих стран. Между тем очевидно, что междуна-

родные структуры учитывают не только факт массового несоблюдения прав человека в двух Балтийских государствах, но и подмечают «геополитический интерес» России, которая якобы заинтересована в том, чтобы зарубежные русские и русскоговорящие получили в Балтийских странах гражданство. При этом как бы упускается из виду, что на протяжении двух постсоветских десятилетий Россия как раз приветствовала пере ход соотечественников в российское гражданство, и значительная часть населения в обеих балтийских республиках российское гражданство получила. В докладе международной правозащитной организации и Amnesty International, обнародованном в 2013 г., со ссылкой на Управление Верховною комиссара по беженцам ООН, указывается, что 300 тыс. «неграждан Латвии» в основном русского происхождения, хотя и обладают в сравнении с другими ситуациями безгражданства в мире «несколько большими правами и защитой закона», тем не менее лишены политических прав¹⁵. Благодаря указанию на «российское мигрантское происхождение» и «лучшие», чем у апатридов в других странах, права проблема балтийских неграждан не воспринимается европейскими экспертами и чиновниками как острая. В суждениях сказывается и недостаточная осведомленность международных структур о ситуации в Балтийских странах. В 2012 г. в Нью-Йорке глава офиса по правам человека Управления Верховного комиссара по правам человека ООН И Шкмонович обсуждал с общественными представителями Латвии и Эстонии проблему массового безгражданства как проблему «мигрантов»¹⁶.

О том, что Россия могла бы помочь решить проблему массового безгражданства в странах Балтии, говорят общественные деятели и правозащитники из этих стран. Они считают, что не действуют подписанные в 1491 г. с Латвией и Эстонией договоры, в которых гражданство этих стран определялось в результате свободного выбора населения («оптации»), а не в результате получения вида на жительство и обязанности сдавать экзамен на знание языка и конституции/истории страны¹⁷. Однако очевидно, что ответственность за нарушение договоров несет как раз та сторона, которая не предоставила гражданство собственному населению на равных для всех условиях. По неоднократным заявлениям российских политиков, отношение России к ситуации массового безгражданства русского и русскоязычного населения двух Балтийских государств резко отрицательное. Но внешнеполитические действия по преодолению неравноправия ни на каком этапе, вплоть до настоящего времени, не были последовательными.

Находясь фактически один на один с проблемой, общественные структуры из среды русского населения в Латвии и Эстонии стремятся донести до

мировой общественности, прежде всего европейской, всю сумму несправедливостей и в связи с массовым безгражданством, и в связи с ограничениями по языку и этнической принадлежности. Уже пришло понимание того, что требуется сплоченность и собственная инициатива, что необходимо «формировать общественное мнение Европы», что это «работа кропотливая» и никто другой ее делать не будет¹⁸. Общественные активисты говорят, что действуют не в интересах какой-либо другой страны, не в интересах России, а в собственных интересах. Все чаще они заявляют, что являются прежде всего патриотами своих государств, что намерены расшевелить европейскую общественность и убедить европейские правовые структуры в том, что допущена историческая несправедливость по отношению к ним, как части жителей объединенной Европы. Высказываются предложения добиться для себя сперва гражданства Евросоюза¹⁹ (которое в настоящее время является лишь производным от гражданства страны-члена ЕС прим. ред.). Были (и до сих пор не исчезли) надежды на то, что сам факт председательства той или другой балтийской страны в Европейском союзе будет стимулом для избавления от дискриминации²⁰. Дело дошло даже до того, что, собравшись на форум российских соотечественников, балтийские русские направили коллективное послание американскому президенту Б. Обаме, дабы тот повлиял на латвийские власти²¹.

В странах Балтии процесс освоения русскими титульных языков идет достаточно энергично - здесь мало шансов противостоять государственной машине. В будущем это может сильно изменить ситуацию не в пользу русского языка. Но не следует верить мифам о том, что русский язык и русская культура в странах Балтии исчезнут вслед за исчезновением СССР. В 2004 г. в Латвии из 2,3 млн населения 1,3 млн активно владели русским языком, в Литве из 3,4 млн активно владели 0,5 млн, в Эстонии из 1,3 млн - 0,5 млн.²² Это при том, что русский язык во всех трех странах был жестко определен как один из иностранных языков без каких-либо преференций даже на местном уровне (т.е. там, где проживает наибольшее количество его носителей).

Ситуацию с русским языком выявили результаты социологического опроса, проведенного организациями «Евразийский монитор» и «Наследие Евразии» через социологическую службу «Циркон» в 2007 г. Картина впечатляет высокой степенью использования русского языка. О владении русским языком половина и более опрошенных жителей стран Балтии ответили утвердительно. Из сферы домашнего общения русский язык вытеснен только в Литве, а в Эстонии и Латвии на русском в семейном кругу говорят до 40%; аналогичные данные получены по

языку внесемейного бытового общения. Больше всего языковой дерусификации подверглись государственные учреждения. Но даже в такой репрессивной для русского языка сфере, как образование, русский язык сохраняет значимые позиции и в Эстонии, и в Латвии. Если прессу и книги на русском языке люди читают примерно на таком же уровне, что и использование русского языка дома и на работе, то более доступное русскоязычное телевидение оказывается лидером среди поставщиков информации²³.

Сложившаяся за последние десятилетия тенденция свидетельствует о появлении в среднесрочной перспективе массового двуязычия как наиболее приемлемой стратегии. Но при этом в странах Балтии действует энергичная, подчас агрессивная образовательная политика по переводу школьного образования с русского, где он еще сохранился, на государственные языки. Со своей стороны, Россия, руководствуясь международно-правовыми нормами и заботами о русском языке, не должна снимать вопрос об официальном двуязычии либо о мерах специальной защиты и поддержки русского языка в странах Балтии.

Ситуация с массовым безгражданством и культурно-языковым ассимиляторством в Латвии и Эстонии выглядит на сегодня как тупиковая. За годы, прошедшие со времени исчезновения СССР и получения Эстонией и Латвией независимости, власти этих государств даже путем репрессивной политики лишения гражданства не смогли полностью выдвинуть из страны или полностью ассимилировать иноэтническое и иноязычное население. Но они смогли отлучить «этнически нелояльное» население от политических нрав и запустить в действие механизмы принудительной языковой и культурной ассимиляции. Со своей стороны, Россия, многократно высказывавшая протесты, не смогла повлиять на эти два государства. Авторитетные же международные структуры проявили к проблеме безгражданства и ассимиляторства терпимость, выказывая двум Балтийским странам лишь отдельные укоры. Что касается

самих русских, проживающих в странах Балтии, то их самостоятельная организационная активность по преодолению проблемы безгражданства и утраты языка проявилась только в последние годы. Будучи запоздалой, эта активность, очевидно, не может принести в скором времени существенные перемены.

Российским политикам и экспертам не следует заблуждаться – в странах Балтии для России русскоязычное сообщество не стало политической опорой и едва ли сможет стать таковой. Местные молодые русские, овладев эстонским, латышским, литовским языками, а также английским, служат в вооруженных силах стран НАТО, поставив свою гражданскую ответственность выше этнокультурной идентичности. Это – мировая практика диаспорального поведения. Но также мировой нормой является и отказ от принудительной ассимиляции балтийских русских в пользу латышей, литовцев и эстонцев. Это драматическое противоречие еще предстоит преодолевать в будущем, ведь власти Балтийских стран, судя по всему, и впредь хотят придерживаться доктрины этнической и языковой однородности своих государств.

Если же общегражданские принципы нацистского режима в странах Балтии смогут взять верх, русская диаспора свою идентичность формировала бы не на конфликтной, а на «конгломератной» основе, например, балто-славянской.

Косвенное и прямое насилие не принесут ни социальной, ни политической стабильности, ибо частные и групповые стратегии граждан сильнее установок балтийских политиков и ученых, мечтающих создать однообщинные государства. Если безнадежность доктрины узкого этнонационализма не будет осознана, внутренний конфликт в Латвии и Эстонии продолжится. Он может обрести резкие формы, когда местные неграждане и граждане с принижением по причине этнического происхождения статусом смогут политически организоваться, сформулировать требования и добиваться их исполнения.

Примечания:

¹ Тишков В.А., Степанов В.В. Европейские меньшинства и политизированные мифы в балтийском контексте. // Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука. – 2013. – стр 9-21.

² См.: Соколовский С.В. Права меньшинств и международное право: проблемы самоопределения и суверенитета. М., 1997; Дрибинс Л. Этнические и национальные меньшинства в Европе. Рига, 2004; Этнические меньшинства в современной Европе /

Под ред. А.Н. Кожановского. М., 1997; Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; Она же. Косовский узел: этнический фактор. Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. № 204. М., 2008.

³ Диманте И.В. Русский язык в Латвии: история и перспективы // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 177-187.

⁴ Zaslavsky V. The Evolution of Separatism in Soviet Union under Gorbachev / From Union to Commonwealth: Nationalism and Separatism in the

Soviet Republics / Eds. G.W. Lapidus, V. Zaslavsky. Cambridge University Press, 1992.

⁵ Wiegandt M.H. The Russian Minority in Estonia / International Journal on Group Rights. 1995. № 3. P. 117.

⁶ Van der Stoel M. "I Will Have to Develop New Methods for My Future Task". Acceptance Speech to the Stockholm Meeting of the Council of Ministers of Foreign Affairs of the CSCE, 15 December 1992, Stockholm, Sweden // Peace and Stability through Human and Minority Rights. Speeches by the OSCE High Commissioner on National Minorities / Eds. M. van der Stoel, W. Zellner and Lange F Baden- Baden, 1999. P. 32.

⁷ Консультативный комитет Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств. Мнение о Российской Федерации, принято 13 сентября 2002 г., Страсбург, П. 20.

⁸ Kolstoe P Russians in the Former Soviet Republics. L., 1995; Idem. Political Constructions Sites: Nation Building in Russia and the Post-Soviet States. L., 2000; Laitin D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the New Abroad. Princeton, 1997; Страны Балтии и Россия: общества и государства / Сост. Дм. Фурман. М., 2002.

⁹ Носович А. Русские в Латвии независимо от наличия гражданства остаются русскими (rubaltic.ru); ЕС и ООН: в Эстонии продолжается дискриминация русскоязычного меньшинства (www.mid.ru).

¹⁰ Александрова Ю. «Негры» Латвии выбрали свой Парламент (Фонд содействия гуманитарному сотрудничеству «Русское единство» // rusedin.ru

¹¹ Из интервью А. Гапоненко (общественный

деятель в Латвии, один из организаторов референдума за русский язык, заместитель спикера самоучрежденного негражданами в 2013 г. «Парламента непредставленных») и А. Гамалеева (общественный активист). См.: Слюсарева Е. Есть ли жизнь после референдума? // Русский век. 2012. № 8 (ruvek.ru)

¹² Александрова Ю. Указ. соч.

¹³ Носович А. Указ. соч.

¹⁴ ЕС и ООН: в Эстонии продолжается дискриминация русскоязычного меньшинства (www.mid.ru).

¹⁵ Amnesty International. Annual Report 2013: Latvia (www.amnesty.org)

¹⁶ Гушин В. В ООН - о массовом безгражданстве в Латвии и Эстонии (rusedin.ru)

¹⁷ Ткачев В. Русский омбудсмен в Эстонии: Фонд решает вопросы предельно оперативно и проактивно (rus.ruvr.ru)

¹⁸ Об этом см.: Слюсарева Е. Указ. соч.

¹⁹ Об этом см.: Носович А. Указ. соч.

²⁰ Европарламент: проблема неграждан должна быть решена в Латвии до 2015 года (kongress.lv; gravfond.ru).

²¹ Обращение принято на 6-й конференции организаций российских соотечественников Латвии в августе 2013 г.

²² Орешкина М. Русский язык в правовом пространстве стран СНГ и Балтии // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., С. 186.

²³ Русский язык в новых независимых государствах: состояние и перспективы. Аналитический отчет 18.10.2007 (Международное исследовательское агентство «Евразийский Монитор»).

В.К.МАЛЬКОВА*

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА. НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ.

Историческое значение Москвы велико и неоспоримо для развития России и для русского национально-этнического самосознания. Однако Москва – не только русский, но и полиэтничный город. Говоря о полиэтничности того или иного поселения, обычно имеют в виду этнически смешанный состав населения. И это с полным правом относится не только к Москве XX и XXI веков, но и к более ранним периодам. Вместе с русскими москвичами здесь издавна жили и представители многих других национальностей. Но именно на рубеже XX и XXI веков в городе особенно заметно увеличивается этническое разнообразие населения. Многие эксперты считают это явление еще одним неоспоримым украшением российской столицы, однако далеко не все так называемые «коренные» москвичи с этим согласны.

Современные исследователи московской реальности задаются вопросами: насколько из-за притока мигрантов со временем меняется этнический и профессиональный состав населения Москвы¹, грозит ли городу в результате интенсивной миграции населения анклавизация, «инкапсуляция»², «этническая сегрегация и геттоизация»³??? Обсуждается и вопрос о том, как конкретно в будущем может меняться этнический ландшафт российской столицы⁴, и как он уже изменился в последние годы⁵. На некоторые вопросы можно найти условные ответы в результатах переписей населения, проводившихся в нашей стране в разные времена.

Последняя и предыдущие переписи населения показывают, что московское полиэтничное пространство не является стабильным, и **тенденция к дальнейшему росту этнического многообразия населения уже очевидна и бесспорна**. Аналитики-москвоведы беспокоятся – не приведут ли интенсивные миграционные процессы к появлению в российской столице этнических кварталов или районов компактного проживания представителей разных этнических групп? Одни из них утверждают, что это вряд ли произойдет⁶. Однако другие считают, что это уже произошло и показывают на схемах, что в Москве уже

совершенно отчетливо выделяются ареалы повышенной концентрации этнических меньшинств и зоны их преимущественного проживания.

И в самом деле, Москва, как и другие современные мегаполисы, испытывают на рубеже XX и XXI веков *«сильнейшее давление миграции»*. И, хотя доля русского населения в городе несколько сокращается, по замечаниям некоторых ученых (с которыми далеко не все москвичи согласны), миграция пока мало меняет «русскую физиономию» города⁷. Аналитики подчеркивают, что определенное снижение доли русских в населении Москвы – это тенденция, связанная в том числе с нарастающим дефицитом трудовых ресурсов и с сокращением демографического потенциала русских. Поэтому долговременный источник пополнения рабочей силы Москвы и всей России необходим⁸.

Этнический состав населения и процентное соотношение разных этнических групп населения – это реальные показатели полиэтничности, многокультурности любого поселения. Но полиэтничность города – это все же не только само население. В значительной степени это еще и вся **городская инфраструктура** (этнокультурная, социальная, психологическая и даже экономическая и политическая), которую в процессе расселения привносят в город или создают на месте ее новые инокультурные обитатели. Это **этническая топонимика** – названия городских районов и улиц (в московском случае – Татарская, Грузинская, Немецкая и др. слободы, улицы, переулки), это **разные архитектурные стили и модели** в строительстве жилых и общественных зданий, культурных (религиозных) сооружений. Это различные **культурные традиции, обычаи, ритуалы и обряды**, иногда проявляющиеся публично, особенно в последние годы (например, массовые молитвы на площадях, лезгинка и свадебная стрельба на улицах города...). Но чаще это и национальные особенности, не всегда афишируемые открыто (**язык, религия, одежда, музыка...**). Кроме того, полиэтничность в городе – это и элементы разнорациональной **гастрономии или кулинарии**,

* Малькова Вера Константиновна – д.и.н., гл.научн. сотр. ИЭА РАН, Москва

которые постепенно смешиваются с местными привычками и вкусами и становятся интернациональными. Это, наконец, появление и бурное развитие сравнительно новых для Москвы этнических институтов – формирование на новых местах молодых и активных **этнических элит**, возникновение **национально-культурных обществ и ассоциаций, средств массовой информации**. Это и - организация образовательных и других этнических культурно-бытовых объектов - **детских садов и школ** с этническим уклоном, **специальных магазинов и рынков, парикмахерских**, а также **больниц и кладбищ** «для своих» - земляков, сородичей и единомышленников... Все это и многое другое составляет полиэтничную социальную, культурно-психологическую и политико-экономическую инфраструктуру современного города, где большие группы представителей разных национальностей приспособляются теперь жить вместе.

Однако и проблем такое совместное проживание создает немало. Одна из них - важная и всегда актуальная – это взаимодействие местного населения, издавна считавшего себя «коренным» (и как бы «хозяйном положением»), и «пришлого», т.е. поселившегося на данной территории лишь в последние годы. Современный мировой опыт показывает, что практически везде в Старом Свете большие группы инокультурных приезжих вступают в противостояние с местным населением и создают для него немало проблем. Особенно это проявляется в тех случаях, когда приезжие (в основном – трудовые мигранты), ограждая и сохраняя свои собственные особенности, начинают претендовать **как отдельная группа** на равные права с местным населением в экономике, в культурно-психологической сфере и даже в политике. Массовые выступления мигрантской молодежи во Франции, Германии, Великобритании, Румынии, Португалии и других странах в конце XX – начале XXI века, многочисленные громкие (а иногда и замалчиваемые) столкновения местных и приезжих в регионах России свидетельствуют о появлении серьезных проблем в развитии новых полиэтничных поселений. Однако быстрое развитие человеческой цивилизации, новые технологические и информационные ресурсы, глобализация, свободная и нелегальная миграция – все это приводит к выводу **о неизбежности и необратимости** обсуждаемых тенденций и их результатов. Правда, до сих пор непонятно, как замечает академик В.А.Тишков, - в какую сторону движется мир – в сторону унификации или в сторону воспроизводства многообразия⁹. В любом случае, растущие человеческие сообщества теперь, независимо от национальной (и социальной) принадлежности, обречены жить вместе и должны согласиться с этим, двигаясь навстречу друг другу.

В данной работе, основанной на анализе многочисленных источников и авторских наблюдений, мы

попытались рассмотреть само пространство Московского мегаполиса, бывшего в недавнем прошлом практически мононациональным. В формировании нового полиэтничного облика Москвы важно увидеть реальные социо-культурные изменения, появление в городе новых этнических инфраструктурных объектов и явлений, выявить толерантные и конфликтные элементы в их функционировании, рассмотреть их интегрирующий общественный потенциал. Результаты исследования и полученные выводы могут дать новое научное знание процессов изменения городского пространства, связанных с приходом инокультурных переселенцев, увидеть процесс взаимной адаптации разных этнических культур на одной территории. Они также позволят обратить внимание градостроителей и городских властей на сферы быстрого (или медленного) освоения мигрантами городских ниш, на их актуальные потребности при переселении и адаптации в мегаполисе.

Стремление приехавших на новое место людей любой национальности сохранить себя вполне понятно. Они хотят сохранять и развивать дальше свою культуру, свой этнический язык, свое самосознание, привычную жизнь, сберечь (или усилить) в новых условиях свою этническую популяцию. И, в конечном счете, часть приезжих хотела бы стать равноправными гражданами в новом для них регионе и в стране. Но, как показывает мировой опыт, у большей части принимающего населения почти всегда - противоположная позиция. Конечно, многие местные жители – москвичи понимают трудности жизненных условий приезжих, которых всех вместе пресса называет «мигранты» или «гастарбайтеры». Москвичи в целом до определенного времени довольно терпимо относились к первым переселенцам, среди которых на рубеже 80-90х годов были беженцы из Армении, из Карабаха, из Абхазии и из других тревожных южных регионов бывшего СССР. Но за ними последовали потоки трудовых мигрантов. И речь теперь идет уже не только о тысячных, но о миллионных (!) массах инокультурных приезжих... Русские и другие москвичи-старожилы ощущают опасность раствориться в составе приехавшего в родные места нового, активного населения, боятся постепенно перенять другие, чужие элементы культуры, чуждый образ жизни и религию в ущерб своим. Все это, включая непонимание расплывчатых намерений властей, разрешающих вольное переселение «иных приезжих» в обжитые города, вызывает недовольство, противостояние и протест немалой части принимающего сообщества.

Однако, несмотря на очевидные трудности, новые поселенцы – легальные и нелегалы всеми силами стремятся улучшить свою жизнь на новом месте, сти-

хийно и осознанно создавая в городе свою этническую инфраструктуру. Для организации жизни и обустройства приезжих в столице власти создают различные организационные и регулирующие учреждения. С начала 90-х годов это были в основном общественные, а затем – и государственные структуры. Солидный список **организаций, помогающих обустройству приезжих в Москве**, показывает, насколько серьезное внимание уделяется в принимающем сообществе миграции и вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. Этими проблемами занимаются в Госдуме, в Совете Федерации, в Администрации Президента РФ, в различных государственных министерствах, в правительстве Москвы и во многих других структурах (в том числе и научных учреждениях). Власть видит и реально оценивает серьезность складывающейся межэтнической ситуации, старается контролировать и регулировать ее развитие, что не всегда замечают обычные жители. Тем не менее, очевидно, что современная Москва, несмотря на многочисленные трудности, старается цивилизованно принимать новых горожан и сохранять в городе межэтнический мир.

Появление новых этнических или земляческих групп в мегаполисе привело и к возникновению собственных **организационных и иерархических структур в самих «мигрантских сообществах»**. И это понятно, поскольку этническая или земляческая солидарность – одна из естественных форм их организации, их совместной безопасности и защиты. За сравнительно короткий период в столице (как и в других регионах) появились новые этнические активисты, функционеры и лидеры, отстаивающие права своих соплеменников в малознакомом для них пространстве. В конечном счете, теперь на новых местах формируются новые молодые этнические элиты, заявляющие от имени своих соплеменников о своих коллективных интересах.

Как показывает наш анализ «диаспорной» прессы, новые этнические лидеры формируют у своих соплеменников особое видение ситуации и страстно выступают за групповые этнические (земляческие) интересы, за сохранение и развитие своих этнических общин на новых местах, за сохранение кровных этнонациональных связей со своим «этническим ядром», за равенство своих групп с местным сообществом и за соблюдение их человеческих и этнических прав¹⁰. Таким образом, новая конфигурация полиэтничной реальности нередко связана с этнополитическими, а в некоторых случаях – и с этноконфликтными, процессами и явлениями.

Одна из важных и распространенных форм этнических объединений и инфраструктурных этнических организаций в столичном пространстве – это **национально-культурные сообщества или объедине-**

ния, состоящие в основном из приезжих. Еще в 1996 году был принят известный закон о национально-культурных автономиях, который лишним раз подчеркнул протекционистский характер российской культурной политики¹¹. И он до сих пор вызывает определенные споры¹².

Национально-культурные объединения в современной Москве, функционирующие согласно этому закону¹³, это: *культурные автономии, этнические ассоциации, благотворительные этнические фонды, общественные центры и организации, культурно-просветительские общества, культурные центры, этнические общественные объединения, интеграционные центры мигрантских организаций, землячества, литературно-культурные общества и общества сохранения культурных традиций, творческие союзы этнических художников, «общество содействия единению приднестровцев» и «общество содействия реализации прав курдских женщин», «общества этнического возрождения», этнические союзы, «общественные фонды поддержки этнической молодежи», зарегистрирована даже общероссийская общественная организация «Федерация исконных забав и этноспорта России», а также ряд конгрессов этнических диаспор... Всего мы насчитали около сотни «мигрантских» или этнических организаций и сообществ разного уровня, зарегистрированных официально только в Москве.*

Таким образом, можно видеть, что власти действительно способствуют созданию в Московском регионе новой полиэтничной реальности. На протяжении двух последних десятилетий они практически не препятствуют расселению в российских городах масс инокультурных мигрантов, поощряют организацию их в сплоченные этнические (и земляческие) сообщества и юридически закрепляют статус этих сообществ в конкретных российских регионах. Новые этнические сообщества официально поддерживаются морально и финансово за счет местных бюджетов. Нормативные документы свидетельствуют о том, что этим объединениям оказывается помощь в проведении различных массовых мероприятий в области национальной культуры; предоставляются субсидии (гранты) на финансирование отдельных общественно полезных программ; предоставляются льготы по налогам¹⁴. В настоящее время в стране дискутируется вопрос и о реальном политическом представительстве этнических групп (в том числе и новых) и их интересов в различных органах власти¹⁵. Некоторые аналитики высказывают сожаление, что этнические меньшинства пока еще недостаточно вовлекаются в политические процессы, не могут создавать свои этнополитические партии, не могут на государственном уровне блокировать принятие решений, идущих вразрез с их интересами¹⁶. По-

этому высказывается пожелание создать еще одну государственную структуру, которая могла бы обеспечить защиту интересов этнических групп в общегосударственном масштабе¹⁷. Но существуют и противоположные точки зрения.

Одним из важных этнических общественно-политических институтов и одновременно заметным элементом этнической инфраструктуры современной Москвы являются **этнические СМИ**. Это группа печатных изданий - газет и журналов, а также теле- и радиоканалов, а в последние лет 15 - и интернет-изданий. Они также были созданы этническими активистами и землячествами¹⁸. Этнические информационные каналы, буквально в течение двух последних десятилетий стали заметной частью российской медиапространства и еще одним ярким признаком полиэтничности Московского мегаполиса¹⁹. Они реально способствуют сохранению и формированию этнической идентичности у людей, живущих в интонациональном окружении, информируют их о важных для них событиях этнической жизни и помогают в ней ориентироваться. Через эти информационные каналы распространяются «родные» этнические ценности, взгляды, представления, мифы. И одновременно, как и любой другой канал СМИ, они выполняют определенные организационные и пропагандистские функции, распространяя важную для политиков и коммуникаторов информацию и идеи²⁰. Этнические СМИ демонстрируют взгляды новых этнических элит, их представления, установки и стратегии, которые их лидеры выносят на обсуждение соплеменников и затем озвучивают в общественном пространстве от имени всей группы. Именно из этих идей, суждений, представлений и комментариев складываются и выстраиваются, условно говоря, **новые этно-национальные идеологии** недавно образовавшихся на новом месте этнических сообществ²¹.

В настоящее время этнически ориентированных изданий в столице особенно много. Каждая этническая община или диаспора стремится издавать свою газету или журнал, а иногда и не одну. Нередко они конкурируют между собой (например, татарские, азербайджанские, армянские, еврейские и др. издания в Москве). Организационный вопрос - один из важных вопросов для общинной прессы. Он состоит в собирании своих соплеменников в организованные сообщества на конкретной территории, в духовно-психологическом их единении в отдельную группу, в создании управленческих структур данного сообщества; в официальном закреплении статуса созданной группы в регионе или в стране, в заботе о поддержании этнического самосознания у соплеменников, о количественном и качественном расширении своей группы, о ее жизнеспособности и, в первую очередь - о ее финансировании... В озвучиваемые прессой за-

дачи этнических организаторов входит налаживание связей с местными властями и общественностью, а также со своей этнической родиной, определение стратегий и направлений дальнейшего развития своего этнического сообщества на новой территории. Но, кроме того, лидеры общин вместе с прессой выполняют и вполне житейские задачи. Они содействуют землякам в их обустройстве и процветании на новом месте, поддерживают связи с этнической родиной и даже помогают найти себе спутников жизни в своем сообществе. В последнее десятилетие в столице появилось немало и этнических электронных ресурсов. Прежде всего - это электронные варианты газет - азербайджанцев, греков, армян, евреев, татар, тувинцев, украинцев, мордвы и других. Таким образом, информационное пространство в Московском регионе довольно плотно насыщено различными полиэтничными каналами.

Полиэтническая топонимика Москвы, т.е. названия городских улиц, переулков, площадей, каждое из которых имеет свою богатую историю, также со временем меняется. Как видно из сохранившихся топонимов, большинство московских мест имели совсем нехитрые русские названия. Для потомков в городском пространстве зафиксированы, например, **местные ландшафтные условия** - речки, болота, почва (Яузская застава, Моховая улица, Болотная площадь, Замоскворечье, Песчаные улицы, Неглинная улица, Налесный и Напрудный переулки). Современные москвичи могут представить **специализации ремесленников**, столетия назад работавших на Кожевниковской и Сыромятной улицах, в Оружейном переулке, на Большой Каретной или на Кузнецком мосту. Именами людей в старой Москве улицы называли редко.

Но, поскольку в Москве издавна обитали не только русские жители, сохранились здесь и этнические названия московских районов и улиц - *Грузинские улицы, Немецкая слобода, Армянский переулок, Большая и Малая Татарские* и другие. Они также являются одним из свидетельств давней полиэтничности города. Их называли так из-за «инородцев», которые, приезжая в Москву, обустривались в этих местах. Так, первыми поселенцами Немецкой слободы, как называли Лефортово уже при Иване Грозном, были пленные, взятые русскими на Ливонской войне. Здесь же Грозный и Годунов стали расселять иноземных мастеровых, которых приглашали в Россию на государеву службу²². Некоторые исследователи с гордостью утверждают, что на карте Москвы можно найти без малого три сотни названий улиц и переулков, которые произошли от татарских слов - *Арбат, Яуза, Ордынка, Басманная*... Все эти названия появились в городе в разные времена, скорее всего - сти-

хийно, просто по факту проживания там представителей конкретных этнических групп. Но они четко свидетельствуют о том, что Москва издавна была местом притяжения людей разных национальностей - иноземных купцов и других торговых людей, послов с их сопровождением, бывших пленников, ремесленников и иных иностранных специалистов - архитекторов, строителей, портных, поваров, артистов, путешественников...

В настоящее время тенденция наращивания полиэтнической топонимики в российской столице продолжается. Так, еще в советские времена, а потом и в наше время часть московских улиц была названа с подачи властей в честь «друзей страны» - иностранных государственных и общественных деятелей – площадь Хо Ши Мина, площади Индиры Ганди, Амилкара Кабрала, улицы Хулиана Гримао, Агостиньо Нето, Георгия Димитрова, а также ставший особенно известным в последние годы бульвар Абая Кунанбаева. Недавно в Москве после некоторых общественных сомнений появилась и улица Уго Чавеса. А имена «братских столиц» давались в свое время не только улицам, площадям, но и кинотеатрам – Гавана, Улан-Батор, Будапешт, Баку, Варшава и другие.

Все эти действия городских властей по наименованию и переименованию московского географического пространства можно рассматривать как проявление дружбы и солидарности с элитами и народами тех или иных стран. Но для москвичей советского и постсоветского периода такие названия постепенно становились еще одной приметой направленного формирования современного полиэтнического города. И в советские времена, и в последующие десятилетия некоторые названия горожане встречали с уважением и согласием, другие с насмешками, а против третьих активно, но почти всегда безуспешно протестовали (как например, недавние выступления москвичей против названия станции метро «Алма-Атинская» вместо привычного для них «Братеевская»).

Таким образом, и в наши дни топонимы **московского пространства остаются полиэтническими и даже целенаправленно приумножаются**. Причем, этот процесс - не стихийный, по желанию москвичей, а целенаправленный, по решению властей города.

Вывески и реклама - это один из важных элементов современной полиэтнической российской столицы. Они выполняют важную информационную миссию, сообщая жителям об интересных событиях и местах города. По ним можно косвенно судить – кто живет в этом городе, какие товары продают в его магазинах и на рынках, в какие театры и кинотеатры могут ходить люди, где они могут учиться и лечиться... Выполняя и декоративную функцию, они являются своеобразным фоном, украшением порой не

очень привлекательных городских зданий и улиц (хотя нередко и незаслуженно загораживают исторические памятники). И, наконец, по вывескам и рекламе можно видеть и **полиэтническое присутствие**, многоцветный этнический фон и колорит большого города, его разноязыкое многообразие.

Мы попытались зафиксировать на зданиях нескольких московских улиц и площадях некоторые надписи-вывески, содержащие нетрадиционные, а проще говоря, иноязычные для русского города и москвичей надписи. Анализ увиденных и зафиксированных уличных надписей показал, что **глобализационные и миграционные процессы последних десятилетий оставляют очень заметный след в московском городском пространстве**. Если судить только по этому элементу городского оформления, то можно предположить, что современная Москва – это город, населенный русскоязычными, англоязычными и «русско-азиатскими» жителями, причем, для каждой группы здесь существует своя собственная уличная информация. Отметим, что на самых центральных улицах преобладают (вместе с русскими) англоязычные и другие европейские надписи. На фасадах зданий можно увидеть уже ставшие привычными для москвичей слова: «*Мини-маркет*», «*Супер-маркет*», «*Мини-шоп*». Но все же, кричащие огромные надписи на крышах многоэтажных зданий, типа «*CANON*», «*MITZUBISI*», «*Sbarro*» и другие бросаются в глаза прохожим в первую очередь. Чуть подальше от центра города и на периферии чаще встречаются азиатские названия на русском языке - «*Шаурма*», «*Чебуреки*», «*Хинкальная*»..., хотя они встречаются также и в центре.

Мы попытались зафиксировать вывески-надписи-рекламу на некоторых московских улицах и увидели, что в наружной московской рекламе, сосредоточенной в основном (но не только) на центральных улицах, кроме русскоязычных надписей, присутствует реклама на латинице (на английском языке). В основном это реклама западно-европейских и японских товаров и услуг, что является одним из ярких штрихов любого современного мегаполиса. **Русский и российский бизнес представлен в этой внешней городской рекламе Москвы крайне редко**. В современной Москве полузабыты или пока не востребованы традиции старого русского города с его булочными и калачными, с его брадобреями и врачевателями, с его гостинными дворами и трактирами. Хотя в некоторых местах еще встречаются такие названия как «*Пивнушка*», «*Бочка*», «*Грабли*», «*Елки-палки*» и некоторые другие.

Таким образом, реклама и вывески, афишные стенды и транспарант-перетяжки на столичных улицах, на фасадах и крышах зданий, на строительных ограждениях можно рассматривать как **еще один признак**

заметно меняющейся полиэтничности Москвы. В том числе и с помощью этих уличных иллюстраций на стенах и крышах домов, на тротуарах и растяжках горожане привыкают к многоязычию и довольно спокойно воспринимают подобную информацию, если она им не мешает.

Москва – гостеприимный город. Сюда ежегодно приезжают массы туристов и других гостей из самой России и из многих зарубежных стран, увеличивая и без того пеструю толпу прохожих. **Гостиницы разного рода** – отели, постоялые и гостевые дома, дома для ночлега, «хостелы» (в том числе и капсульные), общежития и даже ночлежки – разные виды современных временных пристанищ в Москве. Но с древних времен в Москве существовали и постоялые и гостиницы дворян, подворья, слободы, доходные дома, трактиры и прочее, где останавливались приезжие из разных мест и временные гости. Известными в старой Москве были, например, Бухарское подворье в Замоскворечье, Хивинское посольство, польские дворы, хазарские, грузинские, мусульманские... Упоминают авторы и Касимовский двор (XVII в.), дипломатические и торговые посольства – Казанский посольский двор, Астраханский торговый двор (XV в), посольства Сибирского ханства и другие. Крещенные сибирские царевичи в начале XVIII века имели владения сначала в Ордынской сотне в Замоскворечье, затем чуть южнее, в местности Болвановка. И в современной Москве очень много отелей и гостиниц для приема гостей, но проблема их достойной встречи все еще существует и даже заметно обостряется.

Гостиницы в Москве можно рассматривать не только как **еще один объект полиэтничной инфраструктуры**, но и как «мостик» для дружеского межэтнического взаимодействия. До недавнего времени в Москве все знали гостиницы «Россия», *отели «Националь»*, «Москва», «Украина»... И в настоящее время само название зачастую становится своеобразной рекламой. **Названия гостиниц – это еще один, весьма заметный штрих во внешнем облике полиэтничного города.** Разумеется, в названиях городских гостиниц, которые мы выявили на разных специализированных городских сайтах, нет никакой системы. Современные владельцы дают имена своим заведениям в зависимости от своих вкусов, предпочтений, а порой и от своего прежнего места жительства. Так, выяснилось, что в названиях гостиниц современной Москвы (2013 год) явно **преобладают географические топонимы**, что кажется вполне понятным. Перечень названий оказался весьма полиэтничным. Среди зафиксированных нами названий встречаются и азиатские, и европейские, и американские топонимы, в том числе – названия стран, городов, рек... и отдельных мест. По этим названиям вряд ли можно

даже косвенно судить – откуда в российскую столицу приезжают иностранные гости, но о географических ориентациях их хозяев, пожалуй, кое-что узнать можно: *Восток, China-sky, Пекин, Милан, Napoleon Hostel, Белград, Украина, Арапат пар Хаят, Малибу, Брайтон, Варшава, Балтия, Алтай, Арктика, Русь, Золотое кольцо, Байкал, Ока, Волга, Гостиница Ярославская, Мегалполис, Москвич, Старый город, Серпуховский двор, Арбат, Лефортово, Рублевка-инн, Тверская лофт, Дмитровка, Царицыно, Усадьба Ромашково, Бородино, Подмосковье-Подольск...* Кроме географических названий, у современных московских гостиниц нередко встречаются и женские имена: *Катерина – Сити, Оксана, Джулия, Медея, Афродита, Екатерина, Татьяна ...* Наблюдения также показывают, что, в отличие от рекламных и других уличных вывесок, владельцы гостиниц и в наше время не забывают уютные, приветливые и притягивающие внимание русские слова, а в некоторых случаях даже реанимируют их: *Постоялец, Каретный Двор, Лапти, Старый город, Гнездышко, Гостевой дом, Москвич, Русь Дворянская, Усадьба Ромашково...*

Выяснилось и то, что среди наиболее известных и разрекламированных московских гостиниц крайне редко упоминаются **этнические гостевые дома** и другие места ночлега, которых в полиэтничной Москве очень много. Их афишировать, а тем более рекламировать, вообще нет нужды, эту функцию выполняет «сарафанное радио». Земляки помогают своим соратникам (гастарбайтерам и другим мигрантам) устраиваться на ночлег или на постоянное жительство в самых разных местах мегаполиса. Московская пресса переполнена информацией о раскрытии «резинных квартир», «выселенных домов», о подпольных цехах и фабриках, где приезжие из бывших среднеазиатских республик (а также вьетнамцы, китайцы и другие) и работают, и живут, порой несколько лет даже не выходя на свет божий.

Трудно сказать, насколько случайными являются многие названия московских гостиниц, и какой в них заложен смысл, особенно связанный с географией. Но, как показывают фотоиллюстрации в интернете, определенная специфика в облике гостиниц нередко соответствует названию. Однако внутреннее убранство гостиниц направлено в основном на удобство гостей столицы, а названия и вывески позволяют судить о внешнем, экстерьерном облике полиэтничного города. Среди других названий гостиниц Москвы можно также назвать: *Хаус Отель, Отель Кебур, Палас, Mamaison, All-Suites, Spa Hotel, Покровка, LikeHome, Апартаменты, Тверская, Буттик-Отель, Шенонсо, ИннДэйс, Арбат, , Отель Де Пари...*

Но, кроме уже названных и не упомянутых обычных отелей/гостиниц, в столице имеются и другие виды расселения инокультурных приезжих. Это так

называемые «резиновые квартиры», общежития и просто «ночлежки». В реальной жизни их видят не все, в основном только соседи. А в Интернете можно увидеть довольно много информации и об этом. И это тоже один из заметных штрихов современного полиэтничного мегаполиса, где пока инокультурных жителей не становится меньше.

Этнические кафе и рестораны – особая тема для современной полиэтничной российской столицы. Гурманы даже высказывают мнение, что полиэтничная гастрономическая карта города для некоторых москвичей и гостей города порой не менее привлекательна, чем культурная или историческая²³. Горожане уже привыкли к тому, что красиво оформленные в этническом стиле рестораны и кафе встречаются во всех уголках большого города. Они не только служат местом, где можно вкусно поесть, но также являются и местом отдыха и общения, причем, как для земляков, приехавших в Москву из разных национальных регионов страны и мира, так и для самих москвичей. Но помимо этого, этнические кафе и рестораны – это, чаще всего, приятные и комфортные площадки для дружелюбного межэтнического общения. В самом деле, ведь через питание происходит взаимодействие и взаимовосприятие национальных (этнических) культур, обычаев, образов жизни, формирование общих или интернациональных вкусов, пристрастий и предпочтений. Можно также утверждать, что питание становится частью туристического и гостиничного бизнеса, а также и торговли, одним из своеобразных «путепроводов» для проникновения инокультурных традиций в нашу страну.

Точных статистических данных о количестве так называемых «национальных» или этнических ресторанов и кафе в современной Москве найти не удалось, и это неудивительно. Заведения открываются, закрываются, меняют хозяев, время от времени меняют и свои названия. Тем не менее, как сообщает Московская Гильдия рестораторов, в настоящее время в Москве насчитывается около 2,4 тысяч ресторанов, и около 1,1 тысячи из них представляют национальные кухни 43 стран мира. Среди них, по данным Гильдии, русских – 280, японских – 175, китайских – 111, итальянских – 103²⁴.

И в самом деле, кафе, рестораны и другие заведения с этнической кухней являются одной из «площадок толерантности» в современной Москве. Появившиеся в столице России еще в давние времена, почти недоступные для простых москвичей в советский период, рестораны с названиями столиц иностранных государств (*Будапешт, Берлин, Белград, Пекин, Прага* и другие) и бывших советских республик (*Ереван, Баку, Украина*) в начале 21 века стали соперничать за своих клиентов с многочисленными заведе-

ниями национальных кухонь. Чуть более чем за 20 лет московский общепит, как и сам мегаполис, в значительной степени стал полиэтничным. Хотя, необходимо отметить, что эти «этнические» заведения ориентированы не только на своих земляков и на свою диаспору, членов которой увлекают сюда ностальгией по своей этнической родине. В настоящее время в российской столице существует и развивается большая ресторанная индустрия, с серьезным менеджментом и структурами, обучающими управленцев ресторанному бизнесу.

Как известно, национальные кухни – это часть национальных культур и истории народов, их образа жизни, их традиций, обычаев, их возможностей и способностей. Этническая кухня – это своеобразное окно в другую культуру, и, дегустируя национальные блюда, посетитель как бы становится «*кулинарным туристом*»²⁵. Именно национальная кухня с ее этническими и региональными особенностями, вместе с хорошими поварами, удобным, колоритным национальным интерьером, национальной музыкой (а нередко и с официантами) привлекает в эти заведения горожан разных национальностей. Если для представителей конкретной национальности это заведение служит местом встреч соотечественников, эмоциональным и приятным воспоминанием о своей этнической родине и о своей этничности, то для москвичей других национальностей – это места, где они через приятное и вкусное (!) времяпровождение получают некоторое представление о других народах, их вкусах, привычках и образе жизни.

В названиях ресторанов и кафе москвичи теперь могут видеть яркое этническое многообразие, мозаику мировой гастрономической или кулинарной полиэтничности, привнесенной в Московский мегаполис глобализационными и миграционными процессами. Создание этнической системы общественного питания – это естественная инициатива самих этнических бизнесменов, уже укоренившихся в Москве. Также как и в других сферах, они, порой самостоятельно, а порой и при поддержке местных властей, создали и развивают в Москве свой «этнический» бизнес.

Яркий калейдоскоп современного этнического разнообразия отражается прежде всего в названиях многочисленных московских заведений общепита. Наш анализ этих названий показал следующую картину: довольно часто, выбирая название своего кафе или другого питательного заведения, хозяева используют:

- **географические названия** – европейские, азиатские и американские (названия континентов, столиц и других городов разных государств, названия рек и озер, гор, находящихся в тех регионах, их **фауну и флору**);

- **этнические имена** – мужские и женские – имена владельцев заведений, а также имена исторических

и мифологических героев разных народов и стран;

• используются **имена известных литературных и фольклорных персонажей**,

• **названия памятников архитектуры** и других национально-этнических символов;

• **элементы национальной одежды и быта**;

• **блюда национальных кухонь разных регионов мира** (пельмешка, манты, пицца...)

Названия этнических кафе и ресторанов выбира-

Таблица 1. Названия московских кафе и ресторанов с этнической кухней.

Источники: <http://a-a-ah.ru/city/moscow/drinkfood/etnickitchen>; www.yell.ru; restoran.ru; resto.ru и др.

ются их владельцами не случайно. Они должны быть легко произносимыми, привлекательными, заманивающими посетителей, а иногда и с оттенком юмора. Мы попытались выписать из разных Интернет источников ряд таких этнических названий реальных московских ресторанов и кафе с целью и выяснить – какие же этно-национальные ценности отражаются в этих названиях в современной российской реальности (См. Таблицу 1).

Азербайджанская кухня	<i>Барашка, ШЕШ-БЕШ, Чемпион, Баку, Азербайджан, Джейран, Ширван, Райский дворик, Бакинский Бульвар, Урюк-кафе, Шашлык-машлык, Тебриз</i>
Аргентинская	<i>El Asado</i>
Армянская	<i>Арарат, Старый город, Ереван, Ноев Ковчег,</i>
Английская	<i>Дорчестер, Secret Garden, Плотников Паб, Темпл Бар</i>
Американская	<i>Бург Хаус, Чикаго Прайм, Кафе Дяди Сэма</i>
Белорусская	<i>Драники, Белая Русь</i>
Болгарская	<i>Баба Марта</i>
Восточная	<i>Бархан, Сокровища шаха, Горячие ночи Востока</i>
Вьетнамская	<i>Синья река, Сайгон, Ароматная река, Тай вьет</i>
Греческая	<i>Семирамис</i>
Грузинская	<i>Тинатин, Генацвале, Мимино, Хинкалофф, Аджика, Нескучный Дворик, Чито, Иверия, Сакартвело, Кабанчик</i>
Еврейская	<i>Иерусалим</i>
Итальянская	<i>Иль Патио, Миа Флоренция, Евразия, Трюфель, Аспект, Альберто, Бенвенуто, Сальваторе, Венеция, Мамина паста, Капри, Адриатико, Паста и Баста Экспресс Бомбей, Арома, Махараджа, Тадж Махал</i>
Индийская	<i>Ла Манча</i>
Испанская	<i>Камин, Владикавказ</i>
Кавказская	<i>Хуан-Хэ, Мама Тао, Чайна Клуб, Чайна Дрим, Харбин, Шанхай, Ким Тим, Мама Тао</i>
Китайская	<i>Белый Журавль,</i>
Корейская	<i>Старая Гавана</i>
Кубинская	<i>Шафран</i>
Ливанская	<i>Маракеш, Мажорель и Кетама</i>
Марокканская	<i>Сомбреро, Манито,</i>
Мексиканская	<i>Молдова</i>
Молдавская	<i>Пиццерии, Чебуречные, Хинкальные</i>
Нейтральная (?)	<i>Линдерхоф (пивной ресторан)</i>
Немецкая	<i>Сударь, Снегири, Неглинный Верх, Самовар, Пушкарев, Березовая Роща, Илья Муромец, Обломов, Елки-Палки,</i>
Русская	<i>Югославия, Оптимист, Бо Эми</i>
Сербская	<i>Сарай, Казан, Идель</i>
Татарская	<i>Тибет-Гималаи</i>
Тибетская	<i>Паша Кебаб, Бардак</i>
Турецкая	<i>Узбекистан, Шелковый Рис, Самарканд, Ташкент, Восточный Квартал, Согдиана, Бабай Клуб, Тубетейка, Белое солнце пустыни</i>
Узбекская	<i>Шинок, Корчма, Тарас Бульба, Кочерга</i>
Украинская	<i>Визави, Синий Кот, Люсьен, Кафе Кальвадос, Le Restaurant</i>
Французская	<i>Хорошо сидим</i>
Хинкальная	<i>Козловица, Сливовица</i>
Чешская	<i>Шотландская Клетка</i>
Шотландская	<i>Суши-бар, Суши Весла, Якитория, Васаби, Дай Суши, Ю-Мэ, Япона Мама, Тануки, Таке, Нагасаки, Япоша, Восходящее солнце, Маки-Маки, Море Суши, Гейша, Суши шоп, Суши маркет, Мигуми</i>
Японская	

Один из привлекательных моментов для посетителей этнических кафе и ресторанов – это **ритуал встречи гостей** с элементами этнического (общечеловеческого?) гостеприимства. При входе в глаза посетителям сразу же бросаются некоторые **этнические характеристики персонала** – внешность, одежда, характер... Для многих посетителей, судя по отзывам, важно **знание персоналом русского языка**. Во многих этнических кафе и ресторанах в меню стоят **этнические блюда со своими же этническими названиями**, которые посетители-москвичи не всегда могут понять. В меню некоторых заведений под вывеской «этническая» готовят и блюда других кухонь, обобщенно названных «кавказская», «европейская», «восточная»... Конечно, предмет особой гордости каждого ресторанного заведения – прекрасный **профессиональный шеф-повар** соответствующей национальности. Обычно это показывается в рекламе как одно из важных преимуществ данного заведения. На долгое время остается незабываемой для посетителей **этническая атмосфера** в заведении. Она создается, как правило, не только вкусной пищей и приятным общением с персоналом и другими гостями, но и с помощью особого **оформления интерьера**. Хозяйева стараются создать или сымитировать старинный, иногда псевдонациональный интерьер, причем в некоторых случаях оформление начинается еще на улице. Украшаются вывески, оформляются национальным орнаментом и другими атрибутами входные двери, а в зале декорируются все поверхности: на стены вешивают красивые национальные ковры, в нишах выставляют стилизованную старинную столовую посуду, старинные бутылки, ковшики и блюда, имитируется даже жилой интерьер. И эта «этническая» атмосфера или псевдоэтническая (порой сказочная) для нынешних времен обстановка, несомненно, вызывает интерес посетителей к культуре, истории и образу жизни конкретного народа. Прекрасное дополнение, создающее расслабляющее состояние в таких заведениях – тихая **этническая музыка**.

Магазины и рынки с этнической окраской (этнические товары, продавцы. Покупатели...). В последние десятилетия в городе как бы внезапно стали появляться так называемые «этнические» магазины, бутики, салоны. Эти экзотические для многих магазины (мусульманские, индийские, японские, корейские и др.) заняли в современной Москве особую нишу. Большие группы новых этнических жителей Москвы, как известно, далеко не всегда ориентируются на восприятие местной культуры, и поэтому они нуждаются в том, чтобы их собственная этнорелигиозная культура в разных формах присутствовала и на новом месте их жительства. Активные этнические предприниматели быстро уловили у своих земляков эту этническую ностальгию и тягу к своей этничнос-

ти и стали организовывать не только свои национально-культурные сообщества, свои СМИ, свои кафе и рестораны, но и свои «этнические» магазины.

В этнических магазинах и бутиках, согласно рекламе, продается масса предметов под названием «**этнические товары**». Эти слова уже не составляют тайну для современных московских жителей и гостей города. В многочисленных этнических магазинах и «караван-шопах» в Москве теперь можно посмотреть и купить практически все товары, которыми пользуются продавцы у себя на родине. Это – «*этническая одежда*», «*этносумки*», «*благговония, амулеты, серебрянные украшения, подвески, пробники духов, мусульманские украшения, арабская косметика и парфюмерия, предметы интерьера, карты Таро, бижутерия, штаны-афгани, шаровары*... Здесь, судя по рекламе, можно увидеть и купить *исламскую литературу и атрибутику, приобрести «ручку, читающую Коран», арабский кофе, особые аксессуары для машины, обувь* и т.д.²⁶. Если раньше многие москвичи приобретали товары на «вьетнамских», «китайских», «турецких» рынках, то теперь у них появилась возможность покупать эти товары в более цивилизованных условиях.

В этнические магазины и бутики приходят, конечно, не только люди определенных национальностей. Также как и этнические рынки, как и рестораны, эти магазины становятся местами встреч и общения, еще одними островками реального межэтнического дружелюбного общения, где можно познакомиться с элементами культуры и быта разных народов и стран, увидеть то, что далеко не каждый житель российского города мог бы увидеть в своей жизни. Реклама некоторых мусульманских магазинов предупреждает, что у них продаются «*товары, установленные в строгих рамках требований шариата*»²⁷. В других случаях реклама утверждает, что в их магазине предлагается «*только качественная исламская одежда и товары для мусульман*», что «*мусульманам здесь их можно не только посмотреть поближе, но и померить*»²⁸...

Для нас в данной работе интересными представляются названия подобных магазинов. В них отражается не только знание предпринимателями и активное использование самого понятия «этнический». Это слово в наше время стало уже особым брендом в бизнесе, выделяющим подобный объект в массе других, уже давно привычных. С его помощью привлекается внимание покупателей, причем, покупателей разных национальностей. Приведем список некоторых названий ряда московских этнических магазинов и бутиков, выбранных из многих Интернет-сайтов рунета (Москва):

Магазин мусульманских товаров/ Этно-стиль/ Этно-шоп/ Индийская этническая одежда/ Стильная мусульманская одежда/ Хиджаб, платья и сарафаны/ Лавка волшебства/ Интернет-магазин этни-

ческой одежды/ Этническая мебель и другие предметы быта/ Сандаловый дом/ Кизлярские ножи/ Скифская этника/ Кавказский этнический интернет-магазин (декоративно-прикладное искусство, кинжалы, папахи, бурки, черкесски, книги и проч.)/ Этнические ткани (итальянские)/ Этнические музыкальные инструменты (варганы, бубны, духовые, флейты, скарини и др.)/ Этническая живопись (японская, манчжурская...)/ Магазин Кавказ-этно в Москве/ Восточные товары/ Аль-Баракат/ Беркат/ Салямко/ Золотая Бухара/ Салсабил (магазин мусульманской одежды) /Vostok Fashion & Irada/ и т.д.

По названиям товаров видно, что в настоящее время в сфере этнической торговли в Москве безусловно преобладают мусульманские и другие азиатские предметы материальной и духовной культуры. Они не только являются определенной экзотикой для москвичей-славян и вызывают у них интерес, но постепенно становятся и привычными предметами обихода, причем, как у самих, появившихся в Москве и разросшихся этнических групп, так и у москвичей других национальностей.

Рынки, как и магазины – это целый мир, независимо от национальностей, чьим бы рынок не считался – азербайджанским, вьетнамским, китайским, индийским или любым другим. Но сам «рыночный люд» – владельцы палаток и ларьков, поставщики, перевозчики товаров, продавцы, грузчики, уборщики и другие обычно обитают не только на самих рынках, но и на немалой территории вокруг них. Они снимают там жилье у местных жителей, а затем, постепенно осваиваясь, покупают недорогие квартиры и живут в них иногда в очень большом количестве. Рынки – это, как правило, мирные торговые места. Но порой и они становятся территорией теневого бизнеса, серьезных криминальных разборок и даже террористических актов.

За последний год в Москве были ликвидированы более 30 рынков. Вместо этих рынков, на которых легально и нелегально происходили тесные межэтнические контакты представителей многочисленных этнических групп, обитающих в российской столице, власти стали строить большие супермаркеты и торговые центры, где, конечно, уже нет такого явного и открытого «интернационала». Вместо этих рынков, на которых легально и нелегально происходили тесные межэтнические контакты представителей многочисленных этнических групп, обитающих в российской столице, власти стали строить большие супермаркеты и торговые центры, где, конечно, уже нет такого явного и открытого «интернационала». И, тем не менее, москвичи опять видят многочисленных девочек «южных» национальностей, работающих про-

давицами в этих сетевых магазинах, видят и стоящих рядом с ними колоритных молодых людей этих же «южных» национальностей. Они помогают следить за порядком теперь уже в новых огромных торговых центрах и супермаркетах российской столицы. Таким образом, современная Москва создает хоть и цивилизованные, но все же новые полиэтничные инфраструктурные объекты, сохраняя и приумножая своих новых инокультурных жителей, заботясь об их жизненных условиях и выделяя им рабочие места.

В небольшой работе нельзя охватить весь спектр жизненных сфер, в которых в Москве теперь развиваются и функционируют объекты инфраструктуры разных этносов. Среди неупомянутых в этой работе – одна из важнейших для любого населения **сфера воспитания и образования** (детские сады и школы для отдельных национальностей), это и трансформирующаяся в городе **система здравоохранения** (речь идет о недавно появившихся в городе отдельных больницах и поликлиниках для «своих» – мусульман, евреев и др. этнических групп), это и многочисленные **культурные учреждения**, которые довольно активно строятся в российской столице, отдельные **участки на городских кладбищах** для представителей разных этнических групп и многое другое.

Таким образом, Москва и в XXI столетии, оставаясь в целом достаточно толерантным русским городом, одновременно превращается и город в реально полиэтничный, с разнообразием языков и религий, идентичностей и менталитетов, обычаев и традиций, ценностей и потребностей. Сегодня можно с уверенностью фиксировать **факт практически необратимого закрепления** больших масс приезжих и их культур в большом и рыхлом местном сообществе. В Москве, с 90%-м русским населением, теперь можно наблюдать не только процесс ускоренного укоренения представителей других этнических групп, но и разрастание их этнических и религиозных институций, сообществ и диаспор с их особой, необычной для местных жителей инфраструктурой. И это расширение полиэтничности российской столицы происходит заметно и очень быстро, чему в немалой степени способствует не всегда внятная и понятная обществу миграционная политика. Тем не менее, москвичи – старожилы теперь на практике знакомятся с новыми этническими культурами, обычаями и образом жизни, заводят дружеские и деловые связи с приезжими, нередко образуют и этнически смешанные семьи. Однако эти позитивные процессы нередко идут параллельно с растущей этносоциальной напряженностью между местным населением и приезжими.

Примечания:

¹ Тишков В. Через 10-15 лет город будут населять другие москвичи // Известия (Москва). 2002. 18 июня.

² Подробнее об этом см.: Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. М., изд-во МГУ, 2011, с.256.

³ Вендина О. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // Демоскоп weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2004, 19 ноября.

⁴ Зайончковская Ж., Мкртчян Н. Москва и миграция // Демоскоп weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2004, 19 ноября. 2009, 14-19 сентября; Малькова В.К. Москва – многокультурный мегаполис. М., ИЭА РАН. 2004; Малькова В.К. Полиэтническая Москва в начале нового тысячелетия. Как видит и показывает ее столичная пресса. М. ИЭА РАН, 2007, В.К.Малькова. Полиэтническая Москва 2011-2012гг. Тревожные звонки в информационном пространстве / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2012, №233 и др.

⁵ Мартынова М.Ю. Миграционные процессы и повседневная культура москвичей. / Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. Под ред. М.Ю.-Мартыновой и Н.М.Лебедевой. М., РУДН, 2007.

⁶ Тишков В. Через 10-15 лет город будут населять другие москвичи ...

⁷ Вендина О. Указ.соч.

⁸ Зайончковская Ж., Мкртчян Н. Указ. соч.

⁹ Тишков В.А. Российская полиэтничность в мировом контексте // Вестник российской нации. 2013, №5, с. 17.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России. М. ИЭА РАН, 2011.

¹¹ Тишков В.А. Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития // Вестник российской нации. 2011, №4-5, с. 21.

¹² Федеральный Закон о национально-культурной автономии принят Государственной Думой 22 мая 1996г. №74 – ФЗ. // <http://www.sovetnic.ru/documents>.

¹³ Огромный список национально-культурных сообществ представлен на сайте Московского Дома Национальностей (МДН).

¹⁴ Федеральный Закон о национально-культурной автономии...

¹⁵ См., например: Фарукшин М. Политическое представительство этнических групп. // Вестник рос-

сийской нации. 2011. №4-5.

¹⁶ Там же, с. 40.

¹⁷ Там же, с. 44.

¹⁸ Отметим, что до сих пор нет единого мнения – действительно ли Интернет можно причислить к СМИ. Мы склонны считать, что это так, поскольку ресурсы Интернета во многом выполняют те же функции, что и пресса, радио, телевидение.

¹⁹ В Москве при ГБУ МДН Московском доме национальностей создан Пресс-клуб этнических СМИ г. Клуб объединяет представителей этнических СМИ, выходящих в Москве. Члены этого клуба поставили перед собой следующие задачи: участие в реализации государственной национальной политики в г. Москве; организация информационного обеспечения этноконфессиональных мероприятий, проводимых Правительством Москвы и МДН; обеспечение связи МДН со средствами массовой информации, издающимися по инициативе этнических, диаспорных и межнациональных общественных организаций; проведение пресс-конференций, брифингов, информационных встреч по этноконфессиональной тематике, в т.ч. с выездом в регионы РФ; распространение по поручению МДН официальных заявлений, сообщений и других информационных материалов Пресс-клуба; мониторинг основных информационных и аналитических телепередач по этноконфессиональной проблематике // <http://mdn.ru/cntnt/presscentr/pressclub.html>

²⁰ Об этом мы довольно подробно писали в наших других работах. См. например: Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики: Из опыта анализа российской прессы. М. 2004 и др.

²¹ Мы подробно рассмотрели эти сюжеты в работе: Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России (по материалам этнических СМИ). М. 2011.

²² Информация с сайта «Введенское кладбище» (по мотивам Ю. Рябинина). // <http://poklon.ru/interest/vvedenskoe-kladbishhe/>

²³ Московская Гильдия рестораторов: // <http://menu.ru>

²⁴ Московская Гильдия рестораторов // <http://menu.ru/>

²⁵ [Rudocs.exdat.com/docs/](http://rudocs.exdat.com/docs/)

²⁶ // alasharshop.ru; rayan.ru

²⁷ // sudba.info> [musulmanskie magaziny-v-moskve/](http://musulmanskie_magaziny-v-moskve/)

²⁸ // yaseen-hijab.ru

Т.Т. Титова
А.И. Салахова*

ПРИНИМАЮЩЕЕ НАСЕЛЕНИЕ И МИГРАНТЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В последнее время во многих регионах России, в том числе в Республике Татарстан, остро обсуждается вопрос о взаимодействии местного населения с увеличивающимся потоком трудовых иностранных мигрантов. Эксперты и аналитики, занимающиеся проблемой межэтнических отношений в своих регионах, обозначают ее, как одну из самых серьезных. Данная проблема не могла не обойти и Республику Татарстан, один из полиэтничных и экономически развитых регионов России, привлекательных для трудовых мигрантов, в т.ч. иностранных граждан. По этой причине регулярная оценка уровня толерантности и интолерантности принимающего населения – посредством массовых опросов и иных исследований – необходимая.

Такое исследование по общероссийской программе Сети этномониторинга и РНЦ было проведено и в Казани – городе, который является не только самым крупным населенным пунктом Татарстана, но и ежегодно принимает более двух третей всех мигрантов, прибывающих в республику. Полевой этап исследования осуществлялся в июне 2014 г. В основу формирования выборочной совокупности были положены социально-демографические критерии и «топографический» принцип (разработанные маршруты пропорционально охватывали все районы города, учитывая и их социально-экономические различия). Опрашиваемым предлагалось ответить на вопросы о приемлемости для них того факта, что мигранты могут быть заняты в тех или иных отраслях, об их отношении к конкретным национальностям (странам происхождения) мигрантов, о готовности воспринять и поддержать адаптацию мигрантов.

По оценке интервьюеров, респонденты соглашались с наличием освещаемой в анкете проблемы, отвечали на вопросы охотно, достаточно четко обозначая свою позицию. Так, можно говорить о четком разделении респондентов на настроенных негативно

(«засилье мигрантов», «неуважение к нашей культуре и законам», «нежелание принимать наши традиции», «постоянное хамство [с их стороны]», «чтобы чувствовали себя гостями, а не хозяевами»), нейтрально или положительно, но принявших сам факт миграции («мне не жалко», «пусть работают», «ищут лучшей жизни», «есть объективные причины приезда», «их не понимает местное население»).

Также высказывались мнения респондентов: усилить контроль за численностью мигрантов, ограничить их въезд на территорию республики («отправить на родину», «ужесточить процедуру получения разрешения на работу»), усилить меры для улучшения адаптации мигрантов («проводить мероприятия, посвященные дружбе народов», «показывать фильмы об обычаях и культуре других народов», «повышать культурный уровень мигрантов»). Часть респондентов говорили о необходимости решения проблемы «изнутри» – улучшения экономической ситуации местного населения («поднять уровень жизни», «повысить зарплату», «много бедных»), и это оказало бы благотворное влияние на отношение к мигрантам.

Помимо общих статистических показателей, в исследовании анализируется зависимость ответов от принадлежности респондента к конкретной социальной группе по критериям пола, возраста, образования, рода занятий, национальности, количества контактов с мигрантами.

В рамках исследования по четко определенным квотам по полу, возрасту, уровню образования согласно переписи населения 2010 г. опрошено 200 человек, мужчин и женщин (44% и 56% соответственно).

По итогам исследования большинство респондентов – местные жители, проживающие всю жизнь или более 10 лет в Татарстане, что может говорить о значительной объективности полученных данных. Незначительную часть (около 10%) составляют приез-

* Титова Татьяна Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета;

Салахова Алла Илдаровна – стажер кафедры археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

жие из других регионов России и стран бывшего СССР, проживающие здесь менее 10 лет. Большая часть опрошенных (порядка 80%) не собирается и не желает переезжать на новое постоянное место жительства в другой регион или другую страну. Но 14% респондентов, в основном молодые люди, не обремененные социальными обязательствами – семья и постоянная работа, планирует свой переезд (преимущественно в Москву (около половины) и Санкт-Петербург (менее одной трети)).

Три четверти респондентов имеют друзей в других регионах России и странах СНГ. Наибольшая частота ответов приходится на Москву (30% от общего количества ответов) и Санкт-Петербург (15%).

Большинство опрошенных идентифицируют себя как русские (62%) и татары (30%). Родным языком для большинства опрошенных является русский (65% от всех ответов) и татарский (29%).

Большую часть респондентов, как определено квотами опроса, составили респонденты с высшим и средним специальным образованием (30 и 36% соответственно). Опрос показал, что по роду занятий около 70% опрошенных в настоящее время работает и 16% находится на пенсии, остальные опрошенные учащиеся (6%), безработные (3,5%), занимаются домашним хозяйством или находятся в декретном отпуске (8%).

Свое материальное положение более половины опрошенных оценило как нормальное, четверть респондентов – как хорошее, пятая часть – как затруднительное. Перспективы заработка на ближайшие годы для каждого второго респондента, по самооценке, хорошие, для каждого третьего – неопределенные.

Каждый второй опрошенный идентифицирует себя как гражданин страны, каждый четвертый – как житель региона и лишь каждый седьмой – как представителя конкретной национальности.

В своей повседневной жизни реально регулярно (ежедневно или еженедельно) сталкивается с трудовыми мигрантами всего 14% респондентов, а 70% респондентов такого общения никогда не имели, либо общались с мигрантами крайне редко. Следовательно, формирование отношения к приезжим мигрантам у большинства опрошенных жителей Казани основано не на личном опыте, а на других источниках, будь то средства массовой информации, интернет, мнение окружающих людей и прочее.

В целом, тенденция межэтнических отношений в Республике Татарстан, по данным респондентов, достаточно благоприятна. О каком бы то ни было негативном отношении в свой адрес из-за языка, национальности, религии заявило всего лишь 4% опрошенных (заметим, о том в нашем опросе говорили русские, однако выборочная совокупность недостаточна для вывода об устойчивой тенденции). Интересно, что ни один представитель малочисленных в регионе

национальных сообществ (кроме представителя армянской национальности), о негативном в свой адрес отношении не заявил.

По мнению многих экспертов, на сегодняшний день проблема с мигрантами намного более актуальна нежели проблема межэтнического взаимодействия русских и татар: *«Сейчас современность бросает иные вызовы межнационального характера, и они лежат не в противостоянии тех, кто постоянно проживает в регионах Центральной России и приезжих с Кавказа и Средней Азии, их количества стремятся увеличиваются. Если этот факт игнорировать, рано или поздно эти люди могут стать серьезным источником проблем, например, таких, которые мы наблюдаем сейчас в столицах наших. Именно эта проблема в ближайшем будущем станет более актуальной, чем межэтнические отношения русских и татар»* (материалы фокус-группы, Казань, 2014).

На данный момент в Республике, по информации управления федеральной миграционной службы РТ, проживает более 63 тысяч иностранцев. Большая часть (около 70%) приезжие из стран СНГ, остальные – из стран дальнего зарубежья. По официальной статистике, около 20% из них пребывают на территории республики на основании разрешения на временное проживание, 11% - на основании вида на жительство и около 18% получили патент на осуществление трудовой деятельности. Основные мигранты – узбеки и таджики (около 70% от общего числа приезжих). Учитывая тот факт, что миграция в большей своей части трудовая, мужчины в общем количестве приезжих преобладают – их 85%. Детей до 18 лет в составе приезжающих немного – всего 3% и примерно столько же пенсионеров. Необходимо отметить, что на фоне политических коллизий, происходящих на Украине, резко возросло количество заявлений на постановку на миграционный учет граждан этой страны (по данным республиканского УФМС, на миграционный учет было поставлено 2,5 тыс. чел., из которых 897 – впервые)¹.

Одним из важнейших вопросов нашего исследования являлся вопрос о приемлемости для местного населения трудоустройства иностранных мигрантов, в частности, предлагалось рассмотреть три потенциальные сферы приложения труда мигрантов – жилищное хозяйство, здравоохранение, образование (школы и детские сады).

На сегодняшний день, по оценке заместителя руководителя департамента президента РТ по вопросам внутренней политики, потребность республики в трудовых мигрантах составляет около 30 тыс. чел. По данным руководителя центра занятости Казани, спрос на иностранную рабочую силу превышает предложение в пять раз². На фоне этого, около половины

опрошенных заявили об отрицательном отношении к трудоустройству мигрантов в любые сферы занятости.

Основной отраслью для трудовых мигрантов было и остается жилищное хозяйство. По данным УФМС по РТ за январь-апрель 2014 г., 80% мигрантов работает в строительстве, остальные приблизительно поровну задействованы на транспорте, в общепите, в сельском и лесном хозяйстве, на обрабатывающем производстве³.

По данным нашего опроса, на привлечение приезжих к сфере жилищного хозяйства отрицательно смотрят около 20% респондентов, а каждый второй относится к этому нейтрально и каждый третий положительно. Стоит отметить, что в разрезе по возрасту, практически все опрошенные остаются солидарны. Единственным статистически значимым отклонением можно назвать мнение молодежи в возрасте от 18 до 29 лет, которая наименее отрицательно (всего 10% против 20% у остальных возрастных групп) настроена к занятости мигрантов в жилищной сфере.

Опрошенные, которые часто общаются с мигрантами, в два раза реже высказываются против занятий мигрантов в сфере ЖКХ, нежели респонденты, которые не общаются с мигрантами (10% и 20% соответственно).

Среди респондентов женщины реже настроены против мигрантов в ЖКХ (14% против такого трудоустройства, а 22% - среди мужчин). Выдержка из интервью: *«Они приезжают, пусть приезжают, они такие трудолюбивые, такие работяги. Мне не жалко, пусть работают. Хорошо, муж не слышит, у него другое мнение, он считает, что они нам генофонд портят, на наших девушках женятся» (жен., русская, 20 лет).*

Чуть меньшую терпимость, в разрезе по национальному признаку, высказали татары (22% опрошенных не приемлют работу мигрантов в этой сфере против 14% негативно настроенных респондентов русской национальности). Еще менее толерантны представители национальных меньшинств – 36% категорически против присутствия приезжих в этой нише. Но, повторим, являются ли подобные различия по национальным признакам респондентов устойчивыми, могут показать последующие, более массовые опросы. Эта ремарка справедлива и для фактов, сообщаемых в этом разделе далее.

Важно также подчеркнуть, что наиболее чувствительны к рассматриваемой ситуации респонденты, сами занимающиеся тяжелым физическим трудом: 30% таких респондентов настроены по отношению к труду мигрантов в сфере ЖКХ негативно. Тогда как среди опрошенных, занимающихся умственным трудом или физическими работами средней тяжести данный показатель неприятия составил лишь 15%.

Более того, половина из группы респондентов, занимающихся тяжелым физическим трудом, считает, что мигранты отнимают у местных жителей рабочие места.

К доступу иностранных мигрантов в другие отрасли и сферы, такие как здравоохранение и образование больше половины опрошенных относятся резко отрицательно, около одной трети выразили нейтральное отношение и лишь 10% настроены положительно (по поводу привлечения мигрантов в качестве охранников детских садов и школ показатель позитивного отношения еще ниже – 5%).

В разрезе возрастных групп, наиболее лояльно настроенными к привлечению иностранцев в сферу здравоохранения (младшим медицинским персоналом) оказались молодые люди, т.к. из них 30% настроены отрицательно, около 15% положительно, а остальные – нейтрально. В то же время респонденты среднего возраста (от 30 до 59 лет) и пожилые в своем большинстве (60% и 65% соответственно) относятся резко отрицательно к присутствию иностранных мигрантов в этой сфере. Тенденция еще более ухудшается при выяснении отношения привлечения на работу иностранцев в сфере образования (охранниками детских садов, школ). И молодежь, и прочие возрастные группы в половине случаев отрицают такую занятость для мигрантов, причем наиболее категорично настроены пожилые респонденты (против – более 80% респондентов). Нет различий и в суждениях респондентов в зависимости от пола.

Наиболее оптимистичны респонденты, общающиеся с приезжими – 27% таких респондентов положительно относятся к найму мигрантов на работу в сферу здравоохранения. Респонденты, не имеющие личного опыта общения с мигрантами, но готовые «допустить» их в эту отрасль, составляют всего 13%. Как и в целом, в разрезе данных социальных групп, еще более низка готовность принять мигрантов охранниками школ и детских садов – соответственно 10% и 5% опрошенных.

Таким образом, к привлечению иностранных трудовых мигрантов к рабочим местам в Казани положительно относятся 27% опрошенных имеющих постоянный контакт с мигрантами; также положительно относятся 15% респондентов из числа не имеющих такого опыта. Тенденция сохраняется и при анализе отрицательного отношения опрошенных к этому вопросу – 32% и 45% соответственно.

Важным моментом является значительные различия социологических данных в вопросе о привлечении иностранцев в систему здравоохранения у титульных и нетитульных национальностей в республике. Респонденты-татары высказали большую нетерпимость к мигрантам по сравнению с респондентами-русскими (65% и 45% соответственно). Однако

такие различия, возможно, несущественны при явном общем отрицательном настрое в отношении трудоустройства приезжих в детские сады и школы, т.к. уровень неприятия мигрантов у представителей обеих групп достигает 60%. Представители же национальных меньшинств и вовсе не принимают иностранных мигрантов в рассматриваемой сфере – 80% категорически против их присутствия в сфере здравоохранения, около 70% - против в сфере образования. Интересно, что ни один респондент, относящийся себя к национальному меньшинству, не высказался положительно по этому вопросу.

Напомним, сами местные жители в массе заняты умственным трудом – по самооценке это почти две трети опрошенных. Физическим трудом занимается 30% респондентов, и только 5% - тяжелыми физическими работами, то есть примерно той работой, на которую в основном и претендуют приезжие. Отсюда – нехватка рабочих рук среди жителей республики и, как следствие, необходимость привлечения «неприхотливых» мигрантов. Круг причин и следствий как бы замыкается, поскольку увеличение вакансий в сфере жилищного хозяйства порождает новые миграции, но одновременно – и недовольство местных жителей.

Несмотря на дефицит рабочей силы, достаточно большое количество опрошенных (приблизительно каждый третий) считает, что мигранты отнимают рабочие места у местного населения. Данный факт можно объяснить недовольством представителей местного населения уровнем своей собственной заработной платы, а не претензией мигрантов именно на их рабочее место. *Выдержка из интервью: «Если свои граждане могут работать и получать «белую» зарплату пристойного размера, то поле для применения труда мигрантов сократится очень сильно».*

Впрочем, если в ЖКХ местные жители еще готовы допускать приезжих, то в отрасли более «личные», «семейные, в особенности те, которые касаются благополучия детей, подавляющее большинство респондентов категорически отказывается допускать. Тут доверие к мигрантам, основанное, как уже сказано, по большей части не на личном опыте, оказывается наименьшим.

Имеются явные различия в отношениях местного населения к приезжим из разных стран. Наиболее дружелюбно настроены опрошенные к мигрантам-представителям «братских славянских народов» - украинцам и белорусам. По данным исследования, более 80% респондентов считают, что не следует ограничивать приезд представителей этих национальностей в Россию для осуществления ими трудовой деятельности. Наиболее высок этот показатель, в разрезе возрастных групп респондентов у молодых людей – почти 100%. Мужчины и женщины также прак-

тически солидарны. Также, русские и татары в одинаковой мере выразили массовое желание видеть приезжих из этих стран у себя в регионе. Напомним, опрос мы провели в июне 2014 г. – в период, когда конфликт на Украине был в самом разгаре.

Приблизительно одинаковые суждения опрошенных по поводу мигрантов из Молдавии и Казахстана – около 65% опрошенных не против приезда жителей этой страны. Причем, если выходцев из Молдавии более приветствуют молодые люди (85% респондентов), то в отношении к приезжим из Казахстана позитивнее настроены пожилые респонденты (75%). Стоит отметить, что татары несколько более толерантны к приезду молдаван, а русские – к приезду казахов (приблизительное отклонение в ответах составляет 10%). Чуть менее респонденты хотят видеть у себя граждан Балтийских государств (около 60%, из которых также большая часть – молодые люди).

Более всего у себя в регионе не хотят видеть китайцев – около 55% респондентов против их присутствия, причем нет особых различий в разрезе возраст, пол, национальность. Надо сказать, что из стран дальнего зарубежья Китай (как и Турция) начал недавно наращивать присутствие своих граждан в Татарстане, и если к приезжим из стран бывшего Советского Союза местное население более или менее привыкло, то китайские рабочие пока для них явление редкое.

Отношение к приезду жителей государств Закавказья следующее: около 60% опрошенных в г. Казани готовы видеть в числе трудящихся приезжих из Грузии, Армении, Абхазии и Южной Осетии. Исключение составляют граждане Азербайджана – уровень толерантности к ним, по сравнению с их соседями ниже, чем в других случаях. Если около 30% респондентов считают уместным ограничение приезда мигрантов из других стран Закавказья, то в отношении Азербайджана эта доля увеличивается до 46%. Как показывает параллельное исследование (материалы 2014 г.) основное место встречи с представителями Азербайджана – на рынках и торговых точках (66% респондентов) и в общественных местах (45%). То есть, контакты с ними случайны и непродолжительны, и отношение у местного населения формируется на основании поверхностных впечатлений. Молодежь к выходцам из стран Закавказья (по поводу их присутствия) относится позитивно на уровне 40%, в то время как среди респондентов более старшего поколения терпимость проявляет каждый второй опрошенный. В разрезе национальности и пола показатели приблизительно соответствует среднему уровню.

Совершенно иное отношение к приезжим из Средней Азии – Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Большинство опрошенных категорически против нахождения и трудоустройства представителей этих государств в Татарстане – около 65% респондентов

заявили о желании ограничить их приезд. В разрезе возраста и национальности опрошенные сходятся в своем негативном отношении. Интересно, что показатель толерантности у женщин несколько выше, чем у мужчин и составляет 30% против 20% соответственно. Заметим, что именно выходцы из Средней Азии, по данным УФМС по РТ, составляют основную часть приезжих. На первом месте здесь граждане Таджикистана (45% от общего числа мигрантов), на втором – граждане Узбекистана (28%)⁴.

Стоит подчеркнуть, что, в среднем, практически каждый второй опрошенный, относящий себя к «национальным меньшинствам» желает ограничить приезд каких бы то ни было мигрантов в республику. Среди русских и татар хочет этого приблизительно каждый третий респондент.

Подытожив изучение уровня толерантности местного населения к каждой из групп мигрантов, можно сказать, что, при незначительных отклонениях, респонденты, вне зависимости от пола и возраста, во многом демонстрируют одинаковое отношение. Важно также, что и русские, и татары выражают практически одинаковое мнение, причем вне зависимости от общности языковой или религиозной принадлежности той или иной группы мигрантов. Отметим также, что представители «этнических меньшинств» выказывают более негативное отношение к мигрантам. Национальные меньшинства (коренные жители республики), таким образом, переносят свои достаточно нередкие проблемы во взаимодействии с титульным населением на еще менее защищенную правовым законодательством группу трудовых мигрантов.

В ходе исследования выявлены отношения респондентов к разным группам иностранных мигрантов в зависимости от частоты контактов с ними. Из респондентов, желающих ограничить приезд мигрантов в Республику Татарстан 28% заявили, что они знакомы с мигрантами, еще 33% опрошенных сказали, что общаются с мигрантами примерно раз в месяц, а 42% общаются крайне редко или никогда. С другой стороны, полагают, что не следует ограничивать приезд мигрантов 55% опрошенных, имеющих с ними постоянный контакт, и 62% имеющих подобный опыт общения раз в месяц, а также 48% никогда не сталкивались с приезжими. Таким образом, можно сделать важный вывод о четкой зависимости между частотой контактов респондентов с иностранными трудовыми мигрантами и желанием подобных контактов – чем реже опрошенный встречается с приезжим, тем чаще он настаивает на ограничении въезда мигрантов в свой регион. Верно и обратное: чем больше местный житель контактирует с мигрантом, тем более спокойно он относится к трудовой миграции в целом и приезду на свою территорию «чужаков».

Рассмотренное, во многом негативное отношение местного населения к мигрантам основано на дефиците знаний о мигрантах. Личный же опыт общения с мигрантами сведен к минимуму и составляет всего 14% от общего числа респондентов. Данный показатель варьируется в разрезе характера труда самих опрошенных. Так, каждый третий респондент, занятый тяжелой физической работой или работой средней тяжести, сталкивается с трудовыми мигрантами ежедневно или еженедельно, в то время как среди опрошенных, занятых преимущественно умственным трудом этот показатель составляет около 7%.

Не секрет, что некоторые средства массовой информации часто акцентируют внимание на совершении преступлений, в том числе уголовных, иностранными мигрантами, тем самым навязывая обывателю неприязнь к ним и формирование устойчивых стереотипов. На деле, по данным начальника УФМС РФ по РТ, преступления, совершаемые иностранными гражданами, не оказывают существенного влияния на оперативную обстановку в Республике Татарстан. За 2013 г. иностранцами совершено 359 преступлений, это на 9% меньше, чем за предыдущий. Доля преступлений, совершенных иностранцами, составляет всего 0,8% от общего количества преступлений, в то время как доля приезжих, по данным Росстата, составляет примерно 1,6% от общего числа жителей. В отношении же самих иностранных граждан в 2013 г. было зафиксировано 236 преступлений⁵. Тем не менее, в силу вышеуказанных действий СМИ, около 14% опрошенных в нашем исследовании считают, что иностранные трудовые мигранты именно чаще совершают преступления, чем местные жители. Причем наиболее высок этот показатель среди респондентов, имеющих неполное среднее образование (так думает каждый третий из них), а наименьший показатель – у опрошенных с высшим и неоконченным высшим образованием (порядка 10%). Также этот показатель немного выше у респондентов, не имеющих опыта общения с приезжими (16%), чем у опрашиваемых, постоянно контактирующих с мигрантами (10%).

К неблагоприятному фону общественного восприятия добавляются и личные «наблюдения» и переживания респондентов. Они подмечают негативные «образцы» поведения самих мигрантов, подчеркивают их замкнутость, нежелание адаптироваться. Выдержки из интервью: *«Например, водители автобусов или кондукторы включают восточную музыку очень громко и пассажирам в большей степени это не нравится. Бывает, слышишь, когда проходит мигрант, слышишь в отношении его нелицеприятные выражения. Это в жесткой форме и очень неприятно... Вообще со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Они здесь в гостях, и должны уважать культуру на-*

родов, куда они приехали» (муж., татарин, 21 год). «Самая большая проблема – что они не хотят ассимилироваться. Они не пытаются быть иначе здесь, они живут так, как жили – и это очень сильно выделяется. Если ты приехал специально сюда – то почему ты живешь так, как жил? Нужно же адаптироваться к тому, где ты живешь. Если этого нет, то это общество очень раздражает. Оставляет неприятный отпечаток. В принципе, что они другие – это очень не вяжется с тем, что они приехали сюда – как будто нас не уважают» (жен., татарка, 22 года).

В рамках исследования респондентам задавался вопрос, позволяющий проанализировать степень интолерантности к трудовым мигрантам: «Если в Республике Татарстан возникнут пикеты или акции против иностранных трудовых мигрантов, могли бы вы поддержать такие пикеты или акции?». Большинство опрошенных, около 75%, заявили, что не поддерживают открытые выступления против мигрантов. Однако 10% сказали, что согласились бы принимать участие в подобных мероприятиях и 4% считают для себя это возможным. Причем доля желающих именно пикетами выражать свою позицию наиболее высока среди опрошенных активного трудоспособного возраста (14% опрошенных в возрасте от 30 до 59 лет), принадлежащих к татарской национальности (20% респондентов) и национальным «меньшинствам» (18% опрошенных), а, кроме того, мужчин (17% респондентов). Вопреки распространенному мнению, молодежь более сдержанна в данном вопросе (86% опрошенных в возрасте до 30 лет против таких антимигрантских выступлений). Многие респонденты понимают, что в условиях современных реалий, процесс миграции неизбежен. Выдержка из интервью: «Такие проблемы есть везде, во всей России. Приезжие не понимают местное население, местное население – не понимает приезжих. Местное население относится к приезжим, как к незваным гостям, когда хотят, чтобы они поскорее ушли... Но есть объективные причины, по которым люди приезжают. Во-первых, это когда люди хотят жить лучше, и они переезжают в более удобный и успешный регион или страну и это вполне нормально. Это естественный процесс» (муж., татарин, 21 год).

Исходя из полученных данных, каждый седьмой опрошенный может, по его собственному мнению, активно выступить против мигрантов. Этот результат исследования является весьма настораживающим в условиях стабильной межэтнической обстановки в Республике Татарстан.

Несмотря на неблагоприятный фон общественных отношений в адрес трудовых мигрантов, большинство респондентов, тем не менее, видят выход в создании специальных центров по обучению мигрантов и их детей русскому языку, а также центров по

предоставлению юридической помощи, лечению, повышению профессиональной квалификации, информации для поиска работы и прочего. Во многом, по мнению опрошенных, это выход из проблемы социокультурной отчужденности между приезжими и принимающим населением. Выдержка из интервью: «Иногда бывает, что грубо себя ведут, провоцируют, включая громко музыку. И после этого говорят: вы что, против нашего народа? Хотя никто не против... Я считаю, что в миграционной службе необходимо ввести базовое образование в плане изучения истории России и русского языка. Это вопросы толерантности, и нужно курсы вводить обязательно. Образовывать нужно этих людей, чтобы они узнавали нашу культуру, ближе контактировали с нами, изучали язык, образовывали детей, тогда все будет очень хорошо» (жен., русская, 23 года). По данным параллельного исследования хуже всего русским языком владеют узбеки и таджики (которых более всего, по сравнению с другими приезжими, как раз и не желают видеть у себя в регионе большинство респондентов).

Конкретно: 40% опрошенных полностью поддерживают идею обучения мигрантов русскому языку, еще 22% поддерживают эту идею для тех, кто останется жить в России, и еще 25% – для тех, кто будет сам оплачивать подобное обучение. А против создания миграционных центров высказались всего 10% опрошенных. Зависимость ответов от гендерных характеристик и национальности не выявлена. Значительное отклонение можно наблюдать только в разрезе возрастных групп – наибольшее число тех, кто против среди пожилых людей (20%).

Еще больший энтузиазм проявили опрошенные в отношении идеи создания таких специальных центров для детей мигрантов: каждый второй респондент полностью поддерживает эту идею, каждый третий готов поддержать в случае, если за это будут платить сами мигранты. Противников создания таких центров оказалось только 6%. Распределение мнений по социальным группам также аналогичное. Единственное отклонение можно выявить в разрезе гендерных признаков: среди женщин гораздо меньше противников создания центров по сравнению с мужчинами (2% против 10% соответственно).

Идея поддержки мигрантов юридически и информационно нашла отклик у 40% опрошенных, и 14% готовы принять ее для тех, кто намерен остаться жить в России и еще 33% респондентов – для тех, кто будет оплачивать подобные услуги самостоятельно. Против создания такого центра – 7% опрошенных. Также в разрезе социальных групп эти показатели практически аналогичны.

Подводя итог, можно говорить о потенциально возможном улучшении общественного восприятия мигрантов в случае принятия правительством Республики

Татарстан целенаправленных мер по адаптации приезжих именно посредством создания центров изучения языка, культуры и социальной помощи для мигрантов.

Примечания:

¹Info.tatcenter.ru/article/138021/

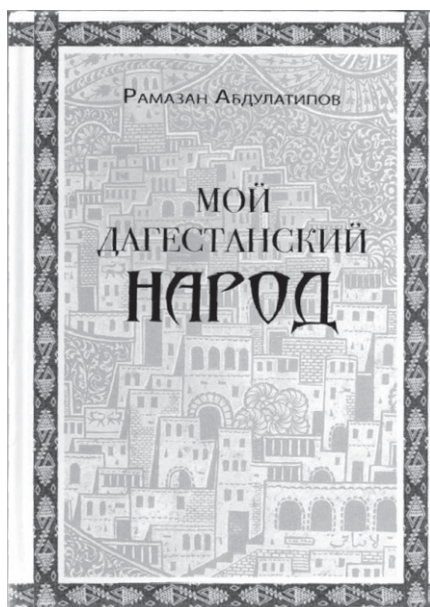
²Info.tatcenter.ru/article/138021/

³Sntat.ru/reportages/398-tatarstan_milee_rodiny

⁴Info.tatcenter.ru/article/138021/

⁵Татар-информ, Казань, 15 января

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

Абдулатипов, Р.Г.

Мой дагестанский народ: Историко-философские очерки / 2-е изд., испр., доп. / Р.Г. Абдулатипов. - Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. – 344 с.

В книге известного российского политика и учено, писателя и общественного деятеля Дагестана, России исследуются многовековая история и богатейший социально-культурный опыт дагестанского народа. Вниманию читателей представлен философский анализ многих событий и личностей, определивших исторический путь развития народов Дагестана, - общности их происхождения и жизнедеятельности на единой территории, духовного творчества и единства. Взгляд автора на историю его Родины обращен в будущее; как российский государственный он связывает главный смысл эволюции дагестанского народа с перспективами всего многонационального народа Российской Федерации.

*Н.А.Барышная**

ИНТЕГРАЦИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ МИГРАНТОВ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРАКТИКИ «СОЦИАЛЬНОГО ГРАЖДАНСТВА»

Современная национально-культурная политика, реализуемая на большей части регионов России (и в Саратовской области, в частности), характеризуется усилением тенденций к культурному и социальному размежеванию, формированию новых границ (и социальных, и этнических) ради сохранения «привычной картины мира» и устоявшейся системы социальных ориентиров¹.

Необходимо признать, что рост культурного разнообразия (за счет увеличения миграционных процессов, в первую очередь) стал одним из факторов, дестабилизирующих современное российское общество. Большинство населения, по результатам проведенных нами исследований, оказалось не в состоянии проявить терпимость, согласие, принять в свое сообщество новых членов - носителей иных культурных ценностей, тех, кто заведомо находится на более низкой социальной ступени, предоставив им не только социальные гарантии, но и право на этнокультурное самовыражение, реализацию их собственной этнокультурной идентичности.

Еще одним характерным элементом современной этнополитической ситуации в регионах России стало то, что государство (в лице разного рода администраций и органов власти) объектом «национально-культурной» политики выбрало не население (во всем его многообразии), а административно-юридических агентов – зарегистрированные общины диаспор (национально-культурные центры). Последствия подобной политики - «избирательное действие», когда в фокусе внимания государства оказывается не все население, а отдельные его сообщества, или, если быть точнее, отдельные этнические предприниматели, использующие свою этнокультурную идентичность как ресурс извлечения материальных и политических выгод.

За пределами внимания власти осталось как местное (принимающее) население, так и общины, кото-

рые если и имеют некий юридический статус, но не входят во фронт «приближенных». В частности, например, несмотря на наличие юридически зарегистрированных национально-культурных сообществ азербайджанцев, армян, турков-месхетинцев, чеченцев в городах региона, они максимально дистанцируются от участия в общественных, политических и социально-экономических мероприятиях. Исключение составляет их деятельность на региональном уровне – политическом, обязывающем позиционировать присутствие общины в региональном контексте (участие в разного рода национальных советах, согласительных комиссиях и т.д.).

Местное (принимающее) население, лишенное, в силу объективных причин, возможности оценить позитивные последствия роста культурного разнообразия, не чувствует потребности в культурном диалоге с иммигрантами, испытывает дискомфорт от контактов с иными поведенческими установками и социальными стереотипами, которые «нарушают» представления о «цивилизованных» нормах общения. Старожилы локальных сообществ воспринимают рост культурного разнообразия как разрушение привычной картины мира, как внешние насилие и угрозу. В этих условиях возникает скорее потребность в самозащите, сохранении своего социального, экономического и политического статуса, а не желание принять и защитить «иных»².

Подобную реакцию демонстрируют и инокультурные мигранты (особенно если говорить о прибывших из небольших поселений, сел республик Средней Азии), пополняющие ряды общин диаспор и этнических меньшинств. Столкнувшись с новой для них культурой, достаточно высоким темпом и насыщенностью жизни, с ее разнообразием, «раскованностью», часто циничным отношением к пожилым людям, женщинам и детям, они часто просто шокированы состо-

* Барышная Наталья Александровна – кандидат политических наук, заведующий кафедрой государственного управления и права Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

янием «цивилизации», в которую они планировали интегрироваться, и с чем они связывали будущее своих детей. У них «свои» взгляды и другие «нормы», и они видят свою цель в их продвижении ради улучшения общей ситуации. Каждая из сторон утверждает свою правоту и использует массу культурных (и не только) аргументов, стереотипов, мифов, историй, работающих как на культурную интеграцию, так и против нее³.

В настоящее время при анализе эффективности реализации региональной национально-культурной политики доминирующим должен стать депривационный подход, в рамках которого детерминантами этносоциальной напряженности (как ключевого последствия, роста культурного многообразия с точки зрения доминирующего дискурса) рассматриваются объективированные и необъективированные притяжения как принимающего населения, так и мигрантов, то есть мотивированное желание людей обладать, пользоваться (располагать) материальными благами, разнообразными услугами и социальными позициями. Нереализованность таких личных желаний обуславливает формирование претензионной депривации и, по нашему мнению, определяет характер этносоциальной напряженности⁴.

Это позволяет определить особую плоскость изучения межгруппового взаимодействия, в основе которой лежит система ожиданий, причем как позитивных, так и негативных. В системе социальных отношений данный подход согласуется с теорией У. Томаса: «Если ситуация определяется человеком как реальная, то она реальна по своим последствиям». Иначе говоря, исходя из перспективы построенных ожиданий, человек фактически определяет свое поведение, стратегии достижения поставленных целей.

Можно сделать вывод, что совмещение оценок ожиданий иммигрантов и принимающего населения позволяет оценить потенциальные «болевы точки», являющиеся коллекторами этносоциальной напряженности. При этом одним из ключевых показателей является «дрейф идентичностей», фиксируемый как смещение ценностно-мотивационных и ценностно-достижительных установок. Понимание идентичности/ [само]идентификации не как статичного объекта, а как процесса, подверженного влиянию извне, позволяет в этих условиях очертить спектр вероятных стратегий взаимодействия. «Размывание» границ [этнокультурной] идентичности индивидов, как и [ре]конфигурирование социальных границ внутри локального сообщества в современных условиях - неизбежно⁵. В этих условиях очень важно выработать «формулу интеграции», при реализации которой, не только инокультурные иммигранты адаптировались и интегрировались бы, но и местные жители были бы готовы к необратимому процессу роста

культурного многообразия, понимая и осознавая все плюсы и минусы этого процесса. Необходимо привнесение в систему регионального управления национально-культурной политикой понимания, что интеграция – это «двустороннее шоссе», что без активного участия населения ни один регион не станет иммиграционно привлекательным, что, вкупе с серьезными демографическими рисками, приносит риски и репутационные.

Ключевым вопросом в ситуации появления «привнесенной этничности», или более привычно – появления новых этнических миграционных сообществ на территории региона, является фактор их целенаправленного движения в города. Села и малые поселения, являясь явно «неперспективным» местом натурализации и интеграции, по сравнению с 1990-ми годами, полностью утратили свои возможности миграционной аккумуляции и роли центров миграционных притяжений⁶.

Что привлекает иммигрантов именно в города? Почему даже вчерашние жители небольших сельских поселений близлежащих стран, приезжая на заработки в Россию, стремятся именно в города?

С одной стороны ответ прост: здесь больше возможностей, уровень доходов горожан существенно выше доходов жителей деревень, проще решить вопросы с жильем, легче «спрятаться в толпе»...

С этим утверждением трудно не согласиться. Современный город обусловлен стремительностью циркуляции информации в социальных сетях (имеющих самые разные основания – от профессиональных до земляческих), интенсивностью и разнообразием контактов, которые способствуют тому, что одни жизненные стратегии рушатся, а другие выстраиваются, формируя вертикальные социальные лифты⁷.

С другой стороны, города - это результат сознательно проводимой политики, направленной на (вос-)производство сообществ, создающих те или иные формы или виды продукции и/или услуг. Именно эти сообщества определяют, в конечной форме, «дух города», его особость, отличительные черты. Это то, что можно назвать *креативными полями*, объединяющими этнокультурную, экономическую, социальную и политическую жизнь⁸.

В рамках этих полей формируются свои элиты, определяющие их облик и механизмы включения/исключения в то или иное сообщество. Однако, на наш взгляд, главная функция элит, как инструмента, - способность как транслировать ценностно-мотивационные установки локального сообщества на более высокие уровни, так и выступать рупором-транслятором для основной массы сообщества, определяя (дис)позицию группы в той или иной ситуации, быть своего рода глашатаем, говорящим от имени сообщества и для сообщества⁹.

Конкуренция элит – необходимое условие развития территории. Но не всегда и не везде. В малых городах России, где элиты скорее скомпонованы по клановому признаку¹⁰, это чаще всего приводит к серьезным противоречиям, саботажу принимаемых решений, расколу и без того не гомогенного сообщества по самым разным социальным, политическим, экономическим, этническим, конфессиональным линиям разлома. В небольших городах, где уровень узнаваемости того или иного лидера значителен, любое высказывание, поступок, чаще всего приводит к формированию и реифицированию новых границ «свой-чужой»¹¹.

Местное население при этом, будучи гетерогенным, по-разному смотрит на вещи и свое место в жизни, по-разному справляется с вызовами современной повседневности. Этот взгляд на жизнь проявляется, во-первых, в стратегии «поддержать видимость» приличной жизни, «не уподобляясь некоторым», и, во-вторых, в отношении к «ним», как источнику проблем и угроз. «Они» - это, чаще всего, вновь прибывшие, имеющие свое, не сводимое к духу города, представление о том «как и где лучше жить». Для местных жителей «они» усиливают и без того неотступный страх (созданный усилиями политиков и финансистов), что относительно стабильная и безопасная жизнь в хорошо устроенном доме может внезапно кончиться.

Опираясь на результаты серии исследований, можно сказать о некоторых недостатках, «родовых пятнах» сообществ малых городов¹². Первый – сложности в совладании с конфликтом (между «своими» и «чужими», поколенческим, конфликтом интересов). Каждое локальное сообщество города (поселения) предполагает, что это другие должны разделить его приоритеты и подчиниться его ценностям. Второй - неспособность и неготовность иметь дело с культурным плюрализмом. Разнообразия жители малых городов России не признают и не принимают. Причина в особой социальной композиции таких поселений и городов – «жить среди себе подобных и отвергать отличающихся».

В этой ситуации появление новых сообществ, появление новых лидеров, новых элит новых сообществ воспринимается если не с раздражением, то с неодобрением. Появление новых сообществ (и, соответственно, новых элит и лидеров) приводит к изменению существующих диспозиций «узлов власти и распределения», к динамическим преобразованиям в системе социальных отношений (как вертикальных - подчинения, так и горизонтальных – сотрудничества и соседства).

В дополнение к вышесказанному, появление новых сообществ, по ряду объективных причин, способствует тому, что социальные полюса «бедности»

и «богатства» постепенно, даже в малых городах, приобретают территориальную и этническую привязку¹³. И если, несмотря на особенности крупных городов (мегаполисов), формирование этнических кварталов видится весьма в отдаленной перспективе по причине высоких цен на недвижимость, унаследованной от советского времени «перемешанности» жителей (которая препятствует быстрому изменению этнического состава населения), низкой потребности новых этнических сообществ в компактном проживании¹⁴, то в малых городах (особенно небольших поселениях) этот фактор становится все более значимым.

Именно в малых городах, где появление «новых» лиц и групп почти мгновенно становится объектом всеобщего внимания, наиболее ярко проявляются все позитивные и негативные (по выражения О. Вендиной – «побочные») эффекты роста культурного многообразия.

Здесь важно отметить, что, несмотря на изменение структуры миграционных потоков из среднеазиатских республик бывшего СССР, увеличение числа лиц, не знающих, либо плохо знающих русский язык, большинство людей, едущих в Россию, и в Саратовскую область, в частности, еще помнят времена, когда и они, и «местные» имели общее гражданство, равные формально-юридические права и сравнительно общие представления о том, что такое «наша страна», «наша Родина». Теперь, в подавляющем большинстве, мигранты превратились в «гастарбайтеров», «нелегалов», остающихся без защиты в тех местах, которые когда-то считались городами «нашего государства».

Анализ результатов исследований наших коллег показывают, что чаще всего исследовательским фокусом являются противоречия между мигрантами и принимающим населением, подкрепленные описанием отдельных драматичных и влияющих на формирование общественного мнения эпизодах – жестоким избиении или убийстве мигрантов, выступлениях ультраправых бритоголовых, рабском труде мигрантов из стран Юго-восточной и Средней Азии, или, наоборот – об изнасиловании местных жительниц трудовыми мигрантами, их участии в наркобизнесе и т.д. Однако, анализируя тексты интервью с как с трудовыми мигрантами, так и с теми, кто решил остаться в России и начал процедуру натурализации, невольно сталкиваешься с некоторыми эпизодами, описывающими «жизненный опыт» пребывания мигрантов в российских городах, выбывающие из этой «аналитической канвы».

В частности, мигранты, в подавляющем своем большинстве (и почти во всех подгруппах и категориях) убеждены, что именно формальные (фактические) стражи закона и порядка (милиция, ГИБДД, таможенная, пограничная и миграционная службы)

воспринимаются как более значительная, реальная и зловеющая опасность, чем описываемые в газетах и на сайтах Интернета «бритоголовые». Проведенные исследования показывают, что из более чем полусотни информантов из числа трудовых мигрантов лишь несколько человек в той или иной мере подвергались физическому или психологическому давлению, оказывались стороной конфликта с местным, «нормальным» населением. В тоже время, все(!) без исключения имеют негативный опыт общения с миграционной службой и полицией.

Угрозы мигрантам порождаются не столько криминальными элементами и структурами, сколько реальной невозможностью жить и работать легально, результатом чего является полное исключение мигранта из правовой, социальной и культурной сферы сообщества. Усилия существующей законодательной, политической и социально-экономической системы направлены на то, чтобы сделать мигранта «невидимым» в этих полях, вытолкнуть его/ее за пределы права, в «черный рынок», существующий вне поля закона.

Существующая система постановки на миграционный учет и регистрации такова, несмотря на уведомительный порядок, что значительная доля мигрантов становятся нелегалами в течение уже первых дней пребывания, выбирая один из двух вариантов дальнейшего пути – либо полный отказ от легальной регистрации и приобретение за взятку фальшивой прописки, либо покупка у «соответствующего» чиновника так называемой «чистой прописки» по адресу, где они никогда не будут жить. Необходимо пояснить, что как раз те, кто уполномочен исполнять законы или обеспечивать видимость защиты законности – участковые, местная полиция – больше всех заинтересованы в том, чтобы держать мигранта в состоянии «невидимости» по отношению к местному сообществу, его бюрократии (исполнительным и представительным органам), государству, в конце концов. Именно это обеспечивает состояние исключенности (а значит и второсортности) мигранта из всех полей.

Эти подтверждает и исследование Мадлен Ривз, проведенное среди жителей Киргизии и Таджикистана, работавших в России в последние несколько лет¹⁵. В частности, она отмечает, что «более половины всех респондентов проживали в местах, абсолютно невидимых для государства, столь озабоченного фиксацией их местонахождения и ограничением передвижения: в железнодорожных вагонах (35%) или на стройках, внутри еще недостроенных объектов (21%). И так, большинство прописок, считавшихся «чистыми» с технической точки зрения, не имели никакого отношения к реальному месту проживания мигрантов».

Таким образом, у мигранта, который приехал в Россию на заработки, вместо интеграционных устремлений, возникает адаптационная стратегия, направленная на то, чтобы полностью скрыть себя как субъект права. Мигранты имеют при себе минимальное количество денег («...им больше у нас отобрать нечего»), стараются не носить с собой паспортов. Как отметил один информант: *«лучше пять часов в обезьяннике просижу, чем заплачу десять тысяч рублей за свой собственный паспорт»*.

По сути, рассмотренные выше тезисы являются определяющими в формировании «гастарбайтерской диаспоры» без привязки к странам исхода и этнических особенностей. Ключевой основой здесь является нахождение мигранта вне границ правового, политического, социального и культурного полей сообщества/государства.

Одним из ключевых моментов культурной и социальной адаптации является языковая проблема. Немногие современные мигранты владеют русским языком в достаточной степени даже для решения самых первичных проблем, самостоятельного оформления въездных документов, оформления проживания. Особенно это касается молодежи и детей, у которых нет опыта владения русским языком.

В отношении мигрантов, плохо знающих русский язык, но ориентированных на ПМЖ, ситуация усугубляется тем, что для получения гражданства необходимо пройти обучение на курсах и сдать экзамен. Обучение на курсах и сдача экзамена осуществляется в областном центре (г.Саратов), что, естественно, для многих невозможно по причине удаленности и дороговизны. Плюс сложность заключается в том, что длительность курсов русского языка составляет почти два месяца, а срок нахождения на территории России по миграционной регистрации – три месяца. Таким образом, у мигранта, после обучения и успешной сдачи экзамена остается месяц на оформление вида на жительство, получение разрешения на трудовую деятельность (патент), что само по себе занимает более полутора месяцев (по факту). Сложившаяся ситуация, естественно, решается мигрантами «иными способами», что с одной стороны решает краткосрочные задачи адаптации, но т.к. мигрант фактически так и не учил язык, это серьезно осложняет дальнейшую интеграцию.

Современный город непрерывно производит новые различия и редуцирует уже имеющиеся. При этом город, как социально-культурная и социально-экономическая система, активно реагирует на рост разнообразия (и, по сути, на рост энтропии в городском сообществе), декларируя уважение к «иным» культурам, но всячески дискриминируя ее носителей. В этих условиях происходит формирование и развитие городской соционормативной культуры,

понимаемой как формальные и неформальные образцы и паттерны поведения, которые со временем (одни образцы появляются, другие уходят) становятся общепринятыми и указывают жителям, что следует делать, а что не следует. По сути, соционормативная городская культура выполняет роль регулятора и реализует функцию контроля в сообществе. Если люди («иные») не следуют общепринятым поведенческим предписаниям, то возникает ощущение, что они бесконтрольны, а, следовательно, — потенциально опасны. Именно ощущение (потенциальной) опасности и вызывает негатив, раздражение, неприятие, ненависть.

Современную основу городской идентичности у большинства жителей составляет чувство привилегированности по отношению к мигрантам и мигрантским сообществам. Город (в региональном масштабе) выступает как важный, но очень дефицитный ресурс, как своего рода исключительное место, где можно «нормально» жить. Это относится не только к инокультурным мигрантам, но и жителям небольших поселений, сел, деревень, прилегающих к городу районов. Опираясь на собственные наблюдения, можно отметить, что людей, проживающих в городе, объединяет не чувство гражданской ответственности за свой город, а то что они ощущают свое превосходство над всеми «другими» и требуют от «других» («иных») существенных усилий для того, чтобы заслужить право стать «своим» (местным). По сути, получить своего рода «социальное гражданство». Это тревожный индикатор, поскольку показывает, что городская идентичность работает не как инкорпорирующая, позволяющая людям объединяться и интегрироваться в сообщество, а скорее как исключаяющая, противопоставляющая сообщество горожан («своих») всем остальным.

Однако необходимо четко понимать, что роль националистически настроенных политиков регионального и городского масштаба, элиты, групп неонацистов для понимания современной этнокультурной политики городов невелика. Сложившаяся форма «мяг-

кого расизма» скорее основана на более прозаических, институционализированных бюрократических практиках, которые производят и воспроизводят этнические различия в «ткани» повседневной жизни как нечто нормальное, естественное и необходимое.

Когда мы рассуждаем об интеграции этнических миграционных сообществ в социальную, экономическую и политическую среду малых городов, то должны четко понимать, что сами миграционные сообщества, как и городское «большинство», чрезвычайно гетерогенно. По сути, речь должна идти о взаимной интеграции множества гетерогенных сообществ, с четким пониманием того, что в итоге нового гомогенного сообщества не получится. Или иначе, парафразируя «единство в многообразии» (очень удачную формулу для страны, в целом), во «множественную множественность» (или «многомерную множественность») для городов. Поэтому политика культурного многообразия городов должна строиться на поиске общих принципов, таких, как общий язык (допускаю, что не всегда русский), общие интересы территориального сообщества, общие цели. Для того чтобы заработали культурные механизмы, критически необходимо, чтобы эффективно работали механизмы социальные.

Какая этнокультурная политика на сегодняшний день необходима малым городам? Не останавливаясь на обзоре существующих альтернатив этих политик, отметим, что на наш взгляд наиболее эффективным будет являться политика диффузии. Данный концепт характеризуется двусторонним движением, когда меняются как представители одной культуры, так и другой. Это приводит к определенной гибридации и выработке легитимной соционормативной культуры (которая сама по себе очень изменчива). «Диффузное» движение в этом смысле важно не как способ отказа от каких то своих этнических корней, истории, культуры, а в смысле приоритета социального над этническим, сближения (со)общества на основе общих целей и интересов.

ПРИМЕЧАНИЕ:

¹ Тишков В.А. От общественного восприятия – к общественному сознанию/Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (под ред. Степанова В.В., Тишкова В.А.) – М., УОП ИЭА РАН, 2008. С.5-10.

² Вендина О.И. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве//Иммигранты в Москве/Институт Кеннана; под ред. Ж.А.Зайнчиковской. - М., 2009. С.140.

³ Тишков В. Исторический феномен диаспоры// Исторические записки. №3(12), 2000.

⁴ Доклад о развитии человека 2009// Преодоле-

ние барьеров: человеческая мобильность и развитие/ пер. С англ.; ПРООН.-М., 2009., см. также обзор докладов конференции: Migratory Processes in Europe: Evolution of the migratory interaction of the EU and Central and Eastern European countries//Central European University//Ukraine, Odessa, 2010.

⁵ Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика / Саратов, изд.центр «Наука». 2009.

⁶ Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации/под ред.Ю.С.Воронова. Саратов: Научная книга,2012.

**Международная научно-практическая конференция
«Дорогами Кобзаря. Украинцы в Южно-Уральском регионе»,
посвящённая 200-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко
(14 марта 2014 г., Оренбург)**

Приветственное слово вице-губернатора Оренбургской области О.Д. Димова

Студенты оренбургских вузов

В зале заседания

Участники конференции из Оренбурга, Львова, Уфы

Книги по этнической истории и духовной культуре украинцев Южного Урала

Всероссийская научно-практическая конференция «Религиозное многообразие Уральского региона» (28 марта 2014 г., Оренбург)

Историки Оренбургского государственного университета

Доклад доцента ОГУ Ю.П. Злобина

Пленарное заседание

Участники конференции

Традиционная книжная выставка

⁷ Барышная Н.А. Малые города России: новый фокус национально-культурной политики/ Этнопанорама. 2012.№3-4. С.21-24

⁸ Трубина Е.Г. Город в теории: опыт осмысления пространства/ М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁹ Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М., МГУ, 2011.

¹⁰ Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М., РОССПЭН, 2011.

¹¹ Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика/ Саратов, ИЦ «Наука», 2009.

¹² Исследования проводились в рамках проектов «Социальные границы полиэтнической организации в современном городе: формирование и трансформация» (грант РГНФ 10-03-00063а), «Этнокультур-

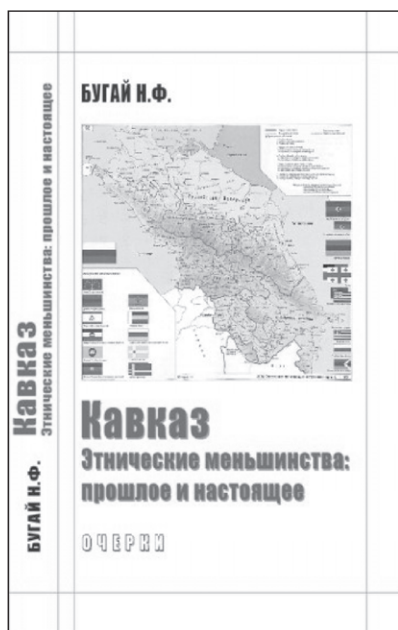
ное образование в России: закат или развитие?» (грант РГНФ 13-01-18091а)

¹³ Вендина О. Роль московской идентичности в интеграции новых москвичей// Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение / Сб.статей// под ред.В.С.-Малахова, А.Ф. Яковлевой, М., 2013. С.190-204

¹⁴ Вендина О. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве/ Иммигранты в Москве// Институт Кенана; под. ред. Ж.А.Зайнчковской. – М., 2009. с.45-147.

¹⁵ Ривз М. Как становятся «черными» в Москве: практики власти и существование мигрантов в тени закона//Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение: сб.статей/ Под ред. В.С.Малахова, А.Ф.Яковлевой. М.,2013. С.146-178

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

Бугай Н.Ф.
Кавказ. Этнические меньшинства:
прошлое и настоящее.
М.: «Гриф» и К, 2014. — 420 с.

Книга посвящена малоизученной в российской историографии теме – и является откликом на существующую потребность освещения истории этнических меньшинств, судьба которых не была идентичной. Главное внимание сосредоточено на этнических меньшинствах Кавказа, имевших непосредственное отношение к Союзу ССР, связям с Россией на разных этапах их истории, особенно в годы Великой Отечественной войны.

*С.Р. Дерябина**

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВНУТРИ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

Теоретические подходы к объяснению феноменов этничности и образования наций обычно укладываются в рамки трех основных направлений – примордиалистского (теория «крови», объективных основ этничности), инструменталистского (ситуационного, для получения политических результатов) и конструктивистского (нациестроительство-продукт планомерной, целенаправленной деятельности политической и интеллектуальной элит, производимый с помощью использования системы образования и средств массовой информации.) В последнем случае, этнос и нация – это вера, покоящаяся на созданном и внедренном в общественное сознание конструкте, включающем представления об общих происхождении, историческом прошлом, культурных ценностях. Из западных конструктивистов следует назвать имена Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, из российских – В.А.Тишкова. Несмотря на признание этнонации как социального конструкта, вышеупомянутые исследователи считают, что они существуют в реальности и могут являться мобилизующим фактором для достижения определенных целей. Конструктивизм, по мнению некоторых исследователей, является определенной реакцией на идеологию крайнего национализма как наиболее последовательного примордиализма, приведшего мир ко Второй мировой войне.

В настоящее время для сообществ, делающих ставку на этническую консолидацию, актуален примордиалистский подход. В качестве примера можно привести некоторые государства Прибалтики, образовавшиеся на постсоветском пространстве, которые вместе с советской властью отринули и идею «дружбы народов» внутри себя. Их национальная идея является, по сути, этнической, групповой, поскольку остальные этносы объявляются национальными меньшинствами и зачастую вступают с господствующим этносом в политическую борьбу, чувствуя реальное

ущемление своих гражданских прав, которые приносятся в жертву этническим. Ситуация особенно обостряется, когда господствующий этнос не составляет абсолютного большинства.

Для создающих нацию общегражданского единства развитых государств характерен конструктивистский подход. Задачи гражданской консолидации, требующие установления примата гражданских прав над всеми остальными присущи в настоящее время развитым обществам. Многие из успешных в современном мире государств являют собой примеры сложных полиэтнических сообществ, складывание которых было обусловлено исторически, политически, экономически. В этих условиях государство непосредственно, ради своей безопасности заинтересовано в конструировании не только общегражданской политической нации, но и отношений между сообществами, считающими себя этносами, внутри этой нации. Поскольку проблемы дестабилизации развитых государств «снаружи» для них сейчас мало актуальны, благодаря объективно мощным объединяющим факторам (НАТО, Евросоюз), на передний план выходят опасения такой дестабилизации «изнутри». Причины кроются в трудностях формирования наднациональной идентификации граждан. Попытки разрешения межэтнических, межрасовых и межконфессиональных противоречий не дают должного и желаемого результата, что, в свою очередь, заставляет политиков либо замалчивать неприглядные факты действительности, либо приукрашивать их. Наглядными примерами этого неблагополучия являются и реакция на факты применения оружия американскими полицейскими против чернокожих правонарушителей в США, и периодические скандалы с мусульманской одеждой для женщин во Франции, и появление «шариатских патрулей» в немецких городах.

В рамках и примордиалистского, и конструктивистского подхода к политике нациестроительства и

* Дерябина Светлана Римовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории и методики преподавания истории Оренбургского государственного педагогического университета.

регулирования межэтнических отношений может быть применена попытка ассимиляции на почве аккультурации как парадигма для решения сложных вопросов межэтнического взаимодействия. Сужение поля для противоречий и непонимания таким путем представляется наиболее простым и ясным, но, одновременно, и самым конфликтным. Наиболее свежим примером в этом плане является современная ситуация на Украине. Попытки насильственного изменения идентичности прогнозируемо наталкиваются на сопротивление, вызывают сепаратистские настроения, которые в худшем случае переходят в вооруженную борьбу. Даже в случае, когда государственная политика аккультурации и гражданской ассимиляции проводится в соответствии с гражданскими правами, не гарантирован успех. Примером такого развития событий служит ситуация во Франции. Пытаясь создать из этнически и конфессионально различных групп французскую нацию, государство получило в ответ лозунг «Пропади ты пропадом, прекрасная Франция!», написанный сразу на арабском и французском языках во время известных событий в предместьях Парижа осенью 2005г. (1)

Ограниченность и исчерпаемость, а в некоторых случаях – не-невозможность ассимиляции, вызвали к жизни политику мультикультурализма, которая первоначально предназначалась для решения проблем иммигрантских сообществ в таких государствах как Канада, США, Австралия. Данный подход наиболее соответствует конструктивизму и исходит из признания этнических и культурных различий внутри создаваемой гражданской нации. Признание этих различий находит отражение в правовой, общественной, повседневной жизни. (2) При этом мультикультурализм порождает свои собственные противоречия между необходимостью выстраивания общегражданской идеологии и консервируемой или провоцируемой им же этнической фрагментацией общества. Эти противоречия вызывают критику мультикультурализма как со стороны консерваторов, так и со стороны либералов. Первые считают признание и абсолютизацию прав меньшинств губительным для построения нации. Вторые обращают внимание на то, что мультикультурализм провоцирует замкнутость и добровольную геттоизацию этнических групп, способствует навязыванию определенной этнокультурной идентичности и ограничению свободы выбора.

Различия внутри мультикультурного подхода к выстраиванию межэтнических отношений и разные исторические условия осуществления этой парадигмы привели и к различиям в использовании инструментария мультикультурализма в Канаде, США, Австралии. Канадский мультикультурализм, ставший реальной политикой государства еще в 70-е годы 20в., был вызван необходимостью гармонизации

отношений между франкофонами и англофонами. Применение его к так называемым «видимым меньшинствам» натолкнулось на определенные трудности. Понадобились отдельные законы, запрещающие некоторые проявления особой идентичности. В Квебеке, например, мусульманкам запрещено появляться с закрытым лицом в государственных учреждениях, школах, университетах, библиотеках. Принцип «лицо открыто» провозгласил премьер Квебека. Поводом к принятию решения послужила жалоба иммигрантки из Египта, которую на курсах французского языка просили открыть лицо и не сидеть боком к преподавателям. Она же настаивала, что ислам предписывает не сидеть к мужчинам лицом, даже если оно закрыто. (3)

Американский мультикультурализм явился альтернативой невозможности осуществить первоначальный идеал американской нации – WASP (белые, англо-саксы, протестанты). Главными задачами этой политики для США стали 1) приобщение иммигрантов к ценностям американского общества 2) преодоление исторических противоречий между белыми и чернокожими американцами. Последствия проведения этой политики для современных США неоднозначны. Существенный рост испаноязычной миграции и естественного прироста этой группы населения в скором будущем сделает его преобладающим в таких штатах как Калифорния и Нью Мексико, Техас где уже сейчас вывески и обозначения присутствуют на 2-х языках – английском и испанском. Далек от идеала и межрасовые отношения. Значительного сближения черной и белой рас так и не произошло. Как указывает исследователь из Гарвардского университета профессор Р.Фрейер, даже сегодня США остаются крайне сегрегированным во многих отношениях обществом. Фрейер утверждает, что 90% американцев молятся в основном с представителями своей же расы или национальности. В типичном американском городе для обеспечения равномерного проживания белых и черных жителей 64% черных жителей должно быть переселено в другие районы. Даже в общеобразовательных школах отношения между американскими подростками довольно сегрегированы: на среднестатистического американского школьника приходится 0.7 друзей другой расы. Самым очевидным показателем сегрегированности американского общества являются межрасовые браки. Сегодня межрасовые браки в США – крайняя редкость. Лишь 1% белых, 5% черных и 14% азиатов решаются на брак с представителем другой расы. (4) Такие скромные результаты достигнуты, несмотря на политику «позитивной дискриминации» по отношению к чернокожим американцам, дающую им значительные преференции при поступлении на госслужбу, в учебные заведения и т.д.

Для европейских государств политика мультикультурализма является заимствованной. С помощью нее они пытались решить новые для них проблемы, которые встали перед этнонациональными государствами ввиду сильнейшего потока «колонизации наоборот», когда, привлеченные лучшими условиями жизни в бывших метрополиях, туда прибывали огромные массы населения из культурно, этнически и конфессионально неблизких государств. Применение мультикультурных практик в Западной Европе не облегчило, а усложнило конструирование нации в условиях новой этнополитической реальности. Государства Западной Европы должны были балансировать «между полюсами «исключения» и «включения» иммигрантов в культурный контекст», (5) что является формой «сдержанной интеграции», которая подразумевает сохранение культуры национального большинства и принятие новых групп меньшинств, выступающих в рамках общей гражданской идентичности. В том, что этот баланс не удался практически одновременно признались первые лица Франции, Германии и Великобритании в 2010 г. который вошел в историю как год признания провала политики мультикультурализма. (6) Еще в начале 2000-х гг. кризис политики мультикультурализма вылился в «электоральный бунт» - в Австрии, Бельгии, Дании, Франции и Нидерландах большое количество избирателей голосовало за крайне правых, выражая свой протест. В Голландии убийство лидера правых П.Фонтейна и режиссера Тео Ван Гога привело к тому, что ведущие партии фактически заимствовали часть программы Фонтейна, направленную на ужесточения миграционной политики. Голландцы особенно возмущались тем, что на их деньги финансировались мечети, а убийца Ван Гога жил на пособие по безработице.

Неудачи политики мультикультурализма привели к построению внутри западноевропейского социума новых барьеров. Этническим группам мигрантов такая позиция выгодна, так как позволяет получать преференции со стороны государства. Коренное население также не выражает особого желания интегрировать группы людей, которые далеки от них в культурном, фенотипическом и конфессиональном отношении. К тому же, основное население недовольно нарушениями принципов свободы социальной конкуренции, поскольку достаточно высокий в условиях Западной Европы гарантированный государством социальный минимум порождает иждивенчество со стороны вновь прибывших. Так как в современных условиях ассимиляция, как и полноценная интеграция, представляется невозможной, происходит добровольная сегрегация этнических анклавов в городах, иногда занимающих целые районы, из которых вытесняется прежнее население, не желающее

мириться с культурными традициями их среды. Возникает ситуация «дискриминация большинства», ломающая либеральные ценности. Протестное движение охватывает это большинство, которое накапливает недовольство для будущих межэтнических столкновений, о чем свидетельствуют недавние беспорядки в Кельне, где марш политических радикалов против исламского экстремизма закончился столкновением с полицией. (7) Таким образом, создается ситуация, когда либеральные ценности тотально проигрывают в Европе на фронте борьбы с религиозным и культурным традиционализмом, одновременно они же теряют авторитет и среди коренных европейцев, способствуя их «поправению». Об этом свидетельствуют успехи партии Национальный фронт и Марин Ле Пен на парламентских выборах во Франции и в Европарламент. В этих условиях следует признать утратившей актуальность модель мультикультурного конструирования гражданской политической нации в развитых государствах Европы. Но, поскольку новая парадигма нациестроительства еще не надена, мы наблюдаем инерцию мультикультурных действий, иногда доходящих до абсурда. По сообщениям информагентств, в Великобритании 21 ноября сего года поступили в продажу мультиконфессиональные рождественские свитеры. На них изображена символика христианства, иудаизма, ислама, буддизма, конфуцианства, атеизма и других религиозных и мировоззренческих течений. Цель акции – устроить рождественский праздник для всех, вне зависимости от цвета кожи, убеждений и культуры». (8)

В рамках конструктивизма может быть рассмотрена также и современная этнонациональная политика России. В данном случае достигаемой конструкцией может считаться многонациональное (многоэтническое) государство, в котором граждане обладают двойной идентичностью: общероссийской, наднациональной (конструкция – россиянин) и собственно этнической (русский, чуваш, татарин, якут). Такая конструкция предполагает постоянное совершенствование путей достижения межэтнического согласия. Она может опираться на опыт СССР, имевшем значительные успехи в достижении общегражданской надэтнической консолидации, а также на анализ ошибок, совершенных западноевропейскими странами на пути интеграции мигрантов в принимающее сообщество, поскольку для России в настоящее время эта тема тоже весьма актуальна. Особое значение для избегания ошибок мультикультурной практики имеет поворот от признания исключительности групповой этнокультурной идентичности к признанию широких интегрирующих возможностей индивидуального культурного выбора. Именно множественность таких выборов и будет расширять общее интеграционное поле, размывать границы и взаимо-

дополнять этнические культуры, бороться с ксенофобией и конфликтами. На этом пути перед Россией стоят сложные задачи. По данным Минрегиона, на 9 июня 2013 года лишь 45 процентов граждан России готовы признать себя россиянами. (9) Успехов на этом пути можно добиться исключительно мето-

дами укрепления государства, его институтов, разработкой законодательства, касающегося прав этнических групп в области культуры и образования. При этом приоритетом защиты со стороны демократического государства должны быть гражданские, а не этнические права.

Примечания:

1. М.Лаумулин: Закат мультикультурализма. Наступает эра европейского ислама. [Электронный ресурс.] Режим доступа:<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1142718240>

2. Тишков В.А. Теория и практика мультикультурализма. / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. – М., 2002. – С. 335.

3. KP.RU [Электронный ресурс] Азаева Э. Как Квебек уважать себя заставил. Режим доступа: <http://kr.ru/daily/25642/806902/?geo=1>

4. Amerika.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: www.america.ru, 20 июля 2007 года.

5. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 8.

6. Lenta.ru [Электронный ресурс] Саркози признал провал мультикультурализма. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/02/11/fail/>

7. Vesti.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2078958>

8. Lenta.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lenta.ru/news/2014/11/21/multicultural_christmas/

9. Свободная пресса. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/article/70196/>

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

Бугай Н. Ф.

КУРДСКИЙ МИР РОССИИ:
политико-правовая практика,
интеграция,
этнокультурное возрождение

(1917 — 2010-е годы)

Бугай Н.Ф. Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917 - 2010-е годы).

СПб.: Алетейя, 2012. - 480 с.

В книге на большом фактическом материале, опубликованных и архивных источниках, выявленных новых документах, воспоминаниях участников процесса преобразований в курдском сообществе автором прослеживается судьба курдского меньшинства в Советском Союзе, России. Особое внимание уделено тем изменениям, которые происходили в курдском национальном меньшинстве, проживавшем в бывших союзных республиках, в Российской Федерации.

На богатом современном материале раскрываются роль и место курдского национального меньшинства в структуре межнациональных отношений в российском государстве.

*Амелин В. В., Денисов Д. Н.,
Моргунов К. А.**

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И МИРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

1. О проблемах формирования гражданского общества

Гражданское общество состоит из различного вида объединений граждан государства, которые преследуют свои частные цели и интересы и в этом смысле оно, регламентируя частную сферу жизнедеятельности общества, дополняет публично-властную институцию, которая выражается в государстве. Современная демократия немыслима без существования развитых структур и институтов гражданского общества, которые действуют на основе саморегуляции и которые способны гибко реагировать на все изменения в социально-экономической сфере жизнедеятельности общества. В этом смысле современное гражданское общество представляет собой определенную социальную систему, детерминирующую государство, предопределяющую его функции, параметры и пределы вмешательства государства в сферу частной жизнедеятельности общества. Это обуславливает тип государственной политики, будь то либерализм, авторитарный или демократический этатизм. Таким образом, творческая активность субъектов гражданского общества во многом формирует и саму модель демократии, предопределяет основные направления развития государственности.

В процессе формирования и развития институтов гражданского общества в современной России существует немало проблем. Прежде всего, следует отметить, что в своем классическом варианте граж-

данское общество должно складываться помимо воли государства, регулируя ту сферу общественных отношений, которая оказывается свободной от государственно-властного вмешательства. Это, прежде всего, экономика, социальная сфера и культура. В советское время эти сферы жизнедеятельности общества жестко регламентировались государством. В результате сложился социально пассивный субъект общественных отношений, аморфный по самой своей природе, который не способен активно реагировать на социальные изменения, направлять их, защищать права и интересы своих членов. Граждане, в большей своей массе, привыкли к социальному патернализму со стороны государства и не смогли найти свое место в ходе проведения рыночных реформ.

Таким образом, перед нами стоит непростая задача. С одной стороны, социально аморфное общество не может в полной мере выполнять свои гражданские функции и полностью зависит от власти. С другой стороны, органы государственной власти, прекрасно понимая важность и необходимость функционирования гражданского общества для развития демократии, предпринимают попытку искусственного формирования его институтов, которые априори не способны в полной мере выполнять свои функции, будучи созданы не «снизу», не путем объединения граждан с целью защиты своих интересов, а путем инициирования и администрирования «сверху».

* Амелин Веналий Владимирович – директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, профессор, доктор исторических наук.

Денисов Денис Николаевич – старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук.

Моргунов Константин Алексеевич – старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук.

Именно последним путем государство ныне стремится укоренить институциональные механизмы ограничения государственного вмешательства в жизнь общества и создать дополнительные гарантии приоритета прав личности и индивидуальной свободы, как это продекларировано в Конституции РФ.

Встречное движение «снизу» навстречу этим инициативам, выражающееся в активизации конструктивной деятельности всех субъектов гражданского общества – необходимое условие постепенного возвращения обществу качества целостности, построения на новых началах прочных системообразующих связей и отношений между обществом и государством. Развитое гражданское общество позволяет преодолеть разобщенность власти и народа. Устойчивость государственной власти, как показывает опыт зарубежных стран, является залогом стабильного развития общества и напротив, как это нам известно уже

по собственному горькому опыту, разобщенность власти и общества приводит к тупику в развитии всей системы общественных отношений и как следствие к политическому. В лице гражданского общества власть сможет иметь прочную социальную опору, а субъекты гражданского общества, вступая в непосредственный диалог с государством в лице его органов, получают возможность реально участвовать в решении наиболее важных вопросов общественной жизни.

Обозначив ключевую роль субъектов гражданского общества в процессе его формирования и развития, хотелось бы обратиться непосредственно к такому важному, учитывая многонациональность и поликонфессиональность России, элементу системы гражданского общества, как национальные и религиозные общественные объединения, а также поразмышлять об их функциях и роли в развитии российского общества и государства.

Таблица 1. Количество зарегистрированных этнокультурных объединений в Оренбургской области с указанием национальной принадлежности и видов

	Национальность	Этнокультурных объединений:			
		Зарегистрированы	Действуют без регистрации	Общее количество всех видов	Из них национально-культурных автономий
1.	Русских	1	5	6	Нет
2.	Татарских	7	6	13	6 (1 региональная, 5 местных)
3.	Казахских	4	9	13	1 (региональная)
4.	Украинских	2	13	15	Нет
5.	Башкирских	3	13	16	Нет
6.	Мордовских	4	2	6	2 (местных)
7.	Немецких	4	7	11	1 (местная)
8.	Чувашских	5	2	7	4 (1 региональная, 3 местные)
9.	Еврейских	3	1	4	2 (1 региональная, 1 местная)
10.	Армянских	5	1	6	Нет
11.	Белорусских	1	-	1	Нет
12.	Польских	2	2	4	Нет
13.	Чечено-ингушских	-	2	2	Нет
14.	Таджикских	4	1	5	3 (1 региональная, 2 местные)
15.	Узбекских	1	1	2	Нет
16.	Дагестанцев	2	-	2	Нет
17.	Корейских	-	2	2	Нет
18.	Киргизских	1	-	1	1 (местная)
19.	Азербайджанских	3	2	5	Нет
20.	Грузинских	1	-	1	Нет
21.	Вьетнамских	1	-	1	Нет
22.	Межнациональных	3	-	3	Нет
	Итого:	57	69	126	20, из них 5 региональных, 15 местных

2. О роли национальных организаций в сохранении этнической стабильности

Этнос непосредственно, как известно, в силу отсутствия институционального начала, не может выступать в качестве субъекта гражданского общества. Эту функцию берут на себя различные национальные общественные объединения, основной функцией которых заключается в удовлетворении этнокультурных запросов тех национальных групп населения, которые они представляют. Если вопросы федерализма, в силу своей публично-правовой природы относятся к сфере деятельности государства, то вопросы этнокультурного развития народов непосредственно относятся к компетенции национально-культурных общественных объединений. Государство должно лишь создавать определенные условия для свободной реализации человеком своих национально-культурных прав и свобод, создавать условия для развития родного языка, обучения на нем в школах всех детей, родители которых желают, чтобы в детях формировалась их определенная этническая самоидентичность, создавать условия для сохранения национальных культур.

Национальные общественные объединения, в должной мере выполняя свои функции, в конечном счете, способствуют формированию принципов этнической толерантности в обществе. Развитие интереса и любви к собственной национальной культуре, безусловно, является залогом уважительного отношения к самобытным культурам других этнических групп и напротив, невозможность удовлетворения этнокультурных запросов может привести к национальным обидам, нетерпимости и национализму. В многонациональном обществе, отдельные этнические группы которого и представляющие их объединения больны этнофобиями и позиционируют свою исключительность, развитие институтов гражданского общества крайне затруднительно. Диалог между государством и общественными институтами может строиться только на началах равноправия.

Оренбургская область с ее многонациональным составом населения, может служить примером активного и, что очень важно, продуктивного взаимодействия органов власти с такими субъектами гражданского общества как национальные общественные объединения.

В Оренбургской области действует 126 национальных центров. Свои национальные организации имеют представители 21 этнической группы населения. Официально зарегистрированы в органах юстиции 57 объединений. В соответствии с Законом «Об общественных объединениях» действуют без регистрации 69 объединений.

В 2013 г. были исключены из Единого государственного реестра юридических лиц 8 национальных органи-

заций, в том числе 6 общественных объединений сняты с регистрации по решению суда на основании ст. 29 Федерального закона от 19.05.1995г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (Оренбургская городская общественная организация таджикистанцев «Национально-культурный центр «Хамшахриен» («Земляки»); Межрегиональная общественная организация «Башкирский народный конгресс»; Оренбургская региональная общественная организация «Правовой центр дагестанцев»; Оренбургская областная общественная организация корейцев «Родем» («Дружба»); Оренбургская региональная общественная организация «Чечено-ингушский культурный центр «Даймохк»; Оренбургская региональная общественная организация таджиков и таджикистанцев «Содействие») и 2 национальных центра исключены на основании п. 2 ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (Оренбургская городская молодежная общественная организация «Сердца молодых поляков»; общественная организация «Центр башкирской культуры» Красногвардейского района Оренбургской области).

В начале 2014 г. на стадии снятия с регистрации в органах юстиции находились еще 3 национальных центра: Оренбургский областной общественный фонд Азербайджанской культуры «Развитие»; Оренбургская областная общественная организация вьетнамцев «Родина»; Ассоциация национальных молодежных общественных объединений Оренбургской области «Вместе».

Следует отметить, что все эти национальные центры в последние годы не проявляли никакой активности и фактически продолжали свое существование лишь номинально.

В первом квартале 2014 г. была зарегистрирована только одна национально-культурная организация – Оренбургская областная общественная организация «Ассоциация казахов Оренбуржья», которая действовала с 1999 г., но без регистрации. На рассмотрении в органах юстиции находится заявление о регистрации Оренбургской региональной общественной организации «Ватан», а также Оренбургского городского отделения Оренбургского областного общественного фонда армянской культуры «Терьян» и Общественной организации «Местная татарская национально-культурная автономия Соль-Илецкого района Оренбургской области».

Таким образом, в 2013 – начале 2014 гг. сохраняется тенденция к незначительному сокращению численности национально-культурных общественных объединений. Связано это в первую очередь с активизацией деятельности органов юстиции по проверке деятельности некоммерческих организаций. Но в ближайшее время можно ожидать новые заявления

о снятии с регистрации, так как, в связи с происходящими изменениями в способах финансирования этнокультурной деятельности национальных центров, большинство из них не в состоянии участвовать в торгах и процедурах по получению грантов, а прямые договоры, по которым ранее выделялись средства на проведение мероприятий, теперь использованы быть не могут. Национальные центры теряют последнюю мотивацию для сохранения своего юридического статуса, который связан к тому же с дополнительной нагрузкой по ежегодной отчетности и обслуживанием расчетного счета.

Для региональных органов власти данная тенденция не сулит ничего хорошего, так как одним из конкурсных критериев для выделения финансовых средств по ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» является именно рост численности национально-культурных общественных объединений. Но в условиях спада интереса к этнокультурной общественной деятельности, большинство национальных центров, созданных в 1990-е, начале 2000-х годов, становятся все более малочисленными и без серьезной государственной поддержки существуют лишь номинально.

Положительную динамику для Оренбургской области в 2014 г. здесь может обеспечить только активизация местных казахских национальных обществ, которые после регистрации областной Ассоциации казахов Оренбуржья, также приступили к процедуре своего юридического оформления. Этого же можно ждать и от местных курултаев башкир, так как в ноябре 2013 г. были внесены изменения в устав областного курултая и избрано новое руководство, которое взяло курс на наведение порядка в местных башкирских организациях.

В регионе налажено тесное взаимодействие и координация деятельности властных структур и национальных организаций. При губернаторе области более 20 лет действует совет по делам национальностей, на заседаниях которого обсуждаются вопросы межэтнических отношений и состояния этнополитической ситуации в области. Также при губернаторе создан совет по взаимодействию с религиозными объединениями. 14 марта 2014 года состоялось очередное заседание этого совета по вопросу «О совместной работе органов государственной власти области и религиозных организаций по профилактике распространения идеологии экстремизма и терроризма на территории Оренбургской области».

25 апреля 2014 года состоялось заседание Совета по делам национальностей при Губернаторе Оренбургской области по теме: «О миграционной ситуации и формировании системы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в Оренбургской области».

Следует отметить, что реформирование системы государственного регулирования межнациональных отношений негативно сказалось на сформированной и успешно функционирующей в Оренбургской области системе реализации региональной модели государственной национальной политики. Так, в результате административного реформирования, действовавший до 2006 года комитет по взаимодействию с национальными и религиозными организациями был преобразован в управление по связям с общественными, национальными и религиозными организациями министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области. В 2010 году эта структура была переведена в Аппарат губернатора области и сменила название на управление внутренней политики. При этом реформы сопровождались сокращением численности сотрудников, ответственных за осуществление государственной национальной политики и взаимодействие с религиозными организациями. С 2010 года в результате подобного администрирования прекратил свое существование областной межнациональный координационный при совет, действовавший с 1994 года при комитете, а позднее при управлении и министерстве. Данный общественный совет юридически не может существовать при Аппарате губернатора при наличии совета по делам национальностей. Одновременно был ликвидирован и областной научно-методический совет, действовавший при органах, осуществляющих национальную политику в регионе. Периодичность же проведения заседаний совета по делам национальностей при губернаторе с 2010 года была сокращена в два раза – с 4 до 2 заседаний в год.

Таким образом, уровень взаимодействия органов власти и национально-культурных общественных объединений в результате проведения реформирования был существенно понижен, что вызвало остро негативную реакцию у руководителей национальных центров.

Но, тем не менее, следует признать, что общение представителей властных структур происходит не только в рамках единственного сохранившегося совета, но и в ходе рабочих встреч, которые периодически проводятся по актуальным вопросам реализации национальной политики, а также в целях привлечения национальных центров к проведению общественно-значимых мероприятий.

В этих условиях все большую роль в общественной жизни Оренбуржья играет Ассамблея народов Оренбургской области, под эгидой которой проходят различные этнокультурные и общественные мероприятия. 14 марта 2014 г. в ходе проведения заседания совета областной Ассамблеи состоялось подписание трехстороннего соглашения между Правительством Оренбургской области, в лице вице-губер-

натора О. Д. Димова, Ассамблеей народов России, в лице председателя ее Совета С. К. Смирновой и Ассамблеей народов Оренбургской области, в лице ее президента В. В. Амелина. Предметом данного соглашения является осуществление сотрудничества, направленного на обеспечение межэтнического и межконфессионального согласия, продвижения общегражданских ценностей и налаживания межкультурного диалога.

Важным событием первой четверти 2014 г. с «украинским» оттенком стало избрание председателем Оренбургского регионального украинского культурно-просветительского общества им. Т.Г. Шевченко, председателя комитета по вопросам межнациональных и религиозных отношений Общественной палаты Оренбургской области Н. П. Науменко членом Общественной палаты Российской Федерации. Отметим, что данное решение было принято задолго до эскалации событий на Украине и является фактом признания заслуг Н. П. Науменко в общественной жизни региона.

В регионе имеется необходимая нормативно-правовая база, необходимая для реализации национальной политики. Постановлением Правительства Оренбургской области от 23.12.2013 № 1202-пп утверждена государственная программа «Реализация региональной политики в Оренбургской области», действие которой рассчитано до 2020 года. В программу вошла подпрограмма «Гармонизация межэтнических и межрелигиозных отношений в Оренбургской области». В соответствии с данной подпрограммой финансирование национальной политики из средств областного бюджета составит в 2014 г. 2 млн. рублей. Далее – 2,1 млн. рублей ежегодно. Принципы, задачи и механизмы реализации подпрограммы соответствуют основным приоритетным направлениям, сформулированным в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Несомненно, что комплекс мероприятий, аккумулированных в подпрограмме, позволит создать условия для утверждения принципов толерантности в Оренбуржье. Осуществление этой подпрограммы предполагает усиление интеграции многонационального населения региона на основе единства интересов, ценностей, исторических традиций, без противопоставления представителей одних этнических общностей другим, без превращения национальных движений в националистические, без проявлений этнического эгоизма, этноцентризма и шовинизма.

Также разработан и утвержден постановлением Правительства области от 25 июня 2014 года План мероприятий по реализации в Оренбургской области в 2014–2020 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

В муниципальных образованиях области также началась разработка местных планов по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации или по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений. К концу марта 2014 г. такие планы разработаны и утверждены в 13 муниципальных образованиях области (из 44): города Оренбург, Орск, Сорочинск, Акбулакский, Александровский, Бузулукский, Грачевский, Новоорский, Оренбургский, Сакмарский, Светлинский, Ташлинский, Тоцкий районы. Ведется работа по разработке и принятию аналогичных планов и в других муниципальных образованиях области.

Национально-культурные общественные объединения в своей деятельности призваны способствовать сохранению родного языка, народных традиций, сохранять и развивать национальную культуру. Несомненно, национальные организации играют важную конструктивную роль в сохранении стабильности в обществе, развитии межкультурного сотрудничества, укреплении межэтнических отношений, удовлетворении национально-культурных запросов жителей области.

В рамках своих основных полномочий национальные центры проводят большую работу по сохранению и развитию самобытных национальных культур народов Оренбуржья.

3. Эксперты о потенциале НКО

В рамках проекта «Гражданские инициативы и миротворческий потенциал институтов гражданского общества в предупреждении межэтнических конфликтов и обеспечении гражданского согласия в России» опрошенные эксперты высказывают различные точки зрения о миротворческом потенциале общественных организаций.

К примеру, Максимова О. Н.¹ позитивно оценивает роль этнических и религиозных организаций в этом вопросе: «Безусловно, миротворческий потенциал данных общественных институтов является высоким, поскольку как этнические диаспоры, так и религиозные объединения принимают непосредственное участие в процессе идентификации. Основными целями деятельности данных институтов гражданского общества является сохранение этнической или религиозной идентичности представителей той этнической или религиозной группы, интересы которой они представляют. Одной из мер, посредством которых данные структуры могли бы способствовать установлению межнационального мира в стране является транслирование не только этнических или религиозных ценностей, но и общечеловеческих (ценностей добра, справедливости, участия, отзывчивости и др.) и ценностей формирующих национальное единство (уважение к государству, его конституци-

онным принципам, государственной символике, выстроенной в государстве системе правопорядка, судебной системе и др.)».

По её же мнению, в качестве миротворцев можно привлечь и другие «институты гражданской самоорганизации, имеющие авторитет для участников конфликта. Это могут быть даже националистические организации, но для этого их идеи, основанные на этническом национализме, должны быть трансформированы в гражданский национализм. За ксенофобскими требованиями современных националистических организаций зачастую кроется вполне объективный запрос на утверждение в обществе социальной справедливости. Действия государства по утверждению социальной справедливости в обществе будут способствовать переформатированию этнического национализма в гражданский и формированию общегражданских ценностей – своего рода блокаторов межнациональной напряженности».

Особую роль общественных объединений этот эксперт видит в их включении в работу с мигрантскими сообществами: «Безусловно, институты гражданского общества могут быть вовлечены в данные стратегии в рамках содействия в интеграции и адаптации мигрантов. Вместе с тем эффективное участие общественных структур в работе с мигрантскими сообществами должно строиться на принципах невмешательства в частную сферу. Так, недавняя инициатива представителей федеральной миграционной службы, о создании дружин борцов с нелегальной миграцией может, вместо ожидаемого эффекта, напротив, спровоцировать массовые конфликты, способствовать повышению уровня ксенофобских настроений. Показательно, что помочь в организации «миграционных патрулей» одними из первых вызвались представители националистических организаций».

В качестве «миротворцев» эксперты предлагают привлечь следующие институты гражданского общества:

- общественные палаты;
- национально-культурные общества;
- общенациональные и национальные СМИ;
- женские и молодёжные организации;
- спортивные и культурные объединения.

По мнению эксперта Шешуковой Г. В.², эти организации должны получать финансовую поддержку от государства: «Для организации миротворческой деятельности институты гражданской самоорганизации должны получать финансирование для реализации конкретных миротворческих проектов. Однако при этом расходование этих средств должно быть открытым и прозрачным, причем финансировать деятельность миротворцев могут и спонсоры. Так, например, социально-значимые проекты по поддержке

детей и подростков должны пользоваться мерами налогового благоприятствования».

Данный эксперт считает, что ряд организаций НКО обладает достаточным авторитетом и влиянием для реализации миротворческих инициатив. Это:

- парламентские организации, участвующие в переговорных процессах;
 - женские организации, например комитеты солдатских матерей;
 - волонтеры, которые в последнее время успешно вывозили мирных жителей с Юго-Востока Украины.
- Шешукова Г. В. предлагает и меры по развитию толерантности и межкультурного диалога в российском обществе:

- нужна разработка общероссийской и региональных стратегий информационного освещения миротворческих инициатив институтов гражданского общества;
- нужна Программа поддержки развития дополнительного образования и повышения квалификации в вопросах межнациональных и межконфессиональных отношений;
- необходим мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений в РФ и регионах;
- нужно разработать Программу проведения публичных обсуждений миротворческих инициатив с определением приоритетных тем развития социально ориентированных некоммерческих организаций, добровольчества и благотворительной деятельности.

Эксперт Моргунов К. А.³ полагает, что миротворческие инициативы институтов гражданского общества могли бы выражаться в следующем:

- совместные заявления (публичные обращения) по поводу определенных событий в стране и мире;
- пропагандистская работа, направленная на разъяснение структуры этнической идентичности, предусматривающей как этнический, так и общегражданский уровни самосознания, их бесконфликтное сосуществование;
- усиление патриотической и воспитательной работы с молодёжью, использование для этого имеющихся баз («Национальная деревня» в Оренбурге), а также проводимых этнокультурных мероприятий; создание при национальных центрах молодёжных отделений; поддержка молодёжных инициатив, направленных на проведение межкультурных мероприятий;
- более широкое использование СМИ для пропагандирования общегражданской идентичности и опыта этнокультурного взаимодействия, как самого действенного средства воздействия на массовое сознание и пр.

Он же, рассуждая о вовлечении НКО в миротворческую деятельность, считает, что «всё зависит от степени авторитета руководителей данной орга-

низации. Авторитетный лидер может эффективно работать не только по профилактике, но и непосредственно по разрешению конфликтной ситуации.

Конфликтные ситуации чаще всего возникают между представителями народов Центральноазиатского и Кавказского регионов. У представителей этих диаспор в большей мере сохраняется уважительное отношение к руководителям общественных структур и вообще к «начальству». При этом большое значение имеет степень государственной поддержки лидеров диаспор, возможности их контактирования с высокопоставленными руководителями органов власти, возможность решать на самом высоком уровне имеющиеся противоречия, высказывания собственного мнения. Исходя из этого, необходимо искусственно повышать авторитет лидеров данных организаций (тем более что это совсем не сложно), поддерживать их перед лицом диаспоры, и такие лидеры смогут эффективно решать противоречия и даже сглаживать конфликты, в случае их возникновения.

К сожалению, далеко не все чиновники понимают эту несложную закономерность и не готовы пойти на контакт и диалог. Национальная политика с развитием реформы в данной сфере всё более бюрократизируется, и чиновники переориентируются на работу с бумагами, а не с людьми. Это провоцирует открытое недовольство со стороны лидеров диаспор. Не находя адекватного взаимодействия и уважительного отношения со стороны власти, руководители часто теряют интерес к общественной работе. Возможности мирного урегулирования конфликтных ситуаций с использованием лидеров диаспор в последние годы снижаются, и всё большую популярность получает силовое и административное решение возникающих противоречий. На это ориентированы силовые органы, прокуратура, управление ФСБ».

Далее эксперт высказывает мнение об отношениях государства и институтов гражданского общества в миротворческой деятельности: «Отношения должны быть партнерские. Нужно более чётко понимать, что подразумевается под миротворческой деятельностью. Если это урегулирование межнационального конфликта, то выделять финансовые средства национальному центру уже поздно. Средства должны выделяться для проведения профилактической работы, прежде всего, на проведение этнокультурных мероприятий, поддержку этнокультурных проектов в СМИ и системе образования. В настоящее время существующая система проведения торгов практически исключает возможность участия национальных центров в государственном финансировании. Появляется организация-посредник, и изначальная сумма, после выплаты всех налогов и гонораров уменьшается на 20–40 %. Национальные центры, как социальные организации, не занимаются бизнесом на про-

ведении мероприятий. Они не получают от этого дохода, а чаще всего вкладывают дополнительно свои собственные средства. Поэтому ставить их на один уровень с коммерческими организациями, как по уровню налогообложения, так и по возможности участия в торгах, просто неуместно. Организации, исполняющие социально-значимые проекты, должны быть в особых условиях и получать финансовые средства непосредственно от государства».

У других экспертов иное мнение по вышеназванным в проекте проблемам. К примеру, эксперт Лутцев М. В.⁴, говоря о проблемах, с которыми могут столкнуться представители гражданского общества при реализации миротворческих проектов и распространении идей толерантности в России, полагает, что «основная проблема – высокий уровень агрессивности в нашем обществе. Российское общество сегодня – государственно-ориентированное и ждёт решения проблем от государства, а не от каких-либо «самозванцев». Авторитет институтов гражданского общества в стране низок, о них вообще мало кому известно. Увеличение же финансирования проблемы не решит. Тем более, есть опасность нецелевого использования средств и их банального разворовывания со стороны как чиновников, так и «гражданских активистов»».

Кроме того, он считает, что «деятельность некоторых этнических диаспор и религиозных объединений сегодня не всегда конструктивна, зачастую наоборот. Миротворческий потенциал у них есть, но используется он далеко не всегда. Межнациональный мир в многонациональной стране может наступить лишь тогда, когда все без исключения не будут делить друг друга на «своих» и «чужих» по этноконфессиональному признаку».

На заседании фокус-группы, обсуждавшей вышеуказанные проблемы, участники говорили о возможных, потенциальных конфликтах в обществе: «Общение с молодёжью подтверждает это. Молодёжь активно взаимодействует в интернет-пространстве, многие входят в радикальные группы, созданные в социальных сетях. В частности, есть такая группа «Славяне». Для молодёжи привлекательна идея возрождения своего народа, но при этом отчётливо присутствует в этой патриотической идеологии негативное отношение к представителям других этнических общностей, даже агрессия. Такой конфликтный потенциал в молодёжной среде существует. В молодёжной среде вполне могут возникнуть уголовные конфликты» (Алимбаева Б. Б.). «Есть такая возможность. Причины тому могут быть самые различные, в том числе и международная обстановка, и даже недовольство беженцев из Украины, с которыми я недавно общалась в лагере «Янтарь». Некоторые хотят перебраться в другие регионы. Это недовольство, напри-

мер, может перерасти в межэтнический конфликт» (Попова Е. В.).

4. Заключение

Многообразная деятельность национально-культурных объединений области, не только способствует сохранению и развитию национальных культур и гармонизации межнациональных отношений в области, но и способствует формированию принципов этнической и религиозной толерантности.

Выработка норм толерантного поведения и навыков цивилизованного межкультурного взаимодействия является неперенным условием конструктивного взаимодействия социальных и этнических групп, имеющих различные ценностные, религиозные и политические ориентиры и культурные отличия.

В современном, быстро изменяющемся мире, национальные культуры вступают в плодотворное взаимодействие, происходит их активное взаимопроникновение и взаимообогащение. Несоблюдение принципов толерантности общения, неприятие языка, религии, традиций, обычаев и обрядов, являющихся привычной нормой существования для дру-

гих людей, может привести к возникновению на национальной и религиозной почве различного рода конфликтов. В крайних формах своего проявления эти явления находят выражение в экстремизме и терроризме, которые, в свою очередь, усиливают деструктивные процессы в обществе и ведут к его разобщению, нагнетанию социальной напряженности, препятствуют развитию демократических институтов и препятствуют сохранению единства гражданского общества.

Для такого многонационального и поликонфессионального региона, как Оренбургская область формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия, профилактика различных видов экстремизма и противодействие им имеют особую актуальность.

Активная деятельность всех субъектов гражданского общества, и прежде всего, национально-культурных и религиозных организаций, направленная на формирование установок толерантности у своих членов, должна стать залогом успешного развития российского общества и государства по пути демократии.

Примечания:

¹ Максимова Ольга Николаевна – старший научный сотрудник Оренбургского государственного аграрного университета, кандидат политических наук, докторант кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова

² Шешукова Галина Викторовна – профессор Оренбургского института МГЮА, доктор политических наук, руководитель Социологического центра «Общественное мнение».

³ Моргунов Константин Алексеевич – консуль-

тант по национальной политике Управления по внутренней политике Аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области, кандидат исторических наук, член Распределённого научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем в Приволжском федеральном округе, заместитель председателя Оренбургского регионального отделения Ассоциации этнологов и антропологов России.

⁴ Лутцев Михаил Вячеславович – доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета, кандидат философских наук.

**И.И. Бойко, А.П. Долгова,
В.Г. Харитонов***

СТУДЕНЧЕСКАЯ И УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШИИ: ОБРАЗЫ РОДИНЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ЧУВСТВА

Проблемы молодежи составляют одно из важнейших направлений внутренней политики большинства современных государств, в том числе и Российской Федерации, переживающей время глобальных трансформаций. В 2006 г. была принята Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 г., на высшем политическом уровне регулярно проходит обсуждение сюжетов, которые имеют непосредственное отношение к социализации молодежи, ее роли и месту в современном обществе. 3 июля 2014 г. на заседании Совета при Президенте РФ по международным отношениям речь шла о значении культуры и образования в укреплении единства и согласия, гражданском и патриотическом воспитании молодежи¹.

Молодежная проблематика занимает значительное место и в научных разработках ученых различных направлений, прежде всего социологов, этнологов, историков, демографов и т.д. В СССР, а затем и в современной России сохраняются исследовательские традиции в этом направлении, особенно в социологии молодежи. Большой вклад в организацию научных центров по исследованию молодежных проблем внесли Н.М. Блинов, Б.А. Грушин, В.Т. Лисовский, М.Х. Титма, В.Н. Шубкин, И.М. Ильинский, В.И. Чупров и др. Развитие получили и региональные исследования, в том числе в Башкирии, Мордовии, Татарстане, Якутии, Белгородской, Волгоградской, Самарской, Саратовской, Тульской областях². В Чувашии в постсоветский период вышли труды Д.М. Шабунина, Н.М. Ивановой, в которых разрабатывались различные аспекты развития молодого поколения республики, среди которых был анализ его этнических особенностей³. Отметим, что в современной России исследованию межэтнических и

межконфессиональных отношений, укреплению общегражданской идентичности, сохранению культурного многообразия придается большое значение. Об актуальности этих вопросов говорил 3 июля 2014 г. В.В. Путин. Он отметил важность понимания молодежью всей значимости национальной политики, национального и культурного многообразия. «В этом многообразии, безусловно, сила, преимущество нашей страны, которая веками впитывала разные традиции, культуры, разные этносы», – отметил президент страны. Он также сказал, что необходима «постоянная, системная работа, которая защитила бы страну, нашу молодежь от этих рисков, служила укреплению гражданской солидарности и международного согласия»⁴.

В Чувашской Республике мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений ведется сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) с начала 2000-х гг. По его материалам в государственные органы представляются научные отчеты, имеется ряд публикаций. В настоящей статье представлены материалы двух обследований студенческой и учащейся молодежи республики. Первое из них проведено в октябре 2013 г. Оно являлось частью общероссийской разработки по исследованию студенческой молодежи, выполненной по проекту Института этнологии и антропологии РАН и Распределенного научного центра международных и межрелигиозных проблем, созданного на базе данного академического института в Северо-Кавказском, Южном и Приволжском федеральных округах. В Чувашии было опрошено 300 чел. В марте 2014 г. сотрудники ЧГИГН опросили более 700 студентов вузов, а также учащихся учреждений среднего СПО) и начального (НПО) профес-

* Бойко Иван Иванович – главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор

Долгова Алевтина Петровна – ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат филологических наук

Харитонов Валентина Григорьевна – ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат исторических наук

сионального образования. Инструментарий по сравнению с 2013 г. в основном был сохранен, некоторые изменения мы будем отмечать в ходе изложения материала.

В статье основное внимание уделяется проблемам гражданской солидарности молодежи через восприятие Родины, понимание себя как граждан России. В начале обоих обследований респондентам предлагалось ответить на вопросы, проясняющие их общегражданские позиции, характеризующие отношение молодых людей к своему Отечеству. Первый из вопросов выяснял ассоциации, возникающие при упоминании понятия «Родина». Прежде чем рассматривать конкретные варианты ответов, следует отметить, что их формулировки в 2014 г. были расширены, поэтому сравнения данных двух обследований не всегда корректно, но в целом тенденции идентичны. В обоих случаях наиболее часто выбираемыми ответами были названия реально существующих пространственно государственного и административно-территориальных образований (см. табл.1). Судя по ответам, для большинства молодых людей понятия «Родина» и «государство» (страна Россия) практически являются синонимами. То есть можно утверждать, что на первом месте отмечена большая Родина, далее можно говорить о малой родине в различной конфигурации (республика, город, село, деревня). При выборе варианта «мой регион» в абсолютном большинстве случаев имеется в виду Чувашия, но несколько человек поступили в чебоксарские вузы, приехав из других областей и республик страны. Следующими по частоте выбора были варианты ответов, которые познаваемы чаще всего теоретически, и суть,

скрывающаяся за этими ответами, неосвязаема и отчасти вариативна. Речь идет об истории России и истории региона, а в опросе 2014 г. – дополнительно и о культуре России. В 2014 г. были добавлены также варианты «граждане России» и «военная мощь России». Было предложено выбрать не более трех вариантов ответа, то есть в 2013 г. максимальное их количество не могло превышать 903, а в 2014 г. – 2139, но реальный выбор составил 658 и 1803 ответов соответственно. Иначе говоря, на каждого студента приходится в среднем 2,2 и 2,5 ответа.

Имеется некоторое различие в ответах мужчин и женщин. Для тех и других вариант «страна Россия» является, безусловно, самым популярным, но разница между первыми и вторыми составила в 2013 г. 11 процентных пунктов (65,6 и 77,3%). В 2014 г. подобная дистанция не зафиксирована (70,4 и 69,3%). Наоборот, регион как символ России был в 2013 г. одинаково популярен – 57,6 и 58%, а в 2014 г. мужчины выбирали его реже, чем женщины – 39,4 и 47,1%. Заметна разница в ответах мужчин и женщин при выборе третьего по популярности ответа – «мой город»: его предпочли 44,7% женщин и 36,4% мужчин. Подобная дистанция отмечена и в 2014 г., хотя формулировка ответа была расширена и включала не только «мой» город, но и «мое» село: его выбрали 58,5% женщин, 42,4% мужчин. Иначе говоря, в 2013 г. женщины чаще выбирали реальные пространственные образования, в то время как среди мужчин было больше тех, кто ассоциацию с понятием «Родина» искал в исторических событиях и фактах как России в целом (33,1 и 27,3%), так и своего региона (9,9 и 4,7%). В 2014 г. среди студентов и учащихся были одинаковые доли юношей и девушек, видевших ассоциации с понятием «Родина» в истории и культуре. В то же время в составе молодых людей больше доля тех, кто называл в качестве подобной ассоциации военную мощь страны (13,7 и 8,2%).

Этническая принадлежность студентов также оказывает определенное воздействие на характер распределения ответа на данный вопрос. Предварительно отметим, что мы будем рассматривать ответы только двух этнических групп – чувашей и русских, доля которых составляет среди всех респондентов абсолютное большинство. В составе остальной части опрошенных студентов по национальности сконцентрированы весьма разнообразные группы, и, на наш взгляд, не совсем правильно объединить ответы татар, украинцев, армян, марийцев, даргинцев, а также заявивших о сложной этнической идентичности в одну категорию. Итак, в 2013 г. страну Россия в качестве важнейшей ассоциации с понятием «Родина» называют 75,8% русских и 70,7% чувашей. В 2014 г. это соотношение равнялось 77,5 и 67,2%, то есть дистанция составила 5 и 10 процентных пунктов соот-

Таблица 1
Ассоциации студентов с понятием «Родина»
(%, можно было выбрать до трех вариантов
ответа)

		2013	2014
1	Со страной Россия	71,4	70,0
2	С моим регионом (краем, республикой)	57,6	43,6
3	С гражданами России	–	10,5
4	С моим городом	40,5	–
5	С моим городом, селом	–	51,1
6	С местом на карте	4,0	3,9
7	С историей России	30,2	28,1
8	С культурой России	–	23,2
9	С военной мощью России	–	10,8
10	С историей моего региона	7,3	8,7
11	Другое	6,6	3,1
12	Не возникает никаких ассоциаций	0,3	0,4
13	Затрудняюсь ответить	0,3	–

ответственно. Гораздо заметнее разница между этническими группами во второй по частоте выбора ассоциации. Оказалось, что для русских регион (в абсолютном большинстве имеется в виду Чувашия) ассоциируется с понятием «Родина» в 42,5% случаев в то время как у чувашей – у 62,2%. В 2014 г. зафиксирована еще более значительная дистанция: 25,2 и 51,0% соответственно. Но выбор варианта, что столица Чувашии – город Чебоксары – и есть ассоциация с понятием «Родина», немного, но предпочтительнее для студентов-русских (44,8%, у чувашей – 38,3%). Для опроса 2014 г. подобное сравнение не является корректным, поскольку в нем участвовали студенты и учащиеся, обучающиеся не только в столице республики, но и в других городах. В данном случае имеется небольшой перевес у студентов-чувашей, видящих ассоциацию с «Родиной» в «моем городе, селе» – 52,8 (50,3% у русских). Вариант «история России» практически в одинаковой степени значим для тех и других: 31,3% чувашей и 29,8% русских. «История моего региона» как символ, безусловно, проигрывает другим вариантам ответа, но в данном случае требуется опять обратиться к различиям, имевшим при сравнении ответов чувашей и русских. Доля чувашей на 4,5 процентных пункта больше, чем русских (9,0 и 4,5% соответственно). В исследовании 2014 г. о символе «история России» заявили 32,5% русских и 24,6% чувашей. Культура России как содержание понятия «Родина» выступает для 25,2% русских и 21,5% чувашей. Наконец, такую ассоциацию, как «граждане России» назвали 13,2% русских и 8,7% чувашей. Полученные в результате данных обследований цифры не могут быть свидетельством большего или меньшего уровня патриотизма, «российскости» у чувашей или русских. Здесь следует учитывать и другие аргументы, которые более подробно изложены в разделе о гражданских и этнических идентичностях.

Учет вероисповедания также будет произведен не в полном объеме, поскольку с точки зрения численности такие группы студентов весьма разнородны. С определенным допуском, кроме православных, рассмотрим ответы тех респондентов, кто заявил, что верит в существование Бога, но не является последователем определенной конфессии. Среди ассоциаций у православных вариант «страна Россия» выбирался в 74,1% случаев, у вторых – в 68,1%; «мой регион» – 58,1 и 50,0%; «мой город» – 42,6 и 31,8% соответственно. В то же время те, кто верил в Бога, но не связывал себя с определенной религией, чаще называли такую ассоциацию, как «история России» (45,4% против 28,8% у православных) и «история моего региона» (22,7 и 6,4% соответственно). С этой точки зрения ответы православных в определенной степени коррелируют с вариантами женщин, по-

скольку среди женщин себя причислили к православному 83,3% студентов, среди мужчин – 72,5%). Наоборот, в составе мужчин тех, кто верит в Бога, но не связывает себя с конкретной конфессией, оказалось 9,4%, а среди женщин – 5,3%. В то же время отметим, что эта корреляция имеется, но она не очень значительная. Дистанции в частоте выбора вариантов ответов у православных и другой группой студентов, значительнее, чем у мужчин и женщин.

Ответы на вопрос о символах еще раз свидетельствуют о сближении понятий «Родина» и «государство». В октябре 2013 г. на этот вопрос ответили 87,7%, а остальные 12,3% не имели мнения о символах. Респондентам предлагалось дать три произвольных ответа. Первые два места практически с одинаковым результатом заняли официальные государственные символы: герб (45,8%) и флаг (43,9%). За гимн России отдали голоса 29,9%, но его ненамного опередил такой показательный интегральный образ, как родной край, родные город или деревня, дом (31,1%). Более чем для пятой части студентов таким символом являются самые близкие родственники (родители, семья – 21,2%). Большое место отведено окружающей среде – российским лесам, лугам, полям, в целом природе (19,3%). Особое место в ряду символов занимает береза. Ей отдали предпочтение 12,1%. Чебоксары расположены на Волге, поэтому неудивительно, что великая река также упоминается в качестве символа – 5,3%. Московский Кремль и медведь набрали по 4,5%; зима, история края, страны, а также народ, нация – по 3,0%; матрешка и русский язык – по 2,7%; земля, а также культура, Чувашия, Чебоксары и этнос, традиции – по 2,3%; территория – 1,9%, дороги – 1,5%; церковь и монумент Матери в Чебоксарах – по 1,1%; баня – 0,8%. Были и два персонифицированных ответа: Петр I – 1,5% и В.В. Путин – 1,1%. Таким образом, кроме официальных государственных символов, символами России является в первую очередь природа страны в ее разных проявлениях.

В 2014 г. 22,3% опрошенных затруднились с ответом, а 1,7% не дали никакого ответа. Практически каждый из ответивших (88,7%) назвал какой-либо из официальных символов государства – флаг, герб или гимн. Почти для двух третей респондентов (63,8%) символами Родины были родные и близкие, чаще всего при этом называли маму, а также родные места, дом, где вырос. Большое место уделено окружающей среде – российским рекам, лесам, лугам, полям, в целом природе (58,9%). Особое место в этом перечне занимают береза, Волга. Среди животных довольно часто названы медведь, волк, заяц и др. Для каждого седьмого студента или учащегося (14,3%) символом Родины являлись Россия в целом,

Чувашия, Чебоксары. С такой же частотой (14,1%) назывались обобщенные исторические события и культура как России, так и Чувашии. Каждый десятый (10,2%) в качестве символов называл армию, военную мощь страны. Чуть с меньшей долей активности (9,8%) перечислялись конкретные исторические личности, среди которых чаще всего отмечали В.В. Путина, Ю.А. Гагарина, А.С. Пушкина, М.В. Ломоносова, И.Я. Яковлева (создатель чувашской письменности, просветитель), Петра I, А.Г. Николаева (космонавт-3, уроженец Чувашии) обобщенно героев Великой Отечественной войны, В.И. Чапаева, М. Сеспеля (чувашский поэт), К.В. Иванова (чувашский поэт) и др. Олицетворением Родины для части опрошенных (2,4%) были Красная площадь, Кремль, Собор Василия Блаженного. Из явлений природы отмечали зиму, мороз (1,4%). Среди других символов (8,5%) нередко упоминались различные популярные предметы, в том числе балалайка, валенки, матрешка и др. Для ряда молодых людей важное место занимали чувашский язык, чувашские песни, чувашский костюм и др. Не остались в стороне и негативные явления, которые в качестве символов назывались некоторыми респондентами. Речь идет о коррупции, воровстве, бедности. В 2014 г. ответы мужчин и женщин на вопрос о символах практически совпали, можно отметить некоторое преобладание символов, олицетворяющих природу, у «слабого» пола (48,5% против 40,1% у мужчин). Дистанция в 5 процентных пунктов зафиксирована и при выборе армии, военной мощи страны с объяснимым преимуществом у молодых людей. Предпочтения с учетом этнической принадлежности респондентов отмечены при выборе официальных символов: среди чувашей им отдали предпочтение 73,6%, среди русских 58,9% и в группе «другие национальности» – 48,2%. В качестве символов к образам природы в 51,7% случаев обращались русские, с заметным отрывом отставали чувашаи (39,2%) и представители других национальностей (32,1%). Две схожие по предпочтениям группы можно выделить и при определении символов, связанных с родным домом, родными и близкими. Их отмечали практически каждый второй из этнических чувашей (45,1%) и представителей других национальностей (43,9%). В то же время среди русских таковых примерно одна треть (32,2%). Наконец, выделим некоторые особенности в выборе символов у студентов и учащихся различных типов учебных заведений. Во-первых, отметим, что молодежь из учреждений СПО несколько чаще называли в качестве таковых официальные символы (флаг, герб, гимн – 71,1%) по сравнению со студентами вузов (64,4%) и учащимися в НПО (63,7%). В то же время они достаточно заметно отставали по частоте выбора элементов географии, флоры и фауны (32,1%), по

сравнению со студентами вузов (54,9%), учащимися НПО (46,1%). Следует также отметить, что студенты вузов немного чаще обращали внимание на символы, связанные с историей и культурой России, Чувашии (14,1%, в СПО – 7,3%, в НПО – 8,8%). Кроме того, среди учащихся систем НПО и СПО сравнительно с вузовской молодежью примерно на 10 процентных пунктов больше доля тех, кто не смог дать определенный ответ на вопрос о символах (18, 25 и 28%).

Одна из важнейших проблем, стоящих перед государством и обществом – укрепление и развитие общегражданской идентичности. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, подписанной В.В. Путиным 19 декабря 2012 г., задача «упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)» значится приоритетной.

Ответы студентов, полученные в 2013 г., свидетельствуют о достаточно высоком уровне такой самоидентификации, хотя отнесение себя к категории «граждане России» заметно отстает от варианта «члены семьи» (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «О какой из перечисленных групп можно сказать «это – мы?»» (% , можно было выбрать до трех вариантов ответа, 2013 г.)

№ № п/п	Варианты «мы-идентичностей»	Всего
1	Члены семьи	78,6
2	Граждане России	59,6
3	Люди того же материального достатка	4,6
4	Люди той же национальности, что и моя национальность	30,3
5	Жители моего города, села	37,0
6	Люди моей веры, вероисповедания	16,6
7	Граждане моей исторической родины (если страна, откуда Ваши предки – не Россия)	11,0
8	Люди схожих политических взглядов	8,0
9	Люди, придерживающиеся тех же обычаев и традиций	15,6
10	Товарищи по работе, учебе	51,3
11	Люди моего поколения	27,6
12	Люди той же профессии, рода занятий	24,3
13	Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь	27,3
14	Друзья	73,6
15	Представители русской культуры	16,3
16	Другое	0,6

Если рассматривать ответы на данный вопрос с учетом этнической принадлежности студентов (русские и чуваши), то следует отметить большую приверженность чувашей в определении «мы-идентичностей» к такой группе населения, как «жители моего города, села» (43,0%), в то время как для русских их значимость заметно ниже (25,2%). Обратным выглядит соотношение ответов при выборе такой категории, как «представители русской культуры» (русские – 26,4%, чувашаи – 13,8%). Другие отличия не выглядят значительными.

Сравнивая ответы тех студентов, которые считают себя православными и тех, кто верит в существование Бога, но не является приверженцем определенной религии, следует обратить внимание на их общее внимание к членам семьи (78,4 и 77,2%). По ряду других вопросов имеются заметные расхождения: «граждане России» (63,3 и 50,0% соответственно), «люди моей национальности» (33,1 и 13,6%), «жители моего города, села» (40,0 и 18,1%), а также «люди моей веры, вероисповедания» (17,6 и 4,5%). С этой точки зрения «православные» представляются в большей степени традиционалистами.

Для 2014 г. формат вопроса был изменен, и ответы на него представлены в табл. 3. Отметим, что для

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что лично для Вас является наиболее важным из нижеперечисленных социальных позиций?» (% , можно было выбрать до трех вариантов ответа, 2014 г.)

Варианты «я-идентичностей»	Всего
Представитель своего поколения	42,0
Представитель своей национальности	30,3
Представитель учащейся молодежи	16,7
Гражданин России	75,3
Житель Чувашии	42,4
Представитель своей религии	9,7
Представитель определенной идеологии (коммунист, консерватор, либерал-демократ и др.)	2,0
Представитель молодежных объединений (профсоюзных, экологических, военно-патриотических, спортивных, музыкальных и др.)	8,0
Представитель неформальных молодежных субкультур (байкеры, фанаты, скинхеды, рэперы, ролевики, эмо, металлисты и др.)	2,4
Представители своего социального слоя (бедный, богатый, средний класс)	4,6
Мужчина/женщина	26,8
Европеец	2,0
Иное	1,4

абсолютного большинства респондентов самоидентификация в форме «граждане России», судя по ответам, является естественной – для трех четвертей опрошенных (75,3%) такой выбор был наиболее предпочтительным. При этом важно отметить, что более частый общегражданский выбор не означает ущемления этнической и территориальной (региональной) идентичностей, несмотря на заметную разницу, достигающую 45 процентных пунктов. Рассуждая о взаимосвязи трех вышеназванных видов идентичности важно иметь в виду, что гражданство – это формально-юридический статус, несущий определенные права и обязанности. Национальность и место проживания не содержат в себе такой нагрузки, поэтому подобные сравнения в определенной степени некорректны. В то же время следует признать важным методологическое положение, выдвинутое В.А. Тишковым, о том, что региональная и этническая идентичности обычно составляют компоненты более широкого самопознания по принадлежности к нации и государству. При этом все формы современной идентичности пребывают в постоянном соперничестве за собственную приоритетность, но чаще всего имеют множественный и не взаимоисключающий характер⁵.

Для молодых людей важно было подчеркнуть свою поколенческую принадлежность, не случайно 4 человека из 10 выбрали подобный вариант ответа. Достаточно распространенным для них оказался и признак пола, что засвидетельствовали более четверти респондентов. В то же время ответы девушек и юношей на данный вопрос носят в основном однотипный характер, разница практически по всем альтернативам несущественна. Если же обратим внимание на влияние этнического фактора, то следует при этом отметить, что социальная позиция, свидетельствующая об общегражданском выборе, оказалась приоритетной для всех этнических групп: чаще ее отмечали русские – 80,1%, другие национальности – 73,6% и чувашаи – 71,8%. Этническая идентичность более всего была популярна у молодых людей, объединенных в группу «другие национальности» – 41,5%, затем шли чувашаи (34,9%), далее с заметным отрывом русские (23,2%). Территориальная идентичность (житель Чувашии) оказалась приемлемой для половины чувашей (51,0%), и в 2 раза реже представители других национальностей (24,5%) и русские (23,8%). По остальным позициям разница в предпочтениях у респондентов разных национальностей оказалась не столь существенной.

Еще раз повторим, что приведенные цифры нельзя воспринимать как показатель большей или меньшей российской, республиканской или чувашской «патриотичности». Например, нельзя утверждать, что у этнических русских больше общегосударственной

идентичности, а у чувашей – республиканской. Данные цифры можно интерпретировать, например, как показатель более сложного характера формирования общероссийской идентичности у чувашей по сравнению с русскими. При этом следует иметь в виду и ситуативность оценок, соотнесение их с определенными политическими, социальными, экономическими и др. событиями, которые могут оказывать серьезное влияние на величину и характер оценок (например, Олимпийские игры, политические события на Украине и т.п.).

Рассмотрим далее содержательные оценки, которые респонденты вкладывают в понятие «россиянин» (табл. 4). Вопрос об этом включен в анкету только в 2014 г. В данном случае на первом месте оказался не формально-юридический показатель («быть российским гражданином»), а критерий, характеризующий чувства молодых людей по отношению к своей Родине: 57% опрошенных высказались за вариант ответа «Чувствовать гордость за российские достижения (в спорте, культуре, науке и др.)».

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:

«Что для Вас лично означает быть россиянином?»
(%, можно было выбрать до трех вариантов ответа, 2014 г.)

	Всего
Быть российским гражданином	52,5
Ощущать свою причастность и ответственность за судьбы России	31,0
Чувствовать гордость за российские достижения (в спорте, культуре, науке и др.)	57,2
Жить на территории России	30,7
Жить на территории Чувашии	11,8
Воспринимать Россию как правопреемницу СССР	2,9
Чувствовать свою причастность к российской истории и культуре	18,9
Чувствовать свое отличие от представителей других стран	15,3
Родиться в России	29,0
Чувствовать общность с российскими согражданами	9,3
Чувствовать себя европейцем	0,7
Иное (напишите)	1,1
Ничего не означает	0,4

Следует отметить, что опрос проводился в дни Олимпийских игр в Сочи, где наши спортсмены достигли небывалых за все время участия в зимних олимпиадах достижений. Иначе говоря, при анализе данного варианта ответа необходимо учитывать его ситуативный характер, т. е. в другом случае подоб-

ный показатель не был бы таким высоким, что не умаляет побед наших спортсменов в ходе честного соперничества с сильнейшими соперниками.

Примерно равные показатели оказались у трех вариантов ответа, два из которых имеют поселенческий характер («жить на территории России» и «родиться в России»). Третий вариант наполнен гражданским смыслом, показывает уровень потенциального участия в жизни страны («ощущать свою причастность и ответственность за судьбы Родины»). Из других ответов обратим внимание на достаточно низкий уровень общности с другими российскими гражданами. Собственно, речь идет о непростом содержании понятия «российский гражданин». Показатели причастности к делам страны дают основание для заключения о том, что гражданство для молодых людей не ограничивается наличием паспорта, то есть формально-юридическими признаками. В то же время подчеркнем, что отмеченные высокие показатели ограничены в основном позицией «Я – государство». Важно, чтобы такая позиция была характерна и в дихотомии «Мы – государство», чтобы понятие «государство» сближало бы «Я» и «Мы», как важные компоненты единого целого. На наш взгляд, понятие «россияне» еще не наполнено в должной мере личностными качествами, для многих респондентов население страны воспринимается лишь как другие граждане с одинаковыми паспортами. В то же время не следует преувеличивать значение этого показателя в данном опросе, поскольку он оказался в ряду других, более важных для молодых людей с их точки зрения. Отметим также низкий уровень восприятия России как преемницы СССР. Для молодых людей Советский Союз – уже история со своими достижениями и проблемами, не стоящими в сегодняшней повестке дня.

С точки зрения определения мнения респондентов в зависимости от пола, можно отметить разницу в 7 процентных пунктов по двум вариантам ответов: один из них – «жить на территории России» и «родиться в России» – избрали соответственно 26,9 и 25,4% юношей и 34,0 и 32,2% девушек. Как и всех жителей России, учащихся и студентов волнуют в основном проблемы, характерные и для более старших возрастных когорт. Конечно, в восприятии молодежи есть своя специфика, безусловно, имеются и региональные особенности, о чем свидетельствуют данные, полученные в 2014 г. (см. табл. 5). По частоте выбора, то есть по важности проблем для каждого из респондентов, ответы можно объединить в несколько групп. В первую из них отнесем такие, как низкий уровень доходов; алкоголизм и наркомания; безработица, а также рост цен, инфляция. Абсолютное большинство молодых респондентов дополнительно не работали, но и для них проблема низкого уровня доходов является самой актуальной в силу того, что они знают трудности своих

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Какие социальные проблемы Вас волнуют
больше всего?»**

(%, можно было выбрать до четырех вариантов
ответа, 2014 г.)

	Всего
Безработица	43,7
Рост цен, инфляция	43,5
Коррупция, взяточничество	25,5
Жилищная проблема	22,9
Низкий уровень доходов	50,1
Проблемы ЖКХ	5,8
Преступность	17,7
Алкоголизм и наркомания	47,4
Проблемы образования	10,8
Проблемы здравоохранения	7,7
Кризис морали, культуры и нравственности	12,5
Агрессивные явления в межнациональных отношениях	7,7
Терроризм	20,8
Агрессивные явления в религиозных отношениях	3,8
Проблемы, связанные с мигрантами	7,5
Отсутствие порядка в стране	13,4
Проблемы экономики страны и Чувашии	7,3
Резкое расслоение людей на бедных и богатых	14,5
Другое (напишите)	1,5

семей, тем более что для значительной их части обучение является платным и на это используется часть семейных бюджетов. Следует обратить внимание и на высокую озабоченность молодежи проблемами алкоголизма и наркомании. В опросах всего населения они не настолько актуальны, для молодежи они очень чувствительны, тем более наркомания распространена в ее среде в большей степени, чем среди всего населения в целом. Далее следует отметить такие серьезные вызовы, как коррупция, взяточничество, жилищная проблема, терроризм, преступность в целом. Волнуют молодежь резкое расслоение людей на бедных и богатых; отсутствие порядка в стране; кризис морали, культуры и нравственности; проблемы образования. Сюжеты, относящиеся к межэтническим отношениям, миграционным процессам, религиозным противоречиям находятся в конце списка, и это является свидетельством не только относительного благополучия в данных сферах, но и имеющихся приоритетов, что впрочем, достаточно тесно взаимосвязано.

Иначе говоря, в случае проявления экстремизма в данной сфере повысится и внимание респондентов к названным позициям. Сюжеты, имеющие отноше-

ние к ЖКХ, для молодых людей не так заметны, поскольку абсолютное большинство из них проживает с родителями, на которых падает вся тяжесть проблем жилищно-коммунального хозяйства. Для студентов и учащихся, приехавших на учебу из села, данный вопрос не особенно актуален.

Рассмотрение ответов мужчин и женщин показывает, что для первых большее значение имеют такие сюжеты, как рост цен, инфляция (49,5%, женщины – 38,1%), алкоголизм и наркомания (51,4 и 43,9%), проблемы, связанные с мигрантами (11,4 и 4,0%). В свою очередь, женщины чаще отмечали следующие ответы: безработица (48,7%, мужчины – 38,1%), жилищная проблема (28,8 и 16,2%), проблемы здравоохранения (10,6 и 4,5%), кризис морали, культуры и нравственности (15,1 и 9,6%). Влияние этнического фактора, на первый взгляд, имеется, но важно при этом отметить, что в основном отличия от средневзвешенных ответов наблюдаются у молодежи, объединенной в группу «других», доля которой в общем массиве респондентов составила 7,8%. В нее включены как жители Чувашии (татары, мордва, марийцы и др.), так и прибывшие на учебу из северокавказских республик. Их незначительная численность не дает возможность провести более подробный анализ, поэтому этот вопрос оставим для других исследований.

Конечно, для абсолютного большинства респондентов Россия – это не только Москва и Чувашия, но и другие регионы страны. В 2013 г. студентам предлагалось назвать регионы России и зарубежные страны, которые они посещали. Нельзя сказать, что география поездок у молодых людей обширна: всего они побывали в 8 областях и республиках, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Впечатления в целом положительные. Чаще всего объектами посещения были Москва (49%), Татарстан (46,6%), Нижний Новгород (24,3%), Республика Марий Эл (16,3%), Санкт-Петербург и Краснодарский край (по 15,3%). Далее были названы Ульяновская (9,3%), Самарская (8,0%), Оренбургская (3,0) и Саратовская области (2,6%). Москва студентам запомнилась, конечно, Кремлем, Красной площадью, высотными зданиями, инфраструктурой, насыщенной и бурной жизнью, большим количеством иностранцев, обилием вообще людей, а с другой стороны – суетой, мусором на улицах. В Санкт-Петербурге – это архитектура, памятники, музеи, красота самого города, развод мостов, культура людей. Но и здесь не обошлось без ложки дегтя: город кому-то показался грязным по сравнению с Чебоксарами. Для многих студентов столица Чувашии является одним из самых чистых городов, и в этой оценке они не одиноки, об этом часто говорят и гости нашего города. Но и для других мест пребывания нашлись добрые слова о природе, красоте городов, инфраструктуре, соблюдении традиций, старых

улицах, стадионах и др. Словом, чебоксарские студенты любят свой город, но они совсем не изоляционисты. Посещали респонденты и зарубежные страны, в анкете упомянуто 9 государств. Конечно, частота посещений, гораздо меньше, чем регионов России. Чаще всего называлась Украина (5,6%), затем Турция (4,3%), Германия (3,6%), Испания (2,0%), США, Кипр, Абхазия (по 1,3%), Швеция (1,0%), Израиль (0,6%). География посещения свидетельствует о поездках с целью отдыха, в которых студенты замечали культуру поведения, доброжелательность людей, порядок, свободолюбие, хорошее развитие туризма, дорожной сети, в целом инфраструктуры, грамотное использование природных ресурсов. Они полагают, что отмеченные ими характеристики неплохо бы перенять и России.

Значительная доля молодежи (37,3%) в 2013 г. назвала ситуации, когда бывает стыдно за страну. В ответах прослеживается разделение Родины, Отчизны, с одной стороны, и государства, с другой. Один из опрошенных так и заявил: «Люблю свою Родину, но презираю государство». Молодежь волнуется, что происходит деградация населения и самой страны, распространение алкоголизма и наркомании, отношение политической верхушки к населению, стыдно за представителей власти, за коррупцию и отсутствие порядка в стране, проявление расизма. «Некогда великую страну ни во что не ставят, и за ее рулем много алчных людей», «Богатая страна и бедные люди», «Огромная страна с большим потенциалом, а уровень жизни людей очень низкий», «Большое социальное расслоение, пенсии и зарплаты маленькие», «Невыносимый уровень коррупции» – пишут в анкетах студенты. Молодежи стыдно за неэффективную экономику. Цены растут, заботы о людях нет, наоборот, граждане унижаются государством, отношение к ветеранам недостойное. «Богатые становятся богаче, бедные – беднее». Волнуется их ситуация со спортом, неуважение к образованию, медицине, культуре и науке. Словом, их беспокоят проблемы общества, которые активно обсуждаются. Иначе говоря, значительная часть молодых людей не дистанцируется от общества, она живет его проблемами и заботами.

Студентам вузов в ходе опроса 2013 г. предлагалось ответить и на вопрос об историческом опыте России: они могли выбрать до трех вариантов ответов, в которых были названы важные исторические периоды, в наибольшей степени соответствующие их идеалам и представлениям о том, какой должна быть Россия. Следует сразу же отметить, что уровень знания истории, на наш взгляд, не давал им возможности объективно оценить достижения и проблемы в период политической оттепели или «перестройки». Тем не менее ответы свидетельствуют о том, что наиболее близка их интересам современность: почти

треть (30,6%) отметили «путинскую» эпоху. Далее по частоте выбора следовали: Российская империя (21,6%), СССР в период Сталина, 1930–1950 гг. (19,6%), СССР в 1960–1980 гг., эпоха Хрущева и Брежнева (14,6%), политическая оттепель конца 1950 – начала 1960-х гг. (5,6%), период перестройки (3,6%), период преобразований 1990-х гг. (2,6%). Затруднились ответить 19,6%, и посчитали, что ни один из названных периодов не соответствует их идеалам – 12,3%. Были высказаны и мнения о том, что могла бы позаимствовать современная Россия из перечисленных исторических эпох. Следует отметить, что практически для всех эпох не было каких-либо событий, фактов, явлений, о которых значительное число студентов заявляли, что могли бы быть трансформированы в современную эпоху. Но многие говорили об одних и тех же сюжетах с разных точек зрения, большинство которых мы постараемся привести ниже.

В эпохе Российской империи (ответы 18% респондентов) респонденты увидели такие характеристики государственного устройства и общественной жизни, как авторитет государства, жесткая структура власти, понятие о долге и чести, порядок и закон, преданность Родине, готовность воевать за «веру, царя и Отечество», уважение государства, честь и благородство. Один из студентов отметил, что «аппарат управления был создан не из “воров в законе”, а из элиты, образованных людей». Отмечены еще достижения в литературе, архитектуре, искусстве, православная вера, духовность и просвещение, нормы морали. Из Сталинской эпохи (24,3% респондентов) назывались такие возможные заимствования, как дисциплина и строгость, даже жесткость и борьба с плохими руководителями, борьба с разгильдяйством чиновников, «в стране был порядок». Все люди должны были работать на благо Родины, а не на обогащение. Называются такие явления, как индустриализация, промышленный скачок, работа для всех, экономический рост, самоотверженность и энтузиазм в труде, единство народов, исполнение закона, патриотизм, в том числе направленный на результат, любовь к Родине, сплоченность, Победа, гордость за Родину.

По мнению студентов (7,0%), из эпохи «оттепели» можно было бы позаимствовать высокие темпы производства, поднятие целины, отсутствие безработицы, научные открытия, развитие изобретательства, целеустремленность, доступность образования, достижения культуры. Отмечены и либерализация взглядов, ломка стереотипов.

Время Хрущева и Брежнева (13,6%) воспринимается как период, для которого характерны такие положительные явления, как бесплатное жилье и образование, достойная заработная плата, занятость населения, развитие социальных норм, когда не было социального расслоения, деления на бедных и бога-

тых, была создана достойная жизнь для обывателей. Есть достижения в области науки, образования. Были стабильность и спокойное время.

Во время «перестройки» (5,0%) отмечены такие положительные моменты, как вера в будущее, волю, гласность, свобода слова, новшества вообще, наличие цели.

1990-е гг. (3,6%) отмечены глобальными изменениями в стране, политическим плюрализмом, появлением разнообразных товаров, техники, свободой и независимостью граждан, стойкостью людей в любых ситуациях, появлением умных, образованных, энергичных людей и возможностями развития бизнеса.

Из современного периода (7,3%) в качестве положительных явлений называются демократия, восстановление экономики, новые технологии, рыночная экономика, свобода слова, печати, сильная позиция на международной арене, сотрудничество с другими странами, но одновременно отмечено, что мы получили уроки и безвозмездно помогать другим странам глупо.

Из авторитетных лидеров прошлого и настоящего, с точки зрения респондентов, более всего способствовали осуществлению массовых народных ожиданий Петр I (54,3%), далее идут В.И. Ленин (37,6%), В.В. Путин (31,6%), И.В. Сталин (30,6%), Иван Грозный (14,0%), Екатерина II (12,3%), Д.А. Медведев (10,6%), декабристы (10,3%), Н.С. Хрущев (8,6%),

Л.И. Брежнев и Б.Н. Ельцин (по 6,0%), М.С. Горбачев (3,3%). Никого не назвали 4,0% и затруднились ответить 14,0% респондентов.

Приведенные выше цифры дают основание утверждать, что студенческая молодежь недостаточно хорошо знает историю своего Отечества, чаще всего не представляет особенности важнейших исторических этапов и событий, затрудняется назвать конкретные личности, оставившие след в истории России. Но в целом можно говорить о достаточно высоком уровне общероссийской гражданской идентичности у учащейся и студенческой молодежи Чувашии. В данной статье речь не шла о таких важных формах идентичности, как этническая и региональная, но мы только отметим, что полученные показатели свидетельствуют, что они не являются «конкурентами» общегосударственной, а органично сочетаются с ней. В повседневной политике важно разъяснять, что формирование и укрепление общегражданского единства происходит с одновременным развитием языкового и культурного многообразия. Материалы опроса показывают достаточно высокий уровень готовности молодых людей быть активными участниками развития страны, чувствовать ответственность за ее благополучие. Учащуюся молодежь Чувашии волнуют те же экономические, социальные и политические проблемы, что и все население не только республики, но и России в целом.

Примечания:

¹ <http://www.kremlin.ru/news/46144>

² Подробнее см.: Орлова О.В. Социологический аспект изучения проблем государственной молодежной политики // Молодежь Республики Марий Эл: Материалы Республиканской научно-практической конференции «Реализация государственной молодежной политики в Республике Марий Эл: проблемы и перспективы», 14 декабря 2011 г. Вып. 6. Йошкар-Ола, 2012. С. 15–23.

³ Шабунин Д.М. Правовое сознание современной молодежи (этнонациональные особенности). Чебоксары, 1999; Иванова Н.М. Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX–XXI веков: социокультурный облик и тенденции развития. Чебоксары. 2008

⁴ <http://www.kremlin.ru/news/46144>

⁵ Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 24, 74.

*А. В. Гурко**

МАСС-МЕДИА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЁЖИ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ) ¹

Учитывая современные отрицательные демографические тенденции в конце 20 века европейскими специалистами были составлены прогнозы о том, что ввиду процессов старения Европы к 2025 году экономически сильными и состоятельными будут те регионы (страны), которые уже сегодня смогут экономически и идеологически привлечь молодежь. В ряду ключевых задач, направленных на закрепление молодежи пропаганда самобытных культурных традиций и развитие национальной идентичности. В современных условиях эти задачи наиболее эффективно можно решать с использованием средств массовой информации. Таким образом, актуальность работы диктуется потребностью в использовании СМИ для формирования у молодого поколения белорусов чувства патриотизма, имеющего свои основы в этнических и национальных установках.

Целью статьи является определение основных направлений в газетных публикациях, влияющих на формирование этнической и национальной идентичности белорусской молодежи. Задачи: выявить ключевые образы у молодого поколения, связанных с этнической и национальной идентификацией; определить, насколько эти образы отражены и развиты в СМИ.

В ходе полевых исследований, проведенных нами в октябре 2013 г., было опрошено 128 молодых людей в возрасте 16-28 лет в городах Гродно, Лида, Мосты, Волковыск, Свислочь, а также в Гродненском, Мостовском, Волковыском, Щучинском районах. Опрос проводился по случайной выборке. Проведен анализ интернет-версий газет «Гродненская правда», «Вечерний Гродно», «Гродненский университет», «Вороновская газета» (районная газета), а также интернет-ресурса «Гродненский форум» (<http://forum.grodno.net/>) за период начала 2010-х годов. При выборе источников для анализа исходили из пропорций расселения молодежи в Гродненской об-

ласти – по данным Госкомстата большинство молодежи (82,7%) проживает в городах и поселках городского типа, в сельской местности живет только 17,3% молодых людей. В Гродненской области проживает 10,6% молодежи. Также учитывалось, что в Гродненской области возможностями интернета пользуется чуть больше полумиллиона человек (при этом 56% из них приходится на Гродно), в то время как в самой области проживает более миллиона. Также следует отметить, что по данным Белорусской аналитической мастерской в Варшаве (BAW) в предпочтениях граждан Беларуси доминирует государственное ТВ, которое смотрят 84% белорусов, государственные печатные СМИ читают почти 40% опрошенных.

В качестве основных параметров, определяющих этнокультурные ориентации молодежи Гродненщины при проведении данного опроса были определены следующие. Во-первых, этническая самоидентификация. Во-вторых, лингвистическая идентификация. В-третьих, идентификация на основе образов родной земли. В-четвертых, отношение к праздникам, являющимся одной из важнейших форм трансляции социально-значимого, в том числе и этнического опыта.

Этническая идентичность является важнейшей составной частью социальной идентичности и сопряжена с переживанием личностью своей принадлежности к определённому этносу, осознание наличия типичных для его представителей качеств, оценкой этнически обусловленных предпочтений в сфере общественной и деятельности. Наличие этнической идентичности помогает человеку в обретении смысла жизни, обеспечивает чувство сопричастности, предоставляет психологическую поддержку, содействует повышению самооценки. Психологический смысл этнической идентичности проявляется при ее сопоставлении с такими родственными категориями, как национальная идентичность (отождествление не с

* Гурко Александр Викторович – ученый секретарь Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси доктор исторических наук, доцент.

этносом, а нацией), этническое самосознание и этническая идентификация. Наиболее значимыми признаками этнической идентичности являются язык, происхождение, образ жизни, традиционная культура, ценности и нормы, историческая память и мифология, религия, чувство родины, гражданство, характер, внешность. Хотя личность осуществляет самостоятельный выбор своей этнической идентичности, определяющим оказывается влияние среды, образа жизни и культуры этнической группы. Психологи выделяют такие основные этапы формирования этнической идентичности: в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте формируются фрагментарные представления об этнической принадлежности, идентификация с окружающими постепенно приобретает этническую окраску. В подростковом возрасте, сопряженном с общим поиском идентичности, пробуждается интерес к этническим ценностям, усиливается идентификация с референтными группами и деление на «своих» и «чужих». В ранней юности происходит полное осознание своей этнической принадлежности, развивается этническое мировоззрение.

Как показало наше исследование, большинство опрошенных считает себя белорусами – 91%; 5,5% отнесли себя к полякам, 3% — к русским. В то же время установлено, что в 70% семей опрошенных оба родителя относят себя к белорусскому этносу, около 7% к польскому, около 1,6% к русскому. Остальные семьи смешанные: семьи, в которых мать-белоруска, отец – поляк – 2,3%, мать-полька, отец – белорус 1,6%; мать-белоруска, отец – русский – 3,1%, мать – русская, отец – белорус 3,1%; мать-белоруска, отец – поляк – 1,6%, мать-полька, отец – белорус – 1,6%. Сопоставление количества респондентов, отметивших свою принадлежность к белорусам (здесь национальное и этническое в заметной степени совпадают) очевидно превосходит количество тех, кто считает себя белорусами генетически. Это свидетельствует о том, что гражданская идентичность в настоящее время доминирует над генетической. Вместе с этим, сохраняется скрытая двойная и тройная идентичность, основанная на знании и осознании этнического происхождения родителей. Множественная скрытая идентичность связана со сложной этнополитической историей и пограничным положением региона, она определяет своеобразие этнической культуры и служит залогом устойчивости современных этнических процессов.

Следует отметить, что в регионе, где достаточно большое количество населения имеет польское происхождение, доминирующее соотношение себя с белорусской идентичностью указывает на очевидные этнокультурные приоритеты опрошенной молодежи Гродненщины. Приоритетна ориентация на восточнославянские языки и в лингвистической самоиден-

тификации: 48% опрошенных респондентов назвали родным русский язык; 30% – белорусский язык; 22% – белорусский и русский. Многие из опрошенных молодых людей понимают польский и литовский языки, украинский, английский и немецкий языки. Можно предположить, что знание польского и литовского языка связано с необходимостью коммуникации внутри региона; украинского, английского и немецкого языков – с ориентацией на этнокультурные контакты за пределами региона.

Одной из задач проведенного этнологического опроса было выявление современных этнических символов и образов. Этнический символ всегда сопряжен с эмоциональным восприятием, сложный объект внешнего мира представляется в нем сжато и образно, вызывая мгновенную эмоциональную реакцию. Объединяя различные планы реальности в единое целое, он создаёт собственную многослойную структуру, смысловую перспективу. Из символов, образов, связанных с этнической, национальной идентичностью, опрошенной молодежью были названы Герб, Флаг, Гимн, [Родительский] Дом, Зубр, Олень, Аист, Леса, Озера, Колосья, Картошка. Примечательно то, что национальные символы сливаются у опрошенных с этническими символами, закреплёнными в гимне, изображении герба и флага республики.

Следует отметить, что наряду с образами зубра и аиста, сопоставимыми с белорусской землей на основе лирических произведений, здесь присутствует образ оленя, который можно назвать региональным. Это – исторический символ из герба Гродно, утвержденного в 1988 году решением Гродненского городского Совета народных депутатов в качестве современного герба Гродно.

Образы родной природы, флоры и фауны, сложившиеся исторически, соседствуют с образом картошки, давшей основу для экзоэтнонима «бульбаш».

Родительский дом – один из наиболее устойчивых образов, но у каждого из участников опроса он имеет свои черты. Поэтому при разработке этнических, национальных образов, характеризующих коллективную идентичность, сегодня необходимо обнаружить или сконструировать какие-то общие черты, характеризующие современное жилое пространство белоруса.

В целом, следует отметить, что этническое сознание порождает этнический образ – представление о типичном для этноса индивиде. Этнический образ, исходно воплощающий в себе единство универсального и уникального, строится на основе такого понимания типичности, которое учитывает чувственную конкретность. Этнический образ, будучи формой отражения действительности, одновременно и программирует эту действительность, определяя поведение людей. Для формирования конструктивных

этнокультурных стратегий молодежи на материале разных эпох и этнических традиций необходимо найти наиболее общие правила построения этнического образа, включая и образцы поведения.

Примечательно то, что около половины опрошенных оставило вопрос об этнических и национальных образах и символах без ответа. Отсутствие в ответах на поставленный вопрос об образах и символах родной земли человеческих образов и характерных персонажей указывает на то, что в настоящее время существует насущная необходимость разработки таких образов, прежде всего, средствами визуального искусства и литературы. Сказанное справедливо и по отношению к элементам материальной культуры – одежде, архитектуре, пище.

По мнению 47% опрошенных, формирование чувства патриотизма, связи с родной землёй сопряжено с участием в праздниках.

Наиболее отмечаются в семьях опрошенных молодых людей Гродненщины следующие праздники (в порядке убывания): Пасха -71 ответ, Новый год -63, Рождество -60, День рождения -40, 8 марта -33, 23 февраля -25, 9 мая -21, Радуница -16, День матери -15, Спасы -15, День независимости -13, Купалле -9, Вербница -8, Масленица -6. Также отмечаются профессиональные праздники, Дни города. Как видно, ведущие позиции занимают религиозные праздники и праздники, имеющие личную, гендерную, семейную окраску. Трансляция этнического опыта происходит, главным образом, через религиозные праздники, что необходимо учитывать в формировании стратегических установок молодого поколения.

В ходе изучения и анализа публикаций названных выше источников за период 2011-2013-х годов установлено, что проблема трансляции этнокультурных традиций среди молодого поколения Гродненской области до настоящего периода решалась, но количество публикаций следовало бы увеличить, расширить спектр рассматриваемых проблем.

В публикациях газет освещение культурных традиций, их трансформации в современных условиях, редко выходит за пределы закрепившихся в 1990-х – первого десятилетия 2000-х годов тем: календарные народные праздники (Коляды, Купалье), религиозные праздники, современные светские и государственные праздники; региональные и республиканские форумы национальных культур; обычаи и традиции различных этнических групп, в том числе новых для Беларуси. Как показал этнологический опрос, освещаемые проблемы в значительной степени влияют на формирование этнического и национального сознания молодёжи, что требует развития и углубления этнонациональной тематики в средствах массовой информации. В то же время ожидание молодежной аудитории находятся в определённом про-

тиворечии с работой средств массовой информации области.

Так, из работающих в области изданий газета «Гродненский университет» единственная, имеющая целевой аудиторией молодежь. Публикации в этой газете посвящены, главным образом, событиям в жизни университета, научного мира в целом. Из статей, посвященных трансляции культурных традиций в 2013 году – была опубликована лишь одна, посвященная празднованию Китайского Нового года, совместно с китайскими студентами. Из контекста публикации понятно, что в молодежной среде присутствует живой интерес к восприятию культурных традиций и если бы организаторы педагогической деятельности, а также журналисты уделили бы внимание этой проблеме хотя бы в сравнении белорусских и китайских традиций, белорусские праздники стали бы привлекательными не только для отечественных, но и для зарубежных студентов.

Издававшаяся в Гродно до конца 2010-х гг. газета «Молодежный курьер» также не уделяла достаточного внимания трансляции этнокультурных традиций. По отзыву одного из участников Гродненского Интернет-форума в газете следовало бы размещать «бегущую строку» с афоризмами. Как известно, афоризмы, по своей сути, наиболее ярко отражают духовную культуру и традиции народа.

В районной газете Вороновского района Гродненской области «Вороновская газета» (<http://www.vogan.by>) наряду с публикациями, посвященными традициям празднования народных белорусских и религиозных христианских праздников, в последние годы появились и другие публикации, способствующих трансляции этнокультурных традиций. Их можно было бы представить в качестве образца для других изданий. Так, регулярная рубрика посвящена белорусским семейным традициям – «Семейная скарбніца». На примерах уклада жизни в семьях района демонстрируется и транслируется модель поведения, которая и усваивается молодым поколением. В частности, в статье Галины Шлемпо «Когда в доме лад» (10.08.2012) о семье Андрыш из агрогородка Переганцы, отметившей в 2011 году фарфоровую свадьбу – 20 лет совместной жизни, показывается стиль отношений в семье – между супругами, детьми; показывается жизненный путь всех членов семьи. В этой же рубрике уделяется внимание межэтническим бракам, предполагающим адаптацию одного из супругов на Вороновщине (Н.Ивуть «Любовь и судьба» 22.03.2013, «Главное – любовь и согласие» 12.04.2013); раскрываются региональные особенности традиции подготовки и празднования домашних праздников (напр., Дух Рождества ст. 22.12.2012). Способствует формированию интереса у молодого поколения и статья Г. Шлемпо «Солнце

на блюде, или Русская печь в наследство» (29.03.2013). Отмечается значение славянского гостеприимства и образа печи «Как говорят, изба красна не углами, а пирогами. Ведь печь — это святое место в доме, и так было всегда».

В 2013 году в газетах «Гродненская правда» и «Вечерний Гродно» также появился ряд публикаций по проблеме трансляции этнокультурных традиций молодому поколению. В материале корреспондента газеты «Гродненская правда» (<http://grodnonews.by>) Ирины Березович «В Мирском замке состоится Венский бал XIX века и откроется светский ретросалон» (21.11.12) представлены торжественные мероприятия (рождественские балы «Танцующий мир» в ретро-стиле) в Мирском замке. Газета «Гродненская правда» в 2013 году приняла участие в анонсировании и освещении акции «Крылья любви», которую третий год проводят участники молодежного проекта «Живая история». По сообщениям в газете «в этот раз планируют собрать на Советской площади более тысячи влюбленных гродненцев и гостей города ... До запуска фонариков организаторы назовут победителей конкурсов «Самая очаровательная пара года», «Лучшее признание в любви на фото» и «Лучшее признание в любви на видео», которые прошли в «ВКонтакте» (08.02.13). В День Святого Валентина в Гродно влюбленные пары запустили небесные фонарики. «...По традиции первый фонарик запустила историческая пара – Барбара Радзивилл и Сигизмунд Август. К слову, участники проекта «Живая история» приоткрывают завесу тайны любви белорусских Ромео и Джульетты в аудиороликах, которые звучат в общественном транспорте...» (15.02.13).

Уделяя заметное внимание культурным событиям, происходящим в области, газета представляет спектр возрожденных традиций. В статье Сергея Гаврицкого в Зельве прошел «Анненский кирмаш» (28.08.13) отмечается, что Зельва в 2013 году шестой раз проводила возрожденный «Анненский кирмаш». Газета «Гродненская правда» также опубликовала материал Т. Кузнеченковой, направленный на формирование интереса к традициям животноводческих праздников «День лошади отметили в агротуристическом комплексе «Гарадзенскі маёнтак «Каробчыцы» (04.09.13) В другой публикации этого же автора «Гродненская мастерица рассказала, как сделать куклу-оберег» (18.10.13) опубликован материал, формирующий интерес молодежи к славянским духов-

ным и материальным традициям.

В газете «Вечерний Гродно» (<http://www.vgr.by>) в 2013 году также появился ряд оригинальных публикаций, связанных с проблемой трансляции этнокультурных традиций. Наиболее интересным представляется материал А.Кучинского, И.Максимчик, О.Сиводедова «Королевский шлях» (09.12.2009), рассматривающий аналогичные белорусским проблемы в польском пограничье.

Исходя из представленного выше материала, можно отметить, что процесс формирования этнической и национальной идентичности в современных условиях не может не опираться на создаваемый через работу СМИ дискурс. В то же время существует определённый диссонанс между социальным запросом и отражением этнической и национальной проблематики в СМИ. Сопоставление количества респондентов, отметивших свою принадлежность к белорусам, очевидно превосходит количество тех, кто считает себя белорусами генетически. Это свидетельствует о том, что гражданская идентичность в настоящее время доминирует над генетической. Значительная роль в этом связана с работой СМИ, и прежде всего с регулярным и повсеместным освещением гражданских и религиозных праздников и событий. В то же время существует насущная необходимость разработки современных образов и символов родной земли, человеческих образов и характерных персонажей, что необходимо представлять общественности через регулярные публикации в СМИ. Сказанное справедливо и по отношению к элементам материальной культуры – одежде, архитектуре, пище. Родительский дом – один из наиболее устойчивых образов, но у каждого из участников исследования он имеет свои характерные черты. Поэтому при разработке этнических, национальных образов, характеризующих коллективную идентичность, сегодня необходимо визуализировать или сконструировать какие-то общие черты, характеризующие современное жилое пространство белоруса.

Материалы СМИ могут иметь важное значение в трансляции национальных и этнических традиций и в конечном итоге активно способствовать не только решению проблемы закрепления молодежи на родных землях, привлечения трудовых ресурсов извне, но и способствовать привлекательному туристическому имиджу региона и республики в целом.

Примечания:

¹ Данная публикация является результатом научно-исследовательской работы по проекту БРФФИ-РГНФ Г13Р-009 «На границе со странами ЕС: этно-

культурные стратегии молодежи в Гродненской и Калининградской областях»

О.В. Орлова*

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1973-2012 ГГ.)¹

Республика Марий Эл – многонациональный регион, где сложилась определенная структура языковых и межнациональных и межконфессиональных отношений. Республика показывает пример как можно эффективно и гармонично управлять этническим и конфессиональным разнообразием. Сохраняя баланс интересов различных этнических групп, в республике используется многонациональность как положительный ресурс, тем самым Республика Марий Эл выделяется на фоне других регионов России, где возникают конфликты на национальной почве.

Одним из актуальных проблем языковой политики республики является необходимость учитывать языковые интересы различных этнических сообществ. Языковая ситуация в республике определяется, в первую очередь, положением марийского и русского языков.

Язык – важнейшее средство человеческого общения, социальное средство хранения и передачи информации, средство выражения и сообщения мыслей. Язык связан с жизнью человека, историей, обычаями, отражает специфику национальной культуры. Язык – душа народа. Сохранение, развитие, функционирование языка – сохранение и развитие этноса, носителя языка.

Одним из элементов, характеризующих национальное самосознание является знание и владение родным языком. Родной язык, как показывают данные наших социологических исследований 1994-2011 гг., является и одним из главных мотивов сближения людей своей национальности, менее – народные обычаи, историческое прошлое и религия. (Рисунок 1)

В 70-80-е гг. XX в. социологи отмечали ослабление позиций марийского языка и связывали эти явления в первую очередь с процессами урбанизации в республике, ростом смешанных браков, подчеркивая потерю родного языка у третьего поколения сель-

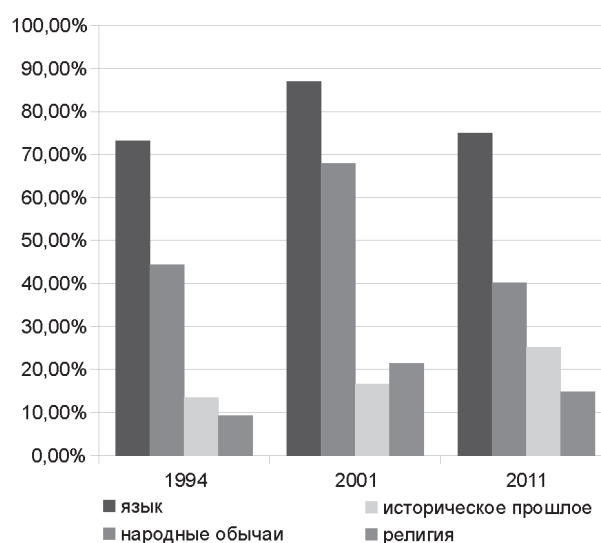

Рисунок 1. Мотивы сближения людей своей национальности

ских мигрантов, а также с огромной массой заимствований, входящих в марийский язык через русский язык. Русские заимствования в марийском языке имели объективный характер, по мнению В.С. Соловьева, так как марийский язык не имел своей общественно-политической, научной, технической терминологии, далее он отмечал, что расширение масштабов перехода на русский язык имеет добровольный характер. И в первую очередь переход на русский язык характерен для национальной интеллигенции.²

Социологические исследования «Как живешь, товарищ?» (1973, 1985 гг.) показывали, что в этот период происходил процесс увеличения общения марийских респондентов на русском языке и одновременно на русском и марийском языках в сфере семейных, бытовых отношений и сокращения общения на марийском языке. Так на вопрос «Насколько хорошо Вы вла-

* Орлова Ольга Викторовна – к.и.н., зав. сектором социологии Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

деете языком своей национальности?» 72,7% марийцев ответили, что они свободно говорят, пишут, читают на марийском языке, 7,7% – свободно говорят, читают, но не пишут по-марийски, 12,9% – свободно говорят, но не читают и не пишут по-марийски, 3% – говорят с затруднениями, 2,5% – понимают, но не говорят, 1,2% – не владеют марийским языком.

Более прочно марийский язык сохранял свои позиции в сельской местности. Доля марийцев, не говорящих на родном языке с супругами в деревне в 13 раз меньше, чем в г.Йошкар-Оле, и в 14 раз – в других городах республики, численность марийцев, разговаривающих со своими детьми на русском языке в городах в 16 раз выше, чем в деревне. (Таблица 1) Здесь мы и находим подтверждение мнению, что на использование в разговорной речи марийского языка оказывает влияние место проживания, то есть, в городах менее используется родной язык марийцами в силу того, что обучение, общение по месту учебы, работы, в общественных местах и государственных структурах ведется, в основном, на русском языке. Эта тенденция сохранялась и в 90-е гг. прошлого столетия.

Таблица 1

Язык общения респондентов-марийцев со своими детьми зависимости от их жительства (в % от числа ответивших) (1985)

Место жительства респондентов	Только на русском	Только на марийском	На русском и марийском	На других
С детьми школьного возраста				
Йошкар-Ола	73,6	4,2	18,8	3,4
Город республики	86,2	0,0	13,8	0,0
Районный центр	56,8	9,9	33,3	0,0
Рабочий поселок	57,3	13,2	26,5	3,0
Центральная усадьба	22,5	42,0	33,3	2,2
Деревня	4,7	73,0	21,6	0,7
С детьми дошкольного возраста				
Йошкар-Ола	82,4	1,2	14,2	1,9
Город республики	79,7	2,9	17,4	0,0
Районный центр	52,4	10,5	35,2	1,9
Рабочий поселок	65,0	10,0	23,7	1,3
Центральная усадьба	23,6	42,1	32,6	1,7
Деревня	6,2	74,1	19,2	0,5

По результатам социологического исследования «Межнациональные отношения в Республике Марий Эл» (1994 г.) 88,4% марийцев назвали своим родным языком марийский, 11,53% – русский, 0,05% – татарский, 0,02% – другой. Говоря о владении марийским языком в степени «пищу, читаю, говорю» луговые

марийцы ответили 74,6%, горные марийцы – 92,7%; «читаю, говорю, но не пишу» соответственно: 72% и 2,7%; «говорю, но не читаю и не пишу» – 8,6% и 4,6%; «говорю плохо» – 1,4% и 0,0%; «понимаю, но не говорю» – 4,7% и 0,0%; «не владею» – 3,5% и 0,0%. Говоря о степени владения марийским языком в зависимости от места жительства мы можем отметить, что тенденция выявленная в предыдущих исследованиях сохранялась и в изучаемый период: марийцы, живущие в городах в меньшей степени владели родным языком, чем в сельской местности. Рассмотрим язык общения в семье в зависимости от места жительства респондентов, данные показывают, что в г.Йошкар-Ола марийцы в два раза меньше общаются со своими родителями на марийском языке, с супругами – в 1,5 раза меньше, с детьми дошкольного возраста – в 15 раз меньше, с детьми школьного возраста – в 27 раз меньше, чем в селе.

В ходе исследования «Национально-региональные проблемы государственного строительства» (1995 г.) был задан вопрос «Считаете ли Вы нужным знание марийского языка всеми жителями республики?». Более половины опрошенных русских (54,5%) и 47,1% лиц других национальностей, ответили, что это не нужно, марийцы ответили следующим образом: «считаю это обязательным» – 19,2%, «считаю это желательным» – 50,6%, «данный вопрос меня не интересует» – 9,1%, «считаю это ненужным» – 16,8%, затруднились дать ответ – 4,3%. В наибольшей степени это мнение распространено среди городского населения республики.

Материалы опроса свидетельствовали, что 57,2% русских и 46,8% лиц других национальностей отрицательно относились к преподаванию марийского языка во всех школах республики в качестве обязательного предмета. Марийцы считали, что преподавание марийского языка в качестве обязательного предмета должно быть – 53,4%, 19,8% отнеслись безразлично, 18,6% отнеслись отрицательно, 8,2% затруднились ответить. В основном отрицательное отношение к преподаванию марийского языка во всех школах республики в качестве обязательного предмета высказывали городские жители.

В данном исследовании был поставлен вопрос перед респондентами в какую школу по языковому принципу они отдали бы своих детей. Так в русскую школу хотели бы отдать своих детей 80% русских, 59,6% представителей других национальностей, 25,7% марийцев; в национальную школу – 3,4% русских, 25% представителей других национальностей, 38,9% марийцев. Мы наблюдаем и по результатам данного исследования некоторый отход марийцев от родного языка в условиях городской жизни, это связано с тем, что в городах больше употребляется русский язык и в многонациональных городских условиях русский

язык является и средством межнационального общения.

В этот период были приняты законодательные акты, закрепляющие статус марийского языка как государственного. 24 июня 1995 г. конституционным Собранием Республики Марий Эл была принята Конституция Республики Марий Эл, где в Статье 15 было отмечено «Государственными языками Республики Марий Эл являются марийский (горный, луговой) и русский языки».³ 26 октября 1995 г. был принят Закон Республики Марий Эл № 290-111 «О языках в Республике Марий Эл». 18 ноября 1998 г. Президент Республики Марий Эл подписал Указ № 302, согласно которому ежегодно 10 декабря празднуется День марийской письменности «Марий Тиште Кече».

По результатам исследования «Межнациональные отношения в Республике Марий Эл» (1994 г.), 81,8% марийцев назвали своим родным языком марийский, 6,2% – русский, 11,1% одновременно русский и марийский. Марийцы, живущие в г.Йошкар-Ола, 59,8% назвали своим родным языком марийский, 13,4% – русский, 25,6% одновременно русский и марийский; в селах, соответственно: 90,8%, 2,1, 6,4%.

Говоря о степени владения родным марийским языком, респонденты отметили: «пишу, читаю, говорю» – 75,4%, «читаю, говорю, но писать не умею» – 9,2%, «говорю, но читать и писать не умею» – 6,5%, «говорю с затруднениями» – 1,5%, «понимаю, но не говорю» – 5,0%, «не владею» – 2,3%. Марийцы, живущие в г.Йошкар-Ола в два раза меньше владеют марийским языком в степени «пишу, читаю, говорю» (46,3%), чем сельские жители (92,9%).

подавляющее большинство респондентов-марийцев ответили, что они желают, чтобы их дети знали родной язык. Но, выясняя язык общения в семье, мы установили, что с детьми респонденты-марийцы в два раза меньше разговаривают на родном языке, чем со своими родителями и супруги друг с другом.

По результатам исследования «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл» (2011 г.) 76,4% марийцев назвали своим родным языком марийский, 7,3% – русский, 15,4% одновременно русский и марийский. Степень владения марийским языком респонденты-марийцы определили следующим образом: «пишу, читаю, говорю» – 79,7%, «читаю, говорю, но писать не умею» – 7,5%, «говорю, но ни читать, ни писать не умею» – 2,7%, «говорю с затруднениями» – 1,5%, «понимаю, но не говорю» – 6,3%, «не владею» – 1,9%

Проведенное исследование подтверждает тенденцию, которая наметилась еще в исследованиях 70-80-х гг. – городские жители в меньшей степени владеют марийским языком, по сравнению с сельским населением, и меньше разговаривают в семье с деть-

ми, по сравнению с родителями и супругами друг с другом.

Несмотря на то, что с детьми разговаривают не все респонденты на родном языке, наблюдается большое желание родителей сохранить для своих детей знание родного языка – 86,8%. Больше желание сохранения для своих детей родного языка высказались сельские жители – 91,0%, горожане – 81,7%

Исследование «Языковая ситуация в Республике Марий Эл» (2012 г.) показало, что 79,2% марийцев назвали своим родным языком марийский, 7,8% – русский, 12,9% – русский и марийский. 17,5% городских жителей назвали своим родным языком марийский, в основном они осваивали родной язык в семье (95,0%) и в школе (57,0%), но только 14,7% городских жителей республики владеют марийским языком в степени «пишу, читаю, говорю». Свое нежелание знать и изучать марийский язык городские жители объясняют тем, что в городских условиях узкая сфера применения марийского языка (семья, дружеское общение).

Исследователи задавали вопрос: «На каком языке Вы обычно разговариваете со своими родственниками в семье?». Как показывают результаты исследования, несмотря на то, что казалось бы семья должна в первую очередь прививать любовь к родному языку, мы наблюдаем, что марийцы разговаривают в семье на родном языке в большей степени с родителями, с мужем/женой, а с детьми меньше, эта тенденция прослеживается в материалах социологических исследований 1973-2011 гг. Но в материалах 2012 г. исследователи обратили внимание на то, что в марийских семьях стали больше общаться на двух языках: русском и марийском. (Таблица 2)

Исследователи задали вопрос о необходимости владения марийским языком всего населения республики. Считают, что необходимо владение марийским языком всего населения 32,9% респондентов (русские – 16,9%, марийцы – 54,2%, татары – 13,0%, другие – 20,4%).

Уже неоднократно мы ставим вопрос в наших исследованиях о необходимости преподавания марийского языка в школах. В данном исследовании 47,9% респондентов считают, что нужно преподавание государственного марийского языка (русские – 31,1%, марийцы – 71,4%, татары – 20,3%, другие – 30,6%).

Для тех респондентов, кто не знает марийского языка был задан вопрос, а желают ли они изучать марийский язык: только 11,3% респондентов хотели бы изучить марийский язык (русские – 12,9%, марийцы – 8,3%, татары – 17,4%, другие – 16,3%).

Большинство респондентов не согласилось с тем, что марийский язык нужно ввести в сферу делопроизводства (39,7%), 22,4% респондентов отнеслись к этому безразлично, 20,1% считают, что нужно вести

Таблица 2

**Язык общения респондентов в семье
(в % от числа ответивших)**

Год	Только на русском	Только на марийском	На русском и марийском	На русском и другом
Язык общения респондентов со своими родителями				
1973	4,6	80,0	15,2	0,1
1985	8,2	74,1	17,2	0,1
2001	13,0	70,4	10,1	0,0
2011	15,7	59,5	6,5	0,0
2012	12,5	54,2	20,8	0,2
Язык общения респондентов с мужем/женой				
1973	8,1	70,8	20,9	0,1
1985	16,4	60,4	22,0	0,2
2001	19,4	64,2	15,2	0,6
2011	21,5	41,4	6,1	0,4
2012	17,9	35,1	16,7	0,2
Язык общения респондентов со своими детьми дошкольного возраста				
2001	18,8	34,0	6,9	0,3
2011	22,9	17,3	7,5	0,2
2012	23,2	21,7	19,7	0,0
Язык общения респондентов со своими детьми школьного возраста				
2001	21,8	34,6	13,1	0,3
2011	20,7	15,7	11,5	0,0
2012	22,5	22,1	19,6	0,0

делопроизводство на двух языках и 16,5% согласилась с расширением сферы функционирования марийского языка в делопроизводстве. 35,3% респондентов считают, что необходимо расширить сферу функционирования марийского языка в информационном пространстве (СМИ, Интернет). (Таблица 3).

Таблица 3

**Мнение респондентов о полноценном использовании государственных языков (2012)
(в % от ответивших)**

Во всех государственных учреждениях обязательно начинать официальные мероприятия с приветствия на марийском языке	29,3
Ввести обязательное обучение марийского языка во всех учебных заведениях	29,0
Ввести обязательные курсы марийского языка для работников государственных учреждений	28,3
Вести делопроизводство на русском и марийском языках	8,8
Шире использовать двуязычие в СМИ	34,2
Ввести обязательные курсы русского языка для работников государственных учреждений	10,3
Другое	8,4

Как показывают результаты наших социологических исследований в период с 70-х гг. прошлого столетия прочно сохранялась тенденция более широкого использования марийского языка в сельской местности. В городах сфера применения марийского языка не так широка: общение в семье, общение с друзьями, коллегами по работе и учебе. Таковую ситуацию исследователи связывали с процессами урбанизации в 70-80-е гг., ростом межнациональных браков. В последующие периоды можно говорить и об этих причинах, но в 90-е гг. вмещиваются миграционные процессы: выезд сельских жителей в поисках работы в другие регионы страны, так как большинство сельхозпредприятий прекратили свою деятельность, для работы в других регионах страны нужно, в первую очередь, знание русского языка. В начале XXI в. мы должны говорить о влиянии глобализации: открытое информационное пространство, возможность совершать поездки за рубеж и быть конкурентоспособным на рынке труда, а так же другие причины потребовали знание иностранных языков. Так по результатам исследования 2012 г. в большей степени наряду со знанием русского, марийского языков респонденты отметили и владение английским языком. В этих условиях сохранение и развитие марийского языка в большей степени ложится на семью, школу и СМИ.

Марийский язык значительно уступает русскому по своей функциональности, сферам применения, социальному статусу и другим аспектам. В данном положении играет роль и такой очевидный фактор, что русский язык является государственным на территории России, в то время как марийский язык является государственным только в рамках одного региона, хотя распространен в нескольких регионах России. Это обуславливает более пристальное внимание к марийскому языку на территории республики и языковая политика в республике направлена на выравнивание статуса государственных языков. Как показывают и данные социологических исследований государственные языки русский и марийский используются в республике неравнозначно. Более широко используется русский язык. Марийский язык сохраняется в первую очередь в семье, но только около 1/5 части респондентов разговаривают с детьми школьного и дошкольного возраста на марийском языке.

С момента принятия Закона о языках в 1995 г. языковая ситуация в Республике Марий Эл отмечалась расширением общественных функций и публичного использования марийского языка. Наиболее заметное продвижение марийского языка наблюдалось в публичной сфере (двуязычные надписи, объявления и т.д.), частично в СМИ (телевидение, радио, пресса), Меньше изменения зат-

ронули сферу государственного управления, сферу услуг, коммерческие структуры и ряд других

отраслей, где марийский язык используется редко.

Примечания:

¹ В статье использованы материалы социологических исследований отдела социологии МарНИ-ИЯЛИ им. В.М.Васильева.

² Соловьев В.С. По пути духовного прогресса. Некоторые итоги повторных социологических исследований проблем быта, культуры, нацио-

нальных традиций, атеизма и верований населения Марийской АССР – Йошкар-Ола, 1987 – 160 с. – С.104,106

³ Конституция Республики Марий Эл – Йошкар-Ола:Мар.кн.изд-во, 1995 – 70с. –С.6.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

**Губогло М.Н. Страсти по доверию.
Опыт этнополитического исследования
референдума в Гагаузии.
М.: ИЭА РАН, 2014. 214 с.**

В книге предлагается новаторский подход осмысления и интерпретации запрещённого властями референдума, проведённого в автономно-территориальном образовании (АТО) Гагаузии 2 февраля 2014 года и получившего широкий международный резонанс. Анализируя хронику событий, в том числе энергетику и поэтику подготовительных митингов, раскрывая истинные задачи и цели инициаторов, аргументацию противоборствующих элит Комрата и Кишинёва, несовпадающие внешнеполитические ориентации и внутривнутриполитические вкусы сторонников и противников референдума, автор делает вывод о конфликтной сущности референдума, как решительной борьбы за доверие и за возможность формирования в демократических условиях этнической, гражданской и региональной идентичности.

В.Г. Чеботарева*

МЕНТАЛИТЕТ СОВЕТСКОГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА В ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Экспансионистские планы германского фашизма, направленные против Советского Союза планировались задолго до начала 1940-х гг. А. Гитлер в книге «Майн кампф» писал: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России, а также к соседним с ней и зависимым от нее странам... Это громадное государство на Востоке созрело для гибели... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением правильности расовой теории»¹.

В декабре 1940 г. был утвержден план агрессивной войны против СССР под кодовым названием «Barbarossa Fall» - «Барбаросса план». Планировался Blitzkrieg – вторжение и молниеносный разгром основных сил Красной Армии западнее Днепра и Зап. Двины, выход на линию Архангельск – Волга – Астрахань, захват территории до Урала. Войну предполагалось выиграть в течение 2 – 3 мес.

Цель заключалась в том, чтобы стереть с Карты мира СССР, уничтожить советский государственный и общественный строй, ликвидировать российскую национальную государственность, превратить богатую природными ресурсами страну в аграрно-сырьевую колонию Германии.

Захватнические замыслы завоевателей подкреплялись планами онемечивания и физического уничтожения народов Советского Союза. Геноцид был запланирован для большей части русского народа, в первую очередь интеллигенции, как носителя национальной культуры и самосознания, научных и технических знаний². Предполагалось разгромить русских как народ административным дроблением территории, планомерным обособлением отдельных областей, формированием местных амбиций, сокращением численности населения за счет снижения рождаемости, стерилизации женщин.

В соответствии с планом «Ост» предусматривалось осуществить германизацию 50% латышей, литовцев и эстонцев; остальных, как «неполноценное население» – ликвидировать. Тотальное уничтожение было уготовано евреям и цыганам³.

Но германские стратеги просчитались. В первые же дни войны Советским Правительством были приняты меры по укреплению обороноспособности армии и тыла, переводу экономического потенциала страны на военные рельсы. Были введены чрезвычайные формы государственного и партийного руководства Вооруженными Силами, народным хозяйством, общественно-политической и культурной жизнью страны. Все это обеспечило единство народа и армии, единство, которого не знала история прошлого ни отечественная, ни всемирная⁴.

Для идеологического обеспечения разгрома врага важнейшее значение имело политическое заявление И. В. Сталина: война с Германией – это война Отечественная, освободительная за спасение многонационального советского народа от фашистского порабощения. При этом Сталин выдвинул на первый план славянский фактор с обращением к героическому прошлому русского, украинского, белорусского и других народов Союза ССР.

Историк Ф.Л. Синицын приводит статистику этнополитической основы сталинской концепции о ведущем значении славянского фактора в Отечественной войне: к 1941 г. в Союзе ССР славянские народы составляли 73% населения, в Красной Армии – 84,7%, (русские – 61%, украинцы – 19,6%, белорусы – 4,1%). Поэтому в идеологической работе первостепенное значение приобрели исторические боевые традиции славян, их многовековая борьба с немецкими захватчиками, с «псами-рыцарями», что получило широкое отражение в славянском фольклоре⁵.

С обнародованием концепции И.В. Сталина об Отечественной, освободительной войне тема возмез-

* Чеботарева Валентина Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Узб.ССР.

Всероссийская научно-практическая конференция «Народы Южного Урала на страже Родины», посвящённая 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска (30 апреля 2014 г., Оренбург)

Ведущие форума: ректор ОГУ, профессор В.П. Ковалевский; проректор ОГУ, профессор С.Н. Летута; директор НИИ истории и этнографии Южного Урала, профессор В.В. Амелин

Пленарное заседание конференции

Выставка архивных документов Центра документации новейшей истории

Выставка экспонатов музея Казачьей Славы общества «Славянское»

X Всероссийская научно-практическая конференция «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона», посвящённая Дню славянской письменности и культуры (23 мая 2014 г., Оренбург)

дия фашистским захватчикам становится центральной в официальной агитации и пропаганде, в мыслях и чувствах советских людей. И хотя план «Барбаросса» по уничтожению СССР не был известен советской общественности, стратегия тотального разрушения, геноцида славян была очевидной: фашисты бомбили города, уничтожали исторические памятники, терроризировали население оккупированных районов бесчеловечным режимом⁶. Весь ход войны, пишет Н.Д. Козлов, не оставлял сомнений в геополитических планах гитлеровского рейха по отношению к СССР.

Начиная войну, руководство фашистской Германии рассчитывало не только на свои вооруженные силы, но и на межнациональные противоречия в Советском Союзе. Планировалось осовременить сложившиеся в глубине веков местные националистические предпочтения, возбудить сепаратистские тенденции, спровоцировать межэтнические конфликты, поднять этнические сообщества против русского народа. В прибалтийских странах предлагалось провести политику этнизации: использовать противоречия между литовцами, эстонцами, латышами и русскими; в южных регионах России – возможные противоречия между украинцами и великороссами; на Кавказе – между грузинами, армянами, татарами и русскими. Но, ход войны показал, что план разрушения интернационального единства Союза ССР оказался химерой.

Военной машине гитлеровской Германии противостоял многонациональный состав Советских Вооруженных Сил, политическое и социально-экономическое единство наций. По данным на май 1942 г. действующую армию составляли 5 млн. 500 тыс. воинов, в том числе более 1200 тыс. грузин, азербайджанцев, армян, узбеков, казахов, киргизов, башкир и т.д. Анализ национального состава 200 стрелковых дивизий показал: на 1 января 1944 г. русские в них составляли 58,32%, украинцы – 22,27, белорусы – 2,66, воины тюркских и других этносов – 16,75%. Среди личного состава Северо-Западного фронта числились представители более 40 национальностей СССР⁷.

Своеобразием отличались соединения, формировавшиеся за счет людских и материальных ресурсов Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении, Латвии, Литвы и Эстонии. В союзных республиках было укомплектовано свыше 80 дивизий и отдельных бригад. Среди этих соединений выделялись национальные формирования, в которых представители коренных национальностей составляли 40 – 80% личного состава⁸. В монографии «Победа – одна на всех», изданной к 65-летию Великой Победы, учеными Содружества Независимых государств⁹ обнародованы

и осмыслены с современных позиций новые материалы, которые убеждают читателя: многонациональный состав Советских Вооруженных Сил олицетворял боевое братство народов СССР, их преданность Советской Родине.

Для полного разгрома фашистской Германии и ее сателлитов – Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии – важнейшее значение имело идеологическое обеспечение действий Красной Армии. С первых дней войны тема защиты Родины стала превалировать в публицистике, художественной литературе, киноискусстве. Одними из первых на службу идеологии Победы поставили свое творчество художники-плакатисты, создавшие произведения на патриотические, антифашистские темы. Чувством личной сопричастности к трагическим событиям 1941 г. проникнуты знаменитые плакаты: «Родина-мать зовет!», «Ты записался добровольцем?», «Наше дело правое, враг будет разбит!» Художники Г. Тоидзе, Д. Мор, Д. Шмаинов, В. Иванов, Б. Пророков, Б. Ефимов в содружестве с поэтами и писателями С. Маршаком, В. Лебедевым-Кумачом, К. Симоновым, С. Михалковым, И. Эренбургом, В. Инбер создали плакаты, взывавшие к чувству благородной мести: «Воин Красной Армии, спаси!», «Отомсти!».

Требованиям военного лихолетья отвечало создание популярных статей и брошюр, посвященных героическому прошлому России, Украины, Белоруссии, Казахстана. В то время, когда на полях сражений решались судьбы всех народов СССР, выходили в свет статьи ученых Академии наук СССР по актуальным вопросам отечественной истории. Пропаганда боевых исторических традиций посвятили свои работы выдающиеся ученые: С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, Е. В. Тарле, Б. Д. Греков, М. В. Нечкина, В. И. Пичета¹⁰. В популярной форме, рассчитанную на широкую аудиторию, они рассказывали об освободительной борьбе славян против ордынского ига; об отражении Русью агрессии немецких феодалов в XII - XV веках; о подъеме национального самосознания русских в период польско-шведской интервенции (XVII в.) Отдельные публикации посвящены деятельности выдающихся русских полководцев¹¹, заложивших основы русской национальной школы военной стратегии и тактики в боях с неприятельскими армиями.

Подъему патриотических чувств служили труды Д. С. Лихачева, А. С. Орлова, повествующие о том, как в древнерусской литературе, в эпосе тюркских народов отражались героические подвиги предшествующих поколений¹². Историк О. В. Дружба замечает по этому поводу: для того, чтобы выстоять в войне понадобилась опора на глубинные пласты культуры, сознания, на вековые традиции. Патриотическая идея была определяющей в духовной жизни общества, поэтому в статьях, публиковавшихся в центральных

газетах, в военной периодике, в солдатских листках особое внимание уделялось историческим традициям защиты многонационального Отечества¹³.

Прошло 70 лет после разгрома фашистской Германии и ее сателлитов. Победа достигнута ценой гибели миллионов советских солдат и мирных жителей, тотального разрушения человеческого судеб, разорения производительных сил Украины, Белоруссии, западных регионов России. Трагическая история войны не канула в Лету. За прошедшие годы создана многотысячная историография Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Преданность родной земле, фантастическая стойкость в преодолении трудностей военного лихолетья, неистребимая готовность защищать свободу и независимость Отчизны – вся эта гамма чувств и морально-психологических установок, свойственная менталитету советского народа, получила отражение в трудах историков, философов, филологов, социологов, психологов, этнографов.

Историческая приверженность к национальной культуре, образу жизни, традиционным семейным устоям, духовным и моральным ценностям вызвали в годы Великой Отечественной войны мощное патриотическое движение. Перспектива порабощения Отчужденного края фашистскими ордами воспринималась как зловещая угроза, нависшая над домашним очагом. Духовная сила народов России, Украины, Белоруссии, Кавказа, Центральной Азии¹⁴ складывалась веками, и проявилась у тысяч граждан в осознанном понимании неизбежности жертв во имя свободы и независимости Родины.

В историографии Великой Отечественной войны социальная психология долгое время сводилась в основном к воспитательной работе в рамках советской идеологии; при этом игнорировались представления человека о мире, в котором он живет, мысли и чувства в экстремальных условиях войны. На фоне пылающих в пожаре городов и деревень, грандиозных сражений советских войск с войсками вермахта, судьба личности в исследованиях ученых оказывалась в тени, вопреки тому, что именно преданность Родине миллионов, психологическая установка на ее защиту, и привели к победоносному завершению войны.

С середины 1990-х гг. в исторической науке возникла освежающая тенденция – отход от прямолинейной политизации истории, обращение к человеку, его образу жизни, системе моральных и нравственных ценностей, к совокупности черт, составляющих менталитет человека. В науке, пишет А.В. Басов, происходит поворот от исторической методологии к общечеловеческим факторам, к учету данных психологии, демографии, права, нравственности, национальных ценностей, но при этом искусственно создается вакуум вокруг таких понятий, как

патриотизм, интернационализм, воинская доблесть; переосмыслению подвергаются не только неудачи в войне, но и победные сражения от Московской до Берлинской операций, которыми мы гордимся¹⁵.

А.А. Киселев, автор неординарной книги о жизни земляков¹⁶, отмечает: изданы тысячи книг о войне, о верности долгу, мужестве и героизме, самопожертвовании и презрении к смерти, но мало кто знает об условиях жизни солдат и офицеров на передовой, о приспособлении быта к условиям войны в тылу, о преодолении тягот, связанных с войной. Историк критически отозвался о мемуарной литературе, в которой преобладает мажорный тон, преувеличена роль партийных комитетов и политотделов в укреплении идейно-политического единства общества, армии и народа.

Тема человека в войне, его забот и переживаний, физических и нравственных страданий долгое время не разрабатывалась в отечественной историографии. Специальные исследования появились только в начале 1990-х годов. Одними из первых к моделированию психологии человека военного времени обратились О.В. Дружба, В.В. Серебрянников, Е.С. Сеньявская, В.А. Агеева, М.В. Андриенко, А.Ф. Замалева¹⁷. Успешную реконструкцию методов воздействия на сознание людей общественно-политической обстановки 1941 – 1945 гг. предприняла Е.С. Сеньявская. Она провела научный поиск на стыке военной науки, психологии, социологии, источниковедения, истории и установила степень влияния политических и социальных факторов на психологию человека, показала, каким образом в сознании граждан, проживающих на оккупированной территории, формируется образ врага¹⁸.

Своеобразие менталитета народов Союза СССР, проникнутого идеями патриотизма, получило отражение в литературе последних лет и по тематике, которая в 60 – 80-х гг. не разрабатывалась. Современным подходом к исследованию проблемы отличаются монографии Н. Козлова, А.И. Костяева, В. Юрьева и других ученых России, посвятивших труды вопросам эволюции общественного сознания¹⁹.

К числу новых направлений в историографии Великой Отечественной войны относится изучение менталитета во взаимосвязи с патриотизмом. В.Ф. Зима, обосновывая значение темы, дает жесткую оценку трудам коллег: «Наша историческая литература о Второй мировой войне не отличается человечностью. В ней преобладают политические фигуры и пропагандистские образы. Главные действующие лица – бойцы передовых линий на фронте редко появлялись на страницах научных изданий. Правду о войне сказали в своих художественных произведениях писатели: А.Твардовский, Д. Самойлов, В. Быков, В. Астафьев. Прошло 50 лет, а конкретно о чело-

веке, его поведении, сознательных и неосознанных поступках никто из историков не написал»²⁰.

В связи с тем, что российский менталитет имеет глубокие исторические корни, В.Ф. Зима исследовал проблему по основным критериям: национальный характер, влияние религии, национальных традиций, духовной и бытовой культуры, природно-климатических условий. Исходя из того, что 90% действий человека совершается на подсознательном уровне, ученый пришел к выводу: ядро менталитета составляет историческая память, которая реализуется в сознательных и неосознанных проявлениях. Свойства менталитета гражданина России – национальный характер, историческая память – проявились в период войны со всей очевидностью: они помогли не терять веру в Победу над врагом, воодушевляли на самоотверженный труд во имя достижения великой цели.

Научно обоснованную трактовку российского менталитета представил П.В. Петрий²¹. Ученый опирается на суждение Ф. Энгельса о национальном характере русского народа. Многовековая борьба с захватчиками с Востока и Запада, общинные традиции в мирной жизни, по мнению Ф. Энгельса сформировали выносливое, храброе, стойкое, способное преодолевать любые тяготы и лишения население русского государства, поэтому *«объединенные в батальоны массы русских почти невозможно разорвать: чем сильнее опасность, тем плотнее смыкаются они»*. Таков русский характер, соглашается с классиком П.В. Петрий: именно в решающий момент происходила концентрация энергии; самоотверженность и организованность армии и народа становились на пути врага непреодолимой преградой.

Возвращаясь к событиям 1941–1945 гг., ученый пишет: одержав победы на Западе, гитлеровцы были готовы к молниеносной войне против Советского Союза; они рассчитывали духовно сломить наш народ и добиться очередной победы. Но, как показали события, военно-политическое руководство вермахта не было готово к войне – оно не имело представления о духовных основах русского и других народов СССР. Вместо духовной податливости враг столкнулся с огромной моральной стойкостью; вместо торжества «пятой колонны» – с беспримерным размахом партизанского движения в своем тылу; вместо национальной вражды – с единством всех народов страны в общей борьбе с фашизмом.

Ни одна война в тысячелетней военной истории не дала столько массовых примеров беспредельной самоотверженности, мужества и героизма, как Великая Отечественная 1941-1945 гг. Готовность к самопожертвованию стала массовой, и в его основе был не фанатизм, а глубоко осознанное стремление сделать все возможное и невозможное для защиты Отечества. Архивы, мемуарная литература свидетель-

ствуют: война вызвала небывалый духовный подъем, огромный энтузиазм масс, личную заинтересованность абсолютного большинства населения в достижении Победы.

Военно-политическое руководство страны не рассчитывало только на стихийно возникшее движение в защиту Отечества. Государственно-патриотической идеей, направленной на консолидацию многонационального сообщества, с первых дней войны стала традиционная для России общенациональная, защитная по своему характеру идея, заявленная в XIII веке Александром Невским: «Чужой земли нам не надо, но и своей земли мы ни пяди не отдадим. А кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. На том стояла, и стоять будет земля русская». П.В. Петрий справедливо полагает: в конкретно-исторических условиях 1940-х гг. эта идея трансформировалась в понятия: «Родина-мать», «Священная война», «Отечественная война» и нашла воплощение в лозунге-призыве «Смерть фашистским оккупантам!»²².

Отмечу, кстати, что тема – «Родина-мать» в 40-х годах пронизывала советскую поэзию, которая распространялась в войсках через центральную и войсковую печать, передачи радио, творчество фронтовых театральные бригад. Огромной силой эмоционального воздействия отличались стихи о Родине К. Симонова, А. Твардовского, О. Берггольц и других поэтов. Не мог оставаться равнодушным, со спокойным сердцем, боец после прочтения знаменитого стихотворения К. Симонова «Если дорог тебе твой дом».

Невозможно без волнения читать эти строки даже теперь.

*Если дорог тебе твой дом, \ Где ты русским выкор-
млен был, *

*Под бревенчатым потолком, \ Где ты в люльке, ка-
чаясь, плыл; *

.....
*Если мать тебе дорога – \ Тебя выкормившая
грудь, *

*Где давно уже нет молока, \ Только можно щекой
прильнуть, *

*Если вынести нету сил, чтоб фашист, к ней по-
стоим став, *

*По щекам морщинистым бил, \ Косу на руку намо-
тав... *

*Если ты фашисту с ружьем \ Не желаешь навек
отдать *

*Дом, где жил ты, жену и мать, \ Все, что Родины
мы зовем, – *

*Знай, никто ее не спасет, \ Если ты ее не спасешь; *

*Знай, никто его не убьет, \ Если ты его не убьешь. *

*И пока его не убил, \ Помолчи о своей любви, *

*Край, где рос ты, и дом, где жил, \ Своей родиной
не зови...*

Победа над агрессором была достигнута не только благодаря массовому патриотическому движению, но и организующей роли партийных комитетов. В последние годы публицисты, страдающие русофобией, понаторели на фальсификации истории войны с фашистской Германией, роли ВКП(б) в обеспечении Великой Победы. Факты говорят о другом: все годы военного лихолетья Коммунистическая партия была в авангарде воющего народа: 80% ее членов находились в рядах действующей армии, в партизанских отрядах, подпольных организациях в тылу врага; это были честные, искренне верящие в победу люди, более 3 млн. из них (50%) пали в боях или погибли в застенках концлагерей фашистской Германии²³.

Проблеме менталитета посвятили свой труд М. В. Андриенко и С. И. Линец²⁴. Изучив документы государственных архивов и мемуарную литературу, ученые исследовали архетипы поведения жителей Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны. Ими установлено: получив известие о нападении фашистской Германии, большая часть населения региона находилась в состоянии сильнейшего психологического стресса, но очень скоро на смену оцепенения и растерянности пришло четкое осознание угрозы фашистского порабощения.

Исследователи приходят к выводу: на Ставрополье сильный психологический стресс, вызванный падением Германии, недолго удерживал сознание людей в состоянии подавленности и растерянности. Многие психологи, пишут они, «понятие стресса определяют как защитную реакцию организма. В нашем случае мы имеем сверхзащитную реакцию, выраженную в готовности положить все силы, чтобы оказать достойный отпор врагу».

Авторы убеждены: твердая позиция ЦК ВКП(б), краевой партийной организацией позволили в короткий срок перейти от растерянности, а в ряде случаев и паники – к организованности и ответственности. Как и по всей стране, в Ставрополье поднялась волна патриотических инициатив – за первые две недели в военкоматы поступило около 6 тыс. заявлений с просьбой отправить на фронт. В числе первых были коммунисты, ответственные работники Ставропольского крайкома и Карачаевского обкома партии. По партийной мобилизации на фронт ушли 14 тыс. коммунистов – 40% краевой партийной организации. На местах развернулась подготовка войскового пополнения через систему Всеобуча.

Нельзя не согласиться с М. В. Андриенко и С. И. Линец в их оценке политики, проводимой в период войны: в стремлении людей оказать фронту всемерную помощь важнейшую роль сыграла государственная политика, которая через радио и печать, политико-воспитательную работу в коллективах, насажда-

ла в народе чувство ненависти к врагу, взывала к патриотическим чувствам граждан, к боевым историческим традициям. В конечном итоге «государственному руководству удалось удержать морально-психологический климат в стране в нужном русле. Жесткая система вертикальной власти, однопартийность – сыграли положительную роль в организации и перестройке всей жизни на военный лад»²⁵.

В наши дни враждебно настроенные к России публицисты, пытаясь очернить значение Победы 1945 г., акцентируют внимание на многочисленных случаях нарушения прав человека накануне и в период войны и делают вывод, что система управления страной не выдерживает критики. Оставив в стороне самостоятельную проблему репрессий 30-х годов, М. В. Андриенко и С. И. Линец приходят к выводу: в условиях фашистской оккупации огромной территории Союза ССР «более приемлемой формы управления государством не было. Споры о том, насколько удачно коммунисты могли управлять страной и многомиллионными массами народа, в данном случае неуместны. Система оправдала себя ... Такой самоотверженности и героизма людей история не знала».

Своеобразие менталитета советского народа, проникнутого идеями патриотизма, получило отражение и в ряде других публикаций. Оригинальным подходом отличаются монографии Н. Козлова, А. И. Костяева, В. Юрьева и других ученых России, посвятивших свои труды вопросам общественного сознания²⁶. В рамках проблемы менталитета опубликованы сборники документов архивов Юга России²⁷, воспоминания участников событий военных лет. Эти и другие издания, несомненно, послужат ценным подспорьем при подготовке исследований в перспективе²⁸.

Обзор литературы по особенностям менталитета в период военного времени позволяет сделать вывод: весьма перспективным направлением может стать изучение проблемы на материалах конкретных регионов на стыке наук: истории, философии, этнологии, национальной и социальной психологии. Солидарна с мнением В. А. Агеевой: существующие публикации представляют собой значительный вклад в научное осмысление социально-психологических явлений Великой Отечественной войны; однако многогранный жизненный мир человека-тыла недостаточно изучен, и этот вопрос требует дальнейшей разработки²⁹.

Рассмотрим проявления менталитета многонационального советского народа в реалиях военного времени на материалах выдающихся событий, определивших победоносный разгром фашистской Германии в Великой Отечественной войне: на сюжетах, связанных с историей защиты Брестской крепости, обороны Ленинграда, битвы за Москву, за Ржевский плацдарм.

Брестская крепость

С середины 1930-х гг. в советской официальной пропаганде целенаправленно проводилась идея государственного патриотизма в сочетании с идеями дружбы народов, пролетарского интернационализма; в конце 1930-х гг. партийные теоретики трактовали национальный патриотизм в общесоюзном масштабе – как советский патриотизм. И они были не далеки от истины: в первые же дни войны на западных рубежах СССР патриотизм воинов проявил себя не как этнический, национальный, а как советский патриотизм. Известно, что среди защитников Бреста были не только русские, украинцы и белорусы, но и казахи, чуваша, якуты, выходцы из других национальных районов.

Этот феномен – патриотизм в его многоликом, многонациональном проявлении – подметил историк М. Солонин. Он пишет: на рассвете 22 июня 1941 г., на западной границе, в том числе у Бреста, командиры и комиссары смогли сохранить порядок и управляемость, смогли удержать своих солдат³⁰ от заражения всеобщей паникой. Враг получил достойный отпор уже в первых боях; и это – не единичные случаи, такие дивизии, полки, батальоны и батареи были на каждом участке фронта³¹. Десятки тысяч бойцов и командиров Красной Армии оказались в хаосе всеобщего бегства без связи, без надежды остаться в живых, но не сдавались и снова, и снова заставляли немцев перестраиваться из походного порядка в боевой, сбивали темп наступления врага. Героические сюжеты брестской трагедии описаны в монографиях и сборниках документов³².

Непоколебимая стойкость красноармейцев различного этнического происхождения явилась важнейшей стратегической предпосылкой нашей Победы над фашистской Германией. Убедителен вывод М. Солониной: «Безмянным героям первых дней войны ... предстояло погибнуть в неизвестности, так и не узнав, удалось ли им приблизить ценой своей жизни одну общую победу. Большинству из них не досталось ни орденов, ни славы ... Но именно они своим жертвенным подвигом спасли страну. Они выиграли то драгоценное время, которое было необходимо для того, чтобы глубинный переворот в отношении народа к войне мог состояться»³³.

Оборона Ленинграда

С вторжением Фашистской Германии на западные регионы смертельная опасность нависла над Ленинградом. Эпопее защиты научно-культурного центра России посвящена обширная литература. В.Г. Рохмистров изучил воспоминания ленинградских ополченцев, боевые дневники гитлеровских дивизий и немецких солдат и создал труд, в котором привел уникальные свидетельства героизма советских солдат³⁴.

С вторжением гитлеровских войск важнейшим направлением обороны Ленинграда был Лужский рубеж. Описывая первые 10 дней войны (июнь 1941 г.), участник боев М. М. Попов вспоминал: «Мы еще не знали замыслов противника, но в общих чертах представляли, чего добивается гитлеровское командование... Нам стало ясно, что на Лужском рубеже бои частного порядка перерастают в крупную оборонительную операцию. По ходу сражения за минувшие десять дней ... мы сумели выиграть. Противнику не удалось с ходу прорваться к Ленинграду. Ликвидирована и его попытка выйти на Нарвское шоссе ... в тыл лужской группировки Мы заставили врага перейти от действий передовыми отрядами к развертыванию основных сил, вводить в бой резервы»³⁵.

В самые напряженные дни М.М. Попов видел, как на кингисеппском участке дрались ополченцы: «Я был потрясен. Люди с гранатами бросались на танки врага, со штыками на перевес шли на его пулеметы. Как командующий, я чувствовал вину за то, что не могу надежно поддержать их артиллерийским огнем, защитить танковой броней, прижать врага бомбовыми ударами с воздуха». У фронта не было в резерве даже артиллерийского дивизиона, танковой роты М. М. Попов пишет: «...нам удалось нейтрализовать преимущество врага в технике и оружии, сбить темп его наступления, решительными и дерзкими контратаками, заставить пройти противника к обороне» главным образом за счет «необычайно высокого морального духа, стойкости и мужества бойцов и командиров»³⁶.

Тяжелые оборонительные бои шли на Мурманском, петрозаводском, олонекском направлениях, где 14-я, 7-я, и 23-я армии сдерживали натиск превосходящих сил противника. Но главной задачей оставалась оборона Ленинграда с юго-запада. Участник битвы за Ленинград А.А. Новиков писал: «Последние шесть дней второй декады июля были характерны ожесточеннейшими воздушными схватками... Противник бросил сюда основные бомбардировочные и истребительные силы... Враг стремился задавить наши малочисленные войска, почти не имевшие танков, массой своей наземной и воздушной техники. Но ополченцы и курсанты, активно поддерживаемые летчиками, стояли насмерть»³⁷.

В условиях скудного технического обеспечения советские летчики в боях над Лужской оборонительной полосой стали применять таран³⁸. Только за первые 40 дней воздушные защитники Ленинграда нанесли по врагу 20 таранных ударов. «Но эти первые 20 были решающими, отмечает - В.Г. Рохмистров, - Необыкновенная... фантастическая стойкость духа советских летчиков в огромной степени помогла нам под Ленинградом уже в июле 1941 г. свести почти на нет численное и техническое превосходство фашистской авиации».

Столкнувшись с таким необъяснимым для них явлением, как таран в небе, гитлеровские летчики были настолько обескуражены, что их стал преследовать страх перед тараном. И уже на исходе первого месяца войны немецкие пилоты стали избегать сближения с нашими истребителями на расстояние меньше ста метров. Страх перед тараном позволял нашим летчикам свободнее маневрировать в воздухе. Были зафиксированы случаи, когда немецкие асы уклонялись от боя³⁹.

Военные историки отмечают, что таран оказал сильное политико-воспитательное и психологическое воздействие на советских летчиков. Уже тогда, в самый тяжелый период войны, советская авиация взяла верх над моральным состоянием противника в небе. Безоглядная смелость и бесстрашие дали блестящие результаты: за период с 22 июня по 19 июля 1941 г. противник потерял 1284 боевых самолета, т.е. более четверти всей авиации, которой он располагал на Восточном фронте⁴⁰.

Оборона Ленинграда – блестящая страница отечественной истории. «Ленинградская битва – пишет исследователь В.И. Скворцов, – не имеет аналогов по длительности и беспримерности мужества и героизма не только солдат и офицеров Красной Армии, но и всех жителей Ленинграда от мала до велика, которые вместе с солдатами и моряками по праву стали творцами Ленинградской Победы»⁴¹. Оборона Ленинграда не имеет аналогов и по беспримерной жестокости и зверства, с которыми гитлеровские оккупанты вместе со своими европейскими союзниками [венграми, итальянцами, финнами, румынами и ополченцами из Испании – В.Ч.] отдали миллионный город на гибель, методично усиливая страдания умирающих от голода и холода людей систематическими артобстрелами и бомбардировками⁴². В.И. Скворцов замечает: опубликовано много научных исследований, воспоминаний участников блокады, но до сих пор актуальна проблема истоков духовной стойкости и мужества ленинградцев; они проявили духовную нравственную силу и этим победили.

Но не только посредством голода фашисты проводили политику геноцида, тысячи жителей Ленинградской области планомерно уничтожались в концентрационных лагерях. На территории 18 районов Ленинградской области погибли 143 тыс. человек, в том числе 23,9 тыс. - умерли от истязаний в гестаповских тюрьмах; 109 955 военнопленных погибли в 13 концентрационных лагерях; 254,3 тыс. человек угнано в Германию.

Приводя этот смертельный мартиролог, Е.А. Бочков указывает на демографические последствия массовой гибели населения оккупированной области: в результате террора были подорваны основы

воспроизводства населения Ленинградской области⁴³.

Против ленинградцев сражались войска целой коалиции фашистских государств. Никогда почти трехмиллионный город не находился в условиях военной осады так долго, но выдержал и победил врага. Г.К. Жуков, командующий Ленинградским фронтом в 1941 г. хорошо понимал степень жертвенности подвига ленинградцев: «Ленинград оказался первым стратегическим объектом на пути вермахта, который он не смог взять. Ни массовые жертвы, ни постоянные чрезмерно напряженные бои не сломили боевой дух и доблесть защитников города... Ленинградцы, воины фронта и флота предпочитали смерть в борьбе с врагом, нежели сдать врагу город».

Президент США Ф. Д. Рузвельт в стойкости ленинградского характера увидел символ международного значения. 17 мая 1944 г. он подписал Почетную грамоту Ленинграду: «От Соединенных Штатов Америки я вручаю эту награду г. Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи отрезанными захватчиками от остальной части своего народа и, несмотря на непрерывные обстрелы и неизъяснимые страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город ... и тем самым символизировали негибаемый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов, сопротивлявшихся силам агрессии»⁴⁴.

Феноменальная сила духа ленинградцев, способность противостоять физическим страданиям, но не сдаваться, следует рассматривать в тесной связи с предшествующим вековым развитием города, с его уникальным историческим опытом и культурой. Проф. О.Л. Краева сделала интересное наблюдение: «Войны, задавая людям крайне экстремальные условия существования и напряжения всех сил, проверяют на прочность не только границы государств, но и границы человеческой меры, устойчивость того уровня, человечности, который достигнут на данный исторический период времени»⁴⁵. В период войны, подчеркивает автор, духовные силы людей, сжимаясь под мощным давлением Истории, переходят на новый виток для сохранения и преумножения достигнутого цивилизацией уровня человечности.

Именно этот высокий уровень человечности продемонстрировал всему миру Ленинград на новом витке истории, когда на рубеже 1930 – 1940-х гг. мир был разрушен, и две цивилизации столкнулись в жестокой схватке на полях России.

Битва за Москву

Чувство советского патриотизма особенно ярко проявилось в действиях бойцов фронта и тыла, когда враг оказался на подступах к столице Союза ССР.

В фундаментальном труде, созданном учеными России и Белоруссии – «Энциклопедия Победы. Беларусь – Москва»⁴⁶ подчеркивается, что столица СССР занимала центральное место в стратегическом плане «Барбароссы». Военные теоретики Германии понимали: не взяв Москвы посредством реализации идеи Blitzkrieg – молниеносной войны – им не одержать победы над Советским Союзом.

Группа гитлеровской армии «Центр», дислоцированная в 150 км. от столицы, осенью 1941 г. представляла собой мощную ударную силу. На Московское направление враг бросил крупнейшую стратегическую группировку: 42% войск, треть орудий и минометов, три четверти танков и около половины самолетов от общего их количества на советско-германском фронте⁴⁷. Авторы «Энциклопедии Победы. Беларусь – Москва» в метафорической форме описывают дислокацию: фашистская группа была «подобна пистолету, приставленному к сердцу столицы России». Гитлеровское командование плану наступления дало название «Тайфун», подчеркивая сокрушительную силу направляемого удара и уверенность в победоносном завершении войны.

Советские войска, не обладая, ни численным, ни техническим превосходством, в тяжелых боях измотали, обескровили врага, и в начале декабря 1941 г. перешли в стремительное контрнаступление. Более чем миллионная фашистская группировка была разгромлена и отброшена. Военные историки убеждены: если бы Москва не устояла, не было бы и победы под Сталинградом, Ленинградом, Курском. События под Москвой повлияли не только на ход войны, но и на судьбы Европы. Это величайшая в военной истории битва одержана благодаря героизму солдат Красной Армии, ополченцев Москва и Московской области во взаимодействии с партизанскими отрядами.

Москву, как и другие крупные города России, защищали многонациональные соединения. Архивы, периодическая печать военного времени сохранили многочисленные примеры их высокой патриотической ответственности за историческую судьбу столицы⁴⁸. Хрестоматийным стало заявление, прозвучавшее, подобно призыву, в ноябре 1941-го у разъезда Дубосеково⁴⁹: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!»

Писатель В. Кожин привел аналогичный пример именно такого понимания советским солдатом культурно-исторического значения Москвы. Баурджан Момыш-улы в начале декабря 1941 года оказался со своим батальоном вблизи Москвы – восточнее Крюково⁵⁰. Определяя обстановку по карте, он искал промежуточный рубеж от Крюкова до Москвы, где можно было бы зацепиться, но этого рубежа не нашел. Уроженец Казахстана представил себе врага на улицах Москвы, строй гитлеровцев в парадной

форме во главе с «генералом в белых перчатках и с легкой усмешкой победителя» и распорядился: сожгите карту, «нам больше не понадобится ориентироваться и изучать местность восточнее Крюкова...»⁵¹. Баурджан Момыш-улы решил стоять со своим батальоном насмерть.

Справедливо мнение В. Кожина: патриотизм во время войны с фашистской Германией был не только «русским явлением»; убеждение в невозможности сдачи Москвы врагу определялось не собственно «русским» сознанием: перед нами – коренной казах, преданный национальным традициям, бескрайним степям Казахстана, но Москва, которую он никогда не видел, была для него центром того геополитического мира, в котором он родился, вырос, стал профессиональным военным. Писатель приходит к философскому обобщению: слова Момыш-улы о немецком генерале, шагающем по улицам Москвы, – безусловное неприятие власти иного *мира* над миром, в котором русские, казахи и другие народы России уже много веков разделяли общую судьбу. Центром этого мира, пишет В. Кожин, «давно уже стала Москва, и Баурджан Момыш-улы органически не может отдать ее во власть чуждого мира»⁵².

Б. Момыш-улы – был одним из многих казахстанцев, мобилизованных на фронт в 1941 г. В наиболее трудный, начальный период войны в Казахской ССР были сформированы, обучены и отправлены на фронт 16 стрелковых и кавалерийских дивизий; в великой битве под Москвой в зимнем наступлении 1941 – 1942 гг. участвовали 238-я, 312-я, 316-я, 391-я стрелковые дивизии, 39-я стрелковая бригада; в составе Западного фронта – 387-я стрелковая дивизия, в обороне Ленинграда – 310 и 314 стрелковые дивизии. В годы войны из Казахстана ушли на фронт 242 тыс. бойцов⁵³.

Эту же тенденцию – отторжение самой мысли о возможности сдачи столицы, отметила военный переводчик Е. Ржевская. В своем дневнике она сделала запись, отражающую сознание жителей ржевских деревень: «Если немец там где-то осилит, еще не беда. Но если... немец двинет на Москву и захватит ее – это же разом загорится и небо, и земля!». Е. Ржевская замечает: «Падение Москвы – конец света, а не факт войны»⁵⁴.

В. Кожин отметил характерную особенность публикаций, посвященных битве за столицу: многие историки победу под Москвой объясняют тем, что в определенной географической точке – к поселку Красная поляна – полностью иссякли силы германских войск; но возникает вопрос: почему они иссякли именно здесь, в 16 км. от Москвы, почему это не произошло под Тверью (170 км. от Москвы), под Клином (80 км.), а именно там, откуда Москву можно разглядеть в бинокль, там, где уже в самом деле «от-

ступать некуда»? Писатель приходит к сакральному выводу: истинный смысл не в том, что германские войска как раз у самой границы Москвы утратили свою силу, а в том, что наши войска обрели здесь «сверхсилу»⁵⁵.

В первых числах декабря 1941 г. германские войска были отброшены от Москвы, в ряде мест это было беспорядочное бегство солдат вермахта. 19 декабря Гитлер объявил себя главнокомандующим сухопутными войсками и отдал отступающим армиям приказ: «Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты... Каждый населенный пункт должен быть превращен в опорный пункт. Сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником»⁵⁶.

Столкновение Германии и СССР на полях сражений было противостоянием разновеликих сил: с одной стороны военно-технологический потенциал, вооруженный человеконенавистнической расовой теорией; с другой – Красная Армия с идеологией пролетарского интернационализма и Дружбы народов. Это было столкновение разных экономических потенциалов и мировоззрений, материализацией того столкновения, которое издавна существовало между Россией и Западом в сфере духовных и морально-этических ценностей.

Битва на Ржевской дуге

Одна из трагических эпопей истории Великой Отечественной войны стала битва за Ржевский плацдарм⁵⁷. Ржевская дуга стала для обеих армий «черной дырой», которая, подобно чудовищному водовороту, втягивала советские и фашистские войска и поглощала их. Это был Молох, который пожирал своих детей. С. Герасимова дала жесткую оценку трагедии Ржева: «Героизм и самопожертвование одних стояли здесь рядом с недосмотром, просчетом, ошибками, а иногда и преступлением других. Проблемы с материально-техническим обеспечением, ошибки в планировании военных действий в целом и в отдельных операциях, недостатки в управлении войсками руководства страны и верховного армейского командования пытались решить за счет "человеческого фактора"»⁵⁸. Совершенно очевидным было стремление добиться победы любой ценой за счет неисчислимых человеческих потерь.

Командир взвода 5-й армии П. Михин вспоминал много лет спустя: «На ржевской земле мы учились воевать, а наши великие полководцы на нас учились совершать свои грядущие победы. 15 месяцев бились за Ржев и почти ничего не смогли сделать... пока немцы сами не ушли оттуда. Пусть это была победа противника, но это 2 же была и наша ... трагедия».

Германские войска, стоявшие под Ржевом неукоснительно следовали директиве Гитлера от 19 декабря – «цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата». Е. Ржевская, переводившая на русский язык допросы пленных солдат вермахта, отмечает в дневнике: в немецких частях каждый солдат лично подписывает клятву фюреру, что не сойдет со своего места у Ржева, Ржев отдать – открыть дорогу на Берлин⁵⁹..

На этом участке фронта советские войска не добились существенного успеха, но они сковали здесь большое число немецких подразделений; изматывающие военные действия ежедневно перемалывали живую и материальную силу противника и этим подтачивали гитлеровскую военную машину.

Историк А.Н. Мерцалов «стоянию под Ржевом» дал определение в метафорической форме: это «героизм другого рода – длительный и тяжелый. Это ратный труд миллионов красноармейцев в условиях постоянной смертельной опасности...»⁶⁰. Гибель тысяч светских солдат и офицеров под Ржевским плацдармом была принесена на алтарь Победы.

Завершая обзор литературы, созданной преимущественно военными историками, нельзя не отметить, что в последние годы в печати появляются скептические оценки движения сопротивления гитлеровским захватчикам, отрицается неоспоримая истина – массовый героизм советских людей в тылу и на фронте, готовность жертвовать собой во имя свободы и независимости Родины. На протяжении десятилетий в общественном сознании это не вызывало сомнений. Историк В.Т. Анисков, выступая на конференции в 2002 г., с горечью констатировал: теперь времена изменились: национальные традиции по защите Родины приходится отстаивать от несправедных наскоков, не давать извращать ту истину, что абсолютное большинство нашего народа сознавало: другой альтернативы, кроме священной борьбы с фашизмом, - нет!⁶¹

Солидарна с мнением авторитетного ученого: героизм был очевидным проявлением массового сознания; государственный патриотизм был объективной реальностью общественно-политической жизни; система ценностей советского строя доминировала и в социальной, и в национальной психологии. Достаточно полистать газеты военных лет, чтобы убедиться, что в пропаганде и агитации проводилась идея социалистического характера общественного строя, акцентировалось внимание на достижениях революции и социалистического строительства, на успехах в решении социальных проблем в довоенный период. Но доминанты советского патриотизма не противопоставлялись историческому опыту народов России по защите страны от иноземных захватчиков.

Военный историк Франции Р. Гудима высказал объективное суждение о об интернациональном единстве советского народа в годы Второй мировой войны:

«Никогда еще 180 млн. жителей, населявших 22 млн. кв. км советской территории, не были столь тесно связаны общей судьбой. Никогда еще представители различных профессий не были так крепко спаяны, как в эту войну. Рабочий на заводе, крестьянин в поле, выдающийся писатель и художник, артист армейского театра, священник, стоящий во главе партизан, все - мужчины и женщины, как в тылу, так и на фронте и даже за линией фронта — все работали для победы»⁶².

И на фронте, и в тылу советские люди отдавали все свои силы делу разгрома ненавистного врага. В контексте подтверждения менталитета советского народа в период Великой Отечественной войны уместно привести мнение академика М. К. Козыбаева, изложенное в его докладе «Великая Отечественная война (1941–1945 гг.): мифы и реалии»⁶³. Авторитетный казахский ученый заявил на конференции: «Народам было за что сражаться: за два предыдущие десятилетия была создана национальная государственность, уничтожен национальный гнет, покончено с безработицей, массовой безграмотностью; в области социальной политики обеспечено бесплатное образование и здравоохранение. В обществе утвердилась идея национального согласия, всеобщего равенства». Война, утверждает академик, отразила готовность народа к жертвам во имя спасения Отечества от чужеземного порабощения, от угрозы ко-

лонизации немецкими баронами. Советские народы объединила общность исторических судеб, струны народной души тронули слова: «Идет война народная с проклятою ордой!»⁶⁴.

Другой альтернативы не было. В 1940-е годы это понимали все. Государственный патриотизм стал объективной реальностью общественно-политической жизни. Система ценностей советского строя преобладала и в социальной, и в национальной психологии, но доминанта советского патриотизма не противопоставлялась национальным духовным и культурным традициям народов Союза ССР.

Наш гениальный провидец поэт А.С. Пушкин в драме «Борис Годунов» в лаконичной форме выразил определяющую роль народа в решении исторических судеб России на кардинальных поворотах Истории:

*«Но, знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным»⁶⁵.*

Как и в событиях XVII в., мнение народное сыграло решающую роль в достижении победы над врагом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Осознание многоликим, многоязычным сообществом смертельной угрозы, явилось решающим фактором в подъеме всенародного сопротивления гитлеровским оккупантам. Эта идея проходит красной нитью через всю историографию Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Примечания:

¹ Цит. по: Бочков Е.А. Оккупационный режим на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной Войны (1941-1944 гг.) // Ленинград выстоял и победил. К 70-летию освобождения Ленинграда от вражеской блокады и освобождения Ленинградской области. Материалы Всерос. науч. конф. 7 февраля 2014 г. СПб, 2014 С. 108.

² Козлов Н. Д. С волей к победе. Пропаганда и обывденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб, 2002 /Ленинград. обл. ун-т им. А.С. Пушкина / С. 182 -183.

³ Козлов Н. Д. С волей к победе. ... С.183.

⁴ Суходеев В.В. И.В. Сталин и полководцы, военачальники. М.: ИСПИ РАН, 2013. С. 4 - 5.

⁵ Синицын Ф. Л. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне (1941- 1945 гг.) Пермь, Из-во «ОТ и ДО», 2009.

⁶ См.: Нацистская политика «выжженной земли» в Белоруссии. 1941-1944. Минск, Беларусь, 1984; Фашистский геноцид на Украине 1941-1944. Киев, Наукова думка, 1985.

⁷ Костаков Г.И. Патриотическое воспитание защитников Родины. Харьков, Вища школа. 1984. С. 148.

⁸ Он же. С. 149.

⁹ Победа - одна на всех. Вклад союзных республик СССР в завоевание Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2010.

¹⁰ Бахрушин С.В. Героическое прошлое славян. М., 1941; Его же. Москва в 1812 и 1941 гг. // Отстояли - отстоим. Ташкент, 1942; Его же. Героическое прошлое русского народа // Пропагандист», 1943, № 19 - 20; Леонидов Н. Когда и как русский народ бил германских захватчиков // Большевик, 1941, № 11-12; Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII - XV вв. М. - Л., 1941; Тарле Е. В. Отечественная война 1812 г. и разгром империи Наполеона. М. - Л., 1941; Его же. Вулкан, готовый взорваться в любой момент. Страны Европы под фашистским игом. Ташкент, 1942; Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.-Л., 1942; Его же. Образование русского национального государства.

М., 1944; Найда С. Страницы из военного прошлого русского народа. М.- Л., 1942; Нечкина М. В. Исторические традиции русского военного героизма. М., Воениздат, 1942; Ее же. Мужественный образ наших великих предков. Ташкент, 1942; Фрунзе, 1942; Пичета В. И. Борьба украинского и белорусского народов за свою свободу (XIII в. - 1943 г.) // Вестник АН СССР, 1943, № 9 - 10.

¹¹ Тарле Е. В. Михаил Кутузов. Казань, 1941; Его же. Александр Суворов. М., 1942; Бахрушин С. В. Дмитрий Донской. Ташкент, 1942; Его же. Минин и Пожарский. Ташкент, 1942; Нечкина М. В. Мужественный образ наших великих предков. Ташкент, 1942; Фрунзе, 1942; Ее же. М. И. Кутузов. Ташкент, 1942; Пичета В. И. Александр Невский. Ташкент, 1942; Тихомиров М. Н. Великие русские полководцы. М., 1943; Его же. Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. Дмитрий Донской. М., 1944.

¹² Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. М., 1941; Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. 1945; Орлов А.С. Героические темы древнерусской литературы. 1945; Его же. Древнерусская литература XI - XVII веков. М., 1945; Его же. Казахский героический эпос. М., 1945. Толстой А. Русский характер. М., Воениздат НК Оборонны, 1944.

¹³ Дружба О.В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов-н/Дон, 2000.

¹⁴ В понятие Центральной Азии входит: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Туркмения.

¹⁵ Басов А. В. Историческая наука. Новые трактовки причин и хода Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., «Наука», 1994. С. 459.

¹⁶ Киселев А.А. Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет северян в 1941-1945 годах. 2-е изд., доп. Мурманск. Мурманское кн. изд-во, 2005.

¹⁷ Дружба О. В. Вторая мировая война. Советское общество в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д., 1991; Ее же. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д., 2000; Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997; Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории. Майкоп, 2002; Психология великой победы Советского народа. Сб. ст. Тверь, ИПП «Прометей», 1995; Агеева В.А. Человек тыла: историко-психологический аспект: (на примере жизнедеятельности коллективов учебных заведений Юга России

в годы Великой Отечественной войны). Таганрог, Изд-во Центр ГОУВПО, 2009; Андриенко М.В. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов. Пятигорск, ПГЛУ, 2009; Замалеев А.Ф. Самосознание России: исследование по русской философии, политологии и культуре. СПб, Наука, 2010.

¹⁸ Сенявская Е. С. 1941-1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Ее же. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России М., 1999.

¹⁹ Духовный потенциал победы. Сб. статей. М., 1990; Козлов Н. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб. 1995; Его же: Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб. 2008; Юрьев В. Великая Отечественная война - интернационализм и патриотизм. М., 1996; Зима В.Ф. Менталитет народов России. М., 2000; Костяев А.И. Цивилизационный процесс и патриотическое сознание. М., 2008 Философия освобождения. М., 2005. См. также: Менталитет россиянина. Материалы Всероссийской конференции. СПб 2000.

²⁰ Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов. М., 2000. С. 15.

²¹ Петрий. П. В. Победа советского народа в Великой Отечественной войне как историческая духовная ценность // Философия освобождения. Материалы заседания Философского клуба. Коллективная монография. М., «Мегапир», 2005.

²² Петрий П. В. Победа советского народа ... С. 101.

²³ Он же. С. 103.

²⁴ Андриенко М.В., Линец С.И. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов. Пятигорск, РИА-КМВ. 2009.

²⁵ Андриенко М.В., Линец С.И. Население Ставропольского края... С. 23.

²⁶ Духовный потенциал победы. Сб. статей. М., 1990; Козлов Н. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб. 1995; Его же: Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб. 2008; Юрьев В. Великая Отечественная война - интернационализм и патриотизм. М., 1996; Зима В.Ф. Менталитет народов России. М., 2000; Менталитет россиянина. Материалы Всероссийской конференции. СПб 2000. Костяев А.И. Цивилизационный процесс и патриотическое сознание. М., 2008 ; Философия освобождения. М., 2005.

²⁷ На защите Родины. Партийные организации Дона в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сб. док. Ростов н /Д., 1980; Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: рассекреченные документы. Хроника событий. Краснодар, 2000.

²⁸Фронтные воспоминания. Краснодар, 1983; Порохом пропахшие страницы. Воспоминания фронтовиков-кубанцев о Великой Отечественной войне. Краснодар, 1986; Немцы о русских. Сост. В. В. Дробышев. М., 1995; Летников Ю. В. Письма с войны. Ростов н/Д., 1990; Спустя полвека: народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Курган. 1994; Федотов Т. А. Азов и Приазовье в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Азов. 1995; Беликов Г. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 - январь 1943 гг. Ставрополь. 1998 и др.

²⁹ Агеева В.А. Человек тыла: историко-психологический аспект.... С. 5.

³⁰ Воинские подразделения представляли собой многонациональные контингенты.

³¹ Солонин М. 22 июня. Анатомия катастрофы. Изд. 2-е, перераб., исправл. М., Яуза, Эксмо, 2009. С. 445.

³² Матросов И.М., Бурмистров В.М. В Бресте. Об участии уроженцев Чувашии в обороне Брестской крепости. Чебоксары, 1984; Герои Бреста. Новые документы, свидетельства очевидцев. Сост. П.Н. Панасюк. Минск. 1991; Брестская краснознаменная / О 160-й стрелковой дивизии / М., Сургут АО «Икар», АИИК, «Северный дом». 1995; Шарлотт В.М. Брестская крепость – продолжение легенды. Самара. Волжская коммуна. 2001; Петров И.И. Легендарная Брестская крепость: в память о героической обороне Брестской крепости в начале Великой Отечественной войны. М., Граница, 2014.

³³ Солонин М. 22 июня. Анатомия катастрофы... С. 445.

³⁴Рохмистров В.Г. Дивизия без вести пропавших. СПб., 2014.

³⁵ Он же. С. 330.

³⁶Там же.

³⁷ Рохмистров В.Г. Дивизия без вести пропавших.... С. 331.

³⁸ Таран – в данном случае вид атаки, заключающийся в нанесении самолетом (крыльями, винтом) преднамеренного удара вражескому самолету с целью повреждения или уничтожения; прямой удар, наносящий пробоину.

³⁹ Рохмистров В.Г. Там же. С. 333.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Скворцов В.Н. Духовная стойкость ленинградцев – важнейший фактор победы на берегах Невы // Ленинград выстоял и победил. К 70-летию освобождения Ленинграда от вражеской блокады и освобождения Ленинградской области. Материалы Всерос. науч. конф. 7 февраля 2014 г. СПб, 2014. С. 5

⁴². Скворцов В.Н. Там же, С.5: См. так же: Сульдин А.В. Блокада Ленинграда: полная хроника – 900 дней и ночей. М., АСТ. 2013; Блокада Ленинграда. Выстояли и победили. 1941-1944. К 70-летию юби-

лею победы в Великой Отечественной войне. Сост. и ред. И.А. Маневич. М., ООО Дарь 2014. Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. [300 судеб, 300 реальных историй]. М., АСТ 2014 г.; Блокада. Воспоминания очевидцев. М., «Вече» 2014.

⁴³ Бочков Е.А. Оккупационный режим на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной Войны (1941-1944 гг.) // Ленинград выстоял и победил. К 70-летию освобождения Ленинграда от вражеской блокады. См. так же: Майер Н.Ю. Последствия оккупации немецкими и финскими войсками территории Северо - Запада страны в период Великой Отечественной войны 1941-1944 гг. СПб., 2012.; Литвиненко В.В. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М., Вече, Вече, 2014

⁴⁴ Блокада Ленинграда. Выстояли и победили. 1940 – 1944. М., ООО Дарь, 2014. С. 5.

⁴⁵ Краева О.Л. Великая битва на огненной дуге: цивилизационное столкновение в войне за человечность // Курская битва в исторической памяти поколений. Межд. науч. конф. 18 октября 2013 г. Нижний Новгород, 2013. С. 4.

⁴⁶Энциклопедия Победы. Беларусь – Москва. Изд. проект Правительства Москвы, посвящен. 65-летию освобождения Белоруссии от немецких фашистских захватчиков, 65-летию победы в Великой Отечественной войне и 75-летию учреждения звания Героя Советского Союза. Минск, Белорусская Энциклопедия им. П. Бровки, М., Армпесс, 2009.

⁴⁷Басов А. В. Историческая наука. Новые трактовки причин и хода Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., «Наука», 1994. С. 463. См.: так же: Муриев Д.З., Малахов М.М. Во главе защиты Москвы. (Обзор исторической литературы о руководящей роли КПСС в битве под Москвой) // Вопросы истории КПСС, 1971, № 12;

⁴⁸ Григорян А.В. Врачи Армении в Великой Отечественной войне. Сб. ст. Ереван, 1983; Казахстанцы защищают Москву. М., 2005; Мамедов Р.Г. Азербайджанцы сражались за Родину. Баку, 2006; Арутюнян К.А. Участие воинов-армян в Сталинградской битве (17 июля 1942 – 2 февраля 1943 гг.) Ереван, Гитутюн, 2007; См. так же: Азербайджан в Великой Отечественной войне 1941-1945. Указ. лит. Сост.: Мамедова С.Г., Полосина В.П. Баку, Элм, 1985.

⁴⁹ Дубосеково - в 118 км от Москвы по Ржевской железной дороге.

⁵⁰ Крюково - 38-й км. Ленинградской ж. д.

⁵¹ Кожин В. Россия. Век XX-й. Серия Классика русской мысли. М., Алгоритм. Эксмо. 2008. С. 709 – 710.

⁵² Кожин В. Россия. Век XX-й. С. 710. /Батальон Момыш-улы входил в состав 73-го полка 316-й

стрелковой дивизии (позднее — 8-й гвардейской имени И. В. Панфилова), 16-й армии. Подвиги Момыш-улы были воссозданы в повести А. Бека «Волоколамское шоссе» (1943 г.), а впоследствии и сам герой написал книгу «За нами Москва. Записки офицера» (1959).

⁵³ Плоды великого содружества. Исторический опыт братской помощи и сотрудничества народов Советского Союза в экономическом и культурном развитии Казахской Советской Социалистической Республики. Алма-Ата, 1968. С. 259.

⁵⁴ Ржевская Е. Ближние подступы. М., 1985, С. 54.

⁵⁵ Кожин В. Россия. Век XX-й. С. 713.

⁵⁶ Ржевская Е. Ближние подступы, С. 54.

⁵⁷ Битвы и сражения, изменившие ход Великой Отечественной войны. Мат-лы межд. военно-ист. конф. г. Москва, 19 ноября 2013 г. М., Кучково поле 2014 г.; Герасимова С. Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова М., Эксмо. Яуза. 2014; Мельников В.М. Их послал на смерть Жуков? Гибель армии Ефремова. М., Яуза. Эксмо. 2014; Залеский К.А. Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. Большая биографическая энциклопедия. М., АСТ, 2013; См. так же: Гроссман Х. Я бил маршала Жукова. Ржевский кошмар. М., Яуза Пресс 2013.

⁵⁸ Герасимова С. Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова... С. 247.

⁵⁹ Ржевская Е. Ближние подступы. С. 55.

⁶⁰ Цит. по: Герасимова С. Ржевская бойня... С. 249.

⁶¹ Анисков В.Т. Крестьянство против подвига. М., «Памятник и исторической мысли». 2003; См. так же: Духовный потенциал победы советского народа

в Отечественной войне. М, 1990; Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб, 1995; Кондакова Н.И. Идеологическая победа над фашизмом. М., 1982; Ее же. Духовная жизнь России в Великой Отечественной войне. М., 1996..

⁶³ Казахстан в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сб. докл. и выступл. на Межд. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы над фашистской Германией. Алматы. 21 апреля 2000 г. Алматы, 2000. - Под эгидой: Мин-во обороны Республики Казахстан, Мин-во образования и науки, Центр. Совет организаций и ветеранов, Институт истории и этнологии Национальной АН.

⁶⁴ Казахстан в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сб. докл. и выступл.... С. 52, 60.

⁶⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Изд. третье. Т. V. М., Изд-во «Наука», 1964. С. 316.

⁶⁶ Бочков Е.А. Оккупационный режим на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной Войны (1941-1944 гг.) // Ленинград выстоял и победил. К 70-летию освобождения Ленинграда от вражеской блокады. См. так же: Майер Н.Ю. Последствия оккупации немецкими и финскими войсками территории Северо - Запада страны в период Великой Отечественной войны 1941- 1944 гг. СПб., 2012.; Литвиненко В.В. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М., Вече, Вече, 2014

⁶⁷ Ржевская Е. Ближние подступы. М., 1985, С. 55.

⁶⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Изд. третье. Т. V. М., Изд-во «Наука», 1964. С. 316.

В.В. Степанов

СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ КАК ПЛОХОЙ ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Зима на Кипре для русского восприятия выглядит странно. Вот кукольный Санта-Клаус в красном облачении с мешком подарков – он сделан почти в натуральную величину и на целую рождественскую неделю вынужден замереть в позе бодрого старичка, влезаящего по балкону в дорогой отель. Вот теплое море, которое чистотой лазури легко обыгрывает небо. Вот светофор у дороги – он работает вхолостую, ведь скрыт сочно-зелеными листьями пальмы. А вот и зимняя пчела, она преспокойно трудится на сборе медоносной пыльцы, но в данный момент отдыхает на оранжевой линзе светофора. Кругом ни души, нет даже ветерка, и под ногами рассыпаны яркие шары апельсинов. Таков Кипр в его худшем для туристического бизнеса состоянии.

- Можно загорать, можно плавать, но с работой в такое время туго – говорит мне Сергей. Он выходец из России и уже несколько лет работает в местной строительной фирме. – Но вы-то приехали на отдых, вам не о чем заботиться!

Он прав. После морозной Москвы, готовящейся к встрече Нового года, возможность ходить в шортах и окунаться с головой в море – это более чем курорт. Однако цель моей поездки иная – взглянуть на тихий Кипр, без туристского бума, в тот краткий период, когда проступает повседневная жизнь. Может, это даст возможность понять, почему благостному острову так трудно перестать быть пороховой бочкой...

Один ученый-политолог, много (иногда довольно весело) занимавшийся проблемами этнических конфликтов, как-то сказал мне: «Был я на этом Кипре. Еще в начале 90-х. Это просто каменный остров, даром, что в теплом море. Не знаю, за что там греки и турки бьются. Но пить умеют одинаково – помню, как нас радушно приняли в греческой части столицы, потом был провал в памяти, и я очутился в уютной компании на турецкой стороне».

Я спрашиваю русского киприота Сергея:

- А вашему бизнесу не мешает конфликт на Кипре?

- Конфликт? По-моему, это все уже в прошлом. Не сегодня-завтра здешние политики договорятся. А простые люди и так уже вовсю сотрудничают. Конечно, трудности есть, но для русского бизнеса здесь

еще большее препятствие – зима, когда клиентов становится мало.

Я не стал сообщать молодому парню, что уже более трех десятилетий назад (т.е. до его рождения) местные политики начали «договариваться». Сейчас я вспоминаю наш разговор с Сергеем-киприотом, это было накануне 2010 года. Тот год миновал, потом прошел следующий, и еще один. Но политики так не «договорились». А в 2012 году генсек ООН, наконец, признал: замирить обе стороны на Кипре, пока что нет возможности.

Так что русскому, и всякому другому, бизнесу, тем более, бизнесу греческому и турецкому, на острове мешает не только зима, но и жаркие споры греков с турками.

Численность русских на острове достигает сегодня 60-70 тыс. человек. Но откуда это известно? Из разных источников – но только не из официальных. Официально же на острове учитываются только «статусные» группы – так повелось со времен межобщинного противостояния, которое длится уже не одно поколение киприотов. Я пишу «киприотов», а между тем еще несколько лет назад за использование этого термина могли, если не побить, то подвергнуть остракизму или, по крайней мере, высмеять. Какие – такие «киприоты»? Есть, мол, греки, и есть турки, между которыми ничего общего...

При всем видимом и реальном киприотском благополучии ситуация на острове достаточно тяжелая и в определенной мере - взрывоопасная. Небольшое пространство острова имеет площадь всего лишь 9 тыс. квадратных км. С какой территорией России его сравнить? Кипр по площади – это чуть более половины Чечни или, например, он близок по величине Северной Осетии. А, например, полуостров Крым в три раза больше Кипра. Это небольшой остров окружен водами Средиземного моря, и в этих пределах вынужденно сосуществуют два государства – одно признано мировым сообществом, другое не признано. Обе стороны уже не одно десятилетие находятся в состоянии замороженного конфликта.

Странно это звучит «замороженный» применительно к острову, на котором круглый год либо лето, либо весна, а солнце не затмевается облаками все 365

дней в году. Тут сама природа, и стремящиеся к ней огромные потоки туристов, буквально бросает противников в объятья друг к другу, принуждая их пойти на мировую и жить спокойно, растить вечные оливы, собирать обильный урожай винограда, заниматься совместным бизнесом и обслуживать гостей со всего мира.

Соперники действительно давно «переросли» большую часть взаимных претензий. Обе общины, разбеденные буферной зоной, именуемой по иронии судьбы «зеленой», сегодня действительно ощущают взаимную потребность к объединению или хотя бы – потребность кооперации. Но каждый раз «что-то» мешает сделать полноценные шаги навстречу, и сохраняется готовность к новому витку конфликта. По всей длине Кипра тянется заминированная полоса, обрамленная колючей проволокой. В столице Никосии, поделенной на две части, уже четыре десятилетия высится уродливая разделительная полоса препятствий – в виде старых домов. В них выбитые окна заложены мешками с песком (чтобы пули и снаряды увязли!). В проемах висят поставленные одна на другую железные бочки с цементом, они пересыпаны грудами камней, белеющими на солнце как кости доисторических существ. Но где и когда были рождены эти монстры конфликта?

Конфликт как средство «исторических» побед и поражений

Распространена точка зрения, что именно с приходом на остров британской администрации на Кипре стал распространяться национализм, а затем и конфликт между греками и турками. Мол, чиновники из метрополии стремились разделить киприотов по религии и этническому происхождению, и в этом корни противоречий. Однако процессы, приведшие к конфликту, были намного сложнее.

Великобритания получила Кипр в собственное управление от турецкого султана в 1878 г. после поражения Турции в войне с Российской империей. Султан, в свою очередь, был одарен Соединенным Королевством заверениями, что может рассчитывать на поддержку в случае агрессии со стороны России. До этого события Турция – Оттоманская империя владела Кипром в течение нескольких веков, отобрав остров у венецианцев в 1571 г.

Считается, что в добританский период на острове не было явного разделения населения по этническим сообществам, а отличительным признаком являлась религия – христианство и ислам. Большинство населения говорило по-гречески и исповедовало православие, меньшинство же составляли выходцы из Турции и их потомки, исповедовавшие ислам суннитского толка. Соседство тех и других в одной деревне

или близлежащих деревнях было характерным.¹ Кроме ссор и мелких стычек, не имеется документальных сведений о межобщинных конфликтах на острове в период Оттоманского правления. Вместе с тем, было бы неверно, как это делают некоторые исследователи, говорить о том, что в тот период на острове была глубокая общественная интеграция. Хотя не следует современный кипрский конфликт возводить в ранг исторически предопределенного, важно понимать, что и прошлое не было идилическим. Христианское население чаще подвергалось гонениям,² на острове нередко вспыхивали крестьянские восстания. Известно также, что православные островитяне подвергались исламизации, а часть из них стала двурелигиозной – т.н. тайные христиане³, именовавшиеся в просторечии *линобамбаки*⁴.

Обычно именно о линобамбаках говорят как о насильно обращенных христианах, хотя, некоторые исследователи полагают, что эта немногочисленная группа представляла собой частью естественный процесс религиозной конвергенции. Их вера была двойственной: публично они придерживались мусульманских практик, а скрытно в домашней обстановке исповедовали христианство. Это могли быть последователи римско-католической церкви, которые в равной мере скрывали свою обрядность и от мусульман и от православных. Имеются также свидетельства того, что христианки, будучи замужем за мусульманами, сохраняли свою веру и передавали ее детям, и те исповедовали обе религии. Кроме того, известны примеры совместных сельских молений христиан и мусульман, например, о ниспослании дождя.⁵

Имели место межобщинные браки, но они не были распространены. Христианская норма запрещала брак с представителями иной веры, а мусульманская, допускала у мусульманина жену немусульманку лишь в том случае, если дети от такого брака станут мусульманами. Исследователи полагают, что межрелигиозные браки скорее привносили в межобщинные отношения разлад, а не интеграцию. Во многих деревнях имеются легенды и образцы народного фольклора по поводу конфликтов из-за женщин, в особенности, когда турок умыкал невесту-гречанку.⁶

Язык не был барьером для религиозных сообществ. Хотя родной язык для большинства мусульман был турецкий, в ходу был также греческий. Нередко мусульмане владели греческим языком как первым и родным. В некоторых деревнях мусульмане вообще не могли говорить по-турецки, причем это было в северной части Кипра, где мусульманского населения было больше, и эта часть острова географически обращена в сторону Турции. Самостоятельное развитие турецкого и греческого языка на острове, а также их взаимовлияние привело к появлению диалектных особенностей, которые облегчали взаимную комму-

никацию. С приходом в конце XIX в. на остров массовой печати с литературным стандартом способствовал усилению барьеров между двумя языками.⁷

Еще в пору турецкого владычества на Кипр стали проникать идеи националистического толка. Их источником стала война за независимость против турецкого владычества в материковой Греции (1821–1828/9).⁸ На Кипре, находящемся вдали от Греции и всего лишь в 70 км от Турции, пропаганда помощи восставшим грекам была весьма активной, и киприоты отправлялись воевать за свободу Греции. В 1821 г. турецкая администрация острова казнила архиепископа кипрской православной церкви Киприана по подозрению в участии в тайном обществе, борвшемся за свержение турецкого господства в Греции. Казнены были также три епископа из основных городов острова, а также известные гражданские лица. По свидетельствам современников, часть деревень острова опустела в результате репрессий.⁹

Известно, что первый президент¹⁰ Греции в 1828 г. прямо призвал киприотов к объединению с его страной¹¹. Идея объединения с Грецией – по-гречески, *эносис* (Ενωσις) – была не только широко распространена, но и, в конце концов, реализована на других островах – Ионических (1862 г.) и на Крите (1913 г.).

Таким образом, к началу британского правления националистические идеи уже были распространены среди греческой элиты Кипра. В г. Ларнаке, приветствуя британских чиновников, епископ православной церкви Китон воззвал: час объединения Кипра с Грецией близок.¹² Передача Кипра Турцией под британское управление была оформлена в виде «аренды», поэтому новую администрацию жители острова восприняли не как хозяев, но как освободителей от турецкого владычества.

По договору, Великобритания, обеспечивая управление островом, должна была передавать турецкому султану излишки получаемых доходов. Но назначенная ежегодная рента в 92 тыс. 799 фунтов стерлингов и 11 шиллингов ни разу так и не была выплачена Турции. Деньги направлялись в Английский банк в качестве компенсации невыплаченных займов, которые предоставлялись Турции во время Крымской войны. Население Кипра было недовольно этим, ведь Кипр оплачивал турецкий долг. Недовольство британской налоговой политикой стало первой ступенью конфликта.

При британском правлении были внесены существенные коррективы в правовую систему,¹³ остров был одарен своего рода конституцией (1882 г.)¹⁴, согласно которой действовал Законодательный Совет Кипра. В него вошли 12 народных избранников и 6 персон, назначаемых британской администрацией. Среди избранников трое должны быть мусульманами, а прочие – немусульманами.¹⁵ Такая избирательная

квота основывалась на скрупулезном подходе британцев, которые годом ранее провели на Кипре перепись населения. По представлениям чиновных статистиков, население подразделялось на крупные группы «греко-православных» («Greek Church») и «магометан», а также «римо-католиков», «маронитов», «грегориан», «англикан» и др.¹⁶

Учрежденный британской администрацией Законодательный Совет продолжал в своей основе аналогичную представительную структуру при оттоманской администрации. Отличие, однако, было в том, что британский вариант предусматривал квотное представительство греков и турок (согласно численности выборщиков), тогда как оттоманский вариант был основан на равном представительстве.¹⁷ Избранники-мусульмане и назначаемые члены Совета поддерживали политику британской администрации. Сама же колониальная администрация легко отменяла решения Совета. Такая форма правления вызывала недовольство населения,¹⁸ а в целом ожидания греческого населения объединения с Грецией не оправдались.

В первом десятилетии XX в. на острове развернулись острые дебаты по поводу выборов православного архиепископа¹⁹. Основной вопрос – какой ориентации должен придерживаться архиепископ, обязан ли он поддерживать идею эносиса. В споре победили сторонники эносиса, и церковь возглавила движение за объединение Кипра с Грецией.²⁰

Турко-киприоты с самого начала были против идеи эносиса. Эта тема была предметом жестких заявлений с обеих сторон на заседаниях Законодательного Совета. В первые два десятилетия XX в. члены Совета от обеих общин находились в постоянных взаимных пикировках. В 1911 – 1917 гг. усилились требования со стороны турко-киприотских членов Совета «вернуть остров Оттоманской империи».²¹

Первая мировая война сделала возможной окончательную узурпацию Кипра – Британия в одностороннем порядке аннулировала свои «арендные» обязательства перед Турцией, присвоив себе остров. Было направлено предложение Греции: вступить в войну против Германии и Турции и в обмен получить Кипр. Но «торг» не состоялся. Турция признала утрату Кипра в 1923 г., а в 1925 г. остров официально стал колонией британской короны и население – ее подданными. К этому моменту идеология эносиса, подкрепляемая революционными веяниями, была направлена именно против британского владычества.

После поражения Оттоманской империи в первой мировой войне турецкая община Кипра оказалась в состоянии меньшинства, которое было некому защищать. Когда в среде лидеров греко-киприотов было принято решение послать свою делегацию в Париж на конференцию по мирному урегулирова-

нию и вынести идею эносиса на международный уровень, турко-киприоты организовали свое «представительное» собрание для обсуждения сложившегося положения. Первый Национальный конгресс турко-киприотов был проведен в декабре 1918 г. под председательством муфтия, и приняты две резолюции: об отрицании эносиса и о возможности возврата острова законному владельцу (Турции)²². С этого момента и в последующие два десятилетия на острове бурно развивались соперничающие политические идеологии – греко-кипрский и турко-кипрский национализм.²³

В сложившихся условиях постоянные финансовые разногласия между представительными властями Кипра и колониальной администрацией стали поводом для открытых столкновений. Конфликт разразился после того, когда британское правительство вознамерилось еще более увеличить на Кипре налогообложение. В 1931 г. 21 октября толпа напала на здание британской администрации в столице Никосии и целиком сожгла его. Около двухсот деревень по всему острову (треть всех поселений) поддержала бунтарей, произошло множество инцидентов. Бунт привел к жертвам и ранениям среди гражданского населения. Колониальные власти взяли под стражу и обвинили в совершении преступлений около 2 тысяч человек.²⁴ Бунтовали города. Звучали призывы к эносису, священники убеждали людей, что православный патриарх, якобы, уже провозгласил конец британского правления «как того желает народ». Шесть членов Законодательного Совета Кипра заявили о том же.

Возникла ли в тот период угроза межобщинных столкновений? Высказывается такое мнение: если бы военные силы Великобритании (вызванные из Египта) вовремя не подоспели, начались бы столкновения между кипрскими греками и турками.²⁵ Но нужно учесть, что против финансовой политики британского губернатора выступали и греки, и турки, представлявшие Законодательный Совет.²⁶ Впрочем, было очевидно, что ситуация может стать полностью неуправляемой. Поэтому в среде кипрских турок был учрежден (второй по счету) Национальный Конгресс, цель которого – защита прав турок-киприотов и поддержка политики кемалистской Турции.²⁷

После подавления бунта, действие кипрской конституции было заморожено, Законодательный Совет – распущен. Вплоть до 1940 г. гражданское управление целиком находилось в руках британского губернатора, который, фактически стал диктатором, издающим декреты. Были запрещены газеты и политические партии, запрещены политические собрания. Отменены муниципальные выборы (до 1943 г. главы муниципалитетов назначались губернатором).²⁸ Были отправлены в ссылку два православных епис-

копа и, фактически, наложен запрет на избрание архиепископа. Место главы православной церкви Кипра пустовало тринадцать лет с 1933 по 1946 гг.²⁹ Было отменено изучение греческой и турецкой истории в школах. Запрещены греческие и турецкие флаги, портреты греческих и турецких деятелей и героев³⁰. С 1937 г. в течение последующих девяти лет, с целью предупреждения антиколониальной борьбы и распространения националистических воззрений, британская администрация контролировала внутренние дела православной церкви, вплоть до процедуры избрания архиепископа.³¹ Правда, в 1937 г. в Британском Парламенте был учрежден Комитет по вопросам кипрской автономии, но его деятельность не имела особого значения.

При британском правлении часть интеллигенции Кипра смогла получить образование европейского уровня, некоторые киприоты обосновались в метрополии. В условиях жесткой политики запретов на острове, логичным шагом стало перемещение центра идеологического сопротивления не куда-нибудь, а именно в Лондон. Возникла ситуация двойной лояльности – европейские ценности были восприняты во всей полноте и одновременно на высокий уровень была поднята национальная греческая идея. Во время второй мировой войны тысячи киприотов уходили добровольцам на фронт для борьбы с фашизмом, десятки тысяч служили в вооруженных силах Великобритании. Однако цель освобождения Кипра оставалась не менее важной.³²

На самом Кипре в период второй мировой войны идеологическая работа возобновилась, т.к. в 1941 г. британский губернатор вернул право политических собраний и партий. Националисты, поддерживаемые православной церковью, создали политическую организацию Общеаграрный Союз Кипра (Panagrotiki Enosis Kyprou, РЕК). Частично идею эносиса поддерживали даже кипрские коммунисты, хотя они всегда были противниками националистов.³³ Борьба Греции в период второй мировой войны за освобождение от фашистской оккупации, и участие в этой борьбе греко-киприотов (в составе военных сил Британского содружества)³⁴ сделала идею греческого единения зримой и достижимой.

Как реакция на пропаганду эносиса, в 1943 г. в среде турко-киприотов возникло политическое объединение – Турецкое меньшинство острова Кипр (КАТАК), были сформированы турко-киприотские профсоюзы³⁵. В 1944 г. учреждена Кипрская Турецкая народная партия (КМТНР), целью которой было противостояние передачи Кипра Греции. В 1949 г. КАТАК и КМТНР образовали Национальную турецкую объединенную партию Кипра.³⁶

Ситуация на острове и вокруг него была такой, что после второй мировой войны британская адми-

нистрация возвратила Кипру ограниченные свободы, а в 1947 г. – учредила Консультативную Ассамблею для изучения возможностей самоуправления и введения новой конституции. Однако это только усугубило положение. Общественные активисты стали требовать для Кипра полного самоуправления, открытое недовольство высказывало церковное духовенство. В том же году был избран архиепископ, и его политическая активность тут же обратилась против британской власти, но в поддержку эносиса. Ассамблея, включившая 18 представителей (в т.ч. 7 турко-киприотов) постоянно конфликтовала с колониальной администрацией.³⁷

Среди церковных пропагандистов эносиса особенно заметную роль играл молодой священник Макариос (Михаил Мускос). В последствие он стал первым президентом Республики Кипр. Получив теологическое образование в Афинах, а также в США, он в 1947 г. в возрасте 34 лет стал епископом и главным политическим советником архиепископа Кипра. По его инициативе в 1950 г. на острове проведен референдум, на котором почти всё население высказалось за выход из колониальной зависимости от Великобритании и в пользу объединения Кипра с Грецией. В том же году Макариос был избран архиепископом (Макариос III)³⁸. На своей интронизации он сказал: не дам себе отдыха, пока не будет объединения с матерью Грецией.³⁹ Авторитет Макариоса на Кипре был огромным, молодой архиепископ стал национальным лидером этнического большинства.

Поскольку колониальные власти не разрешили референдум, он был проведен в рамках кипрской церкви в течение двух январских воскресений. При этом, как сообщалось, в плебисците участвовали не только греко-киприоты, но и турецкое население острова. За эносис высказались 95,7% голосовавших. Результаты референдума были представлены в Парламент Греции и в ООН. Говорилось, что судьба Кипра должна решаться в соответствии с принципом самоопределения. В 1951 г. архиепископ Макариос направился в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке, чтобы заявить о том на весь мир. Ответ Британии был таков: решение кипрского вопроса не является прерогативой ООН, это сугубо внутренняя проблема Соединенного Королевства.⁴⁰ Так сложились условия для распространения политического радикализма.

Радикальные политические идеи нашли радикальных исполнителей. В 1951 г. на Кипр после двадцатилетнего отсутствия вернулся Георгиос Гривас – отставной полковник армии Греции, снискавший себе известность как доблестный солдат греко-турецкой войны 1920–22 гг. и как руководитель тайной террористической организации «Х», боровшейся с нацистскими оккупантами во время второй мировой войны. Гривас пытался сделать в Греции политическую

карьеру, но не добился успеха.⁴¹ И вот, идея эносиса захватила Гриваса. Он предложил свои «силовые» услуги архиепископу Макариосу, но получил отказ – архиепископ настаивал на политическом решении кипрской проблемы. Полковник, который был намного старше своего оппонента,⁴² впрочем, игнорировал мнение руководителя церкви.⁴³ Поскольку конечные цели совпадали, архиепископ и полковник поначалу все же сотрудничали. В 1952 г. в Афинах, под председательством Макариоса было проведено секретное заседание т.н. Кипрского освободительного комитета, а организатором и лидером комитета был Гривас.⁴⁴

Тем временем в Британском Парламенте полным ходом шло обсуждение кипрской проблемы, но выход из тупиковой ситуации так и не был найден. Лишь в 1954 г. было оглашено: предложения по новой кипрской конституции рассматриваться не будут. При этом недвусмысленно указывалось: «некоторые территории Британского Содружества, ввиду особых обстоятельств никогда не будут полностью независимы».⁴⁵ Это послужило прологом интернационализации кипрской проблемы.

Летом того же года последовал официальный запрос Греции в ООН: вопрос о самоопределении народа Кипра должен быть рассмотрен на сессии Генеральной Ассамблеи. Естественно, выступила и Турция – ее представитель в ООН заявил, что народ острова «не более греки, как и сама территория», намекая на турецкую принадлежность Кипра.⁴⁶ К тому времени турко-кипрские политические объединения широко заявляли, что после прекращения колониальной зависимости от Великобритании, остров должен «вновь перейти под контроль Турции».⁴⁷

Генеральная Ассамблея ООН была вынуждена анализировать ситуацию. В конце 1954 г. было вынесено удивительное решение: вообще не обсуждать кипрскую проблему... Дескать, «нет возможности вынести по этой проблеме резолюцию». На острове последовал взрыв общественного возмущения. Лидеры призвали к всеобщей забастовке, и население откликнулось в полной мере. Были даже прекращены школьные занятия, и дети тоже приняли участие в уличных акциях протеста. Макариос в тот период находился в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке,⁴⁸ но и без его участия волнения охватили почти весь остров.

Колониальная администрация стремительно теряла контроль и инициативу. Ее заявления, что пропагандисты эносиса будут осуждены на пятилетний тюремный срок, не возымели действия. Архиепископ Макариос демонстративно игнорировал запреты, британские власти опасались предпринимать против него санкции⁴⁹. Кипрская проблема к тому времени уже приобрела международный резонанс. В этих условиях Великобритания стала готовиться к сило-

вому отстаиванию своих интересов – британские военно-морские и воздушные силы, размещенные в зоне Суэцкого канала были перемещены на Кипр. Это вызвало новую волну возмущения на острове и за его пределами. Сложились предпосылки для открытых столкновений.

В 1955 г. на смену острым политическим дебатам пришли террористические акции. Вернувшись из Нью-Йорка в январе, архиепископ Макариос имел встречу с Гривасом. Как свидетельствуют некоторые источники, Гривас предложил учредить новую организацию сопротивления, и Макариос с этим согласился⁵⁰. Возникла Народная организация кипрских бойцов⁵¹ ЕОКА (Ethniki Organosis Kypriou Agoniston). Среди греко-киприотов эта организация была воспринята как партизанская, борющаяся с колониализмом за высокую идею – эносис. Британская армия и полиция вела настоящую войну с этой организацией, называя ее террористической. С появлением ЕОКА на острове резко возросла напряженность, стали пустеть этнические смешанные деревни. Чувства гордости этнической принадлежности все чаще перемешивались с чувствами страха.

Организатором ЕОКА был Гривас. В 1955 г. 1 апреля прогремели взрывы сразу в четырех городах Кипра, и была распространена «декларация», в которой Гривас подписался псевдонимом «Digenis» (именем грека, который согласно кипрской мифологии византийского периода, бросил огромную скалу в пиратов, угрожавших возлюбленной⁵²). Подписант листовки объявил, что началась военная кампания греко-киприотов за самоопределение. В воззвании были такие строки: «освобождение от оккупантов всегда приходит через КРОВЬ».

Как потом утверждал Гривас, терроризм был направлен на привлечение внимания мировой общественности к проблеме Кипра. Подобные методы борьбы не находили поддержки Макариоса, хотя на ее начальных этапах оба деятеля поддерживали секретные контакты. Некоторые наблюдатели, а затем и историки склонны причислять архиепископа к руководству организации сопротивления. Как бы то ни было, британские колониальные власти арестовали и отправили Макариоса в ссылку (1956 г.), а законспирированного Гриваса искали, обещая огромное вознаграждение всякому, кто укажет его местонахождение. По иронии судьбы, награда за Гриваса равнялась сумме, которую Британия ранее взимала с Кипра для оплаты аренды острова...

В войне с ЕОКА колониальные власти использовали не только военные подразделения, но и штат полицейских. Этот штат был расширен за счет турко-киприотов,⁵³ и этот факт некоторые склонны оценивать как причину дальнейших межэтнических столкновений. Но есть данные о том, что ЕОКА рассмат-

ривала турко-киприотов как потенциальных союзников в борьбе с колониализмом или, по крайней мере, как тех, кто не мешает этой борьбе.⁵⁴

Вслед за греческой ЕОКА возникла Кипрская турецкая организация сопротивления – для защиты турецкой части населения острова. Ее инициатором и руководителем был политический деятель Кипра Фазиль Кучук. В сентябре 1955 г. эта легальная организация была им распущена и вместо нее создана тайная организация сопротивления «Волкан».⁵⁵

Тем временем в Греции развернулись массовые акции и марши в поддержку эносиса с Кипром. Радиостанции из Афин буквально обрушили на остров пропагандистское вещание.⁵⁶ На протяжении последующих лет нападениям, подрывам, поджогам, убийствам и ранениям подвергались британские военные, колониальная полиция, представители колониальной администрации и их родственники, а также без разбора по этническим различиям все те, кто сотрудничал с ними.

Через несколько месяцев после начала действий ЕОКА в Лондоне открылась Трехсторонняя конференция по проблеме Кипра. Впервые Великобритания призвала другие страны для обсуждения кипрской проблемы – Грецию и Турцию, и те приняли приглашение. Представителей Кипра на конференцию не позвали. Архиепископ Макариос выступил против участия Греции в этой конференции⁵⁷. Конференция все же состоялась, но не прояснила ситуацию, а стороны не пришли к какому-либо решению. Однако сам факт ее проведения имел значение. В дни конференции произошел взрыв у турецкого консульства в Греции, а затем последовали беспорядки в самой Турции, где подверглось уничтожению большое количество собственности проживающих там греков. Для усмирения толп турецким властям пришлось использовать армию.⁵⁸

Неудача с конференцией усугубило тупиковое положение, стало очевидно, что Британия осталась один на один со «своей» проблемой. В октябре того же 1955 г. на Кипр отбыл новый колониальный губернатор – фельдмаршал Джон Хардинг. Он сразу начал вести прямые переговоры с архиепископом Макариосом, предлагал экономическую помощь острову и намекал на некие возможности самоуправления. А в обмен требовал отказаться от идеи самоопределения. Но партизанские действия ЕОКА не утихали, количество взрывов и жертв умножалось. В ноябре Хардинг объявил на Кипре чрезвычайное положение, британские колониальные войска были приведены в полную боевую готовность. Из полиции местных стали увольнять, а на службу привлекали британцев. На острове были запрещены все политические свободы, запрещались забастовки. Под страхом смертной казни запрещалось ношение оружия.⁵⁹

Некоторое время губернатор вел с архиепископом переговоры, а кульминацией стало обвинение Макариоса в организации беспорядков, его арест и высылка вместе с несколькими церковными иерархами на далекие Сейшельские острова. Происшедшее еще более взвинтило обстановку, террористические акции умножились, законспирированные группировки призывали население к всеобщей забастовке. Лидером сопротивления стал Гривас.⁶⁰

Как это ни удивительно, только теперь британский истеблишмент осознал, что без реальных политических перемен ситуацию не переломить. Было объявлено, что планируется конституционная реформа и возврат прежним (довоенным) формам самоуправления. Говорилось о защите турок-киприотов. Упомянулось также о возможности самоопределения «в будущем». Однако обещания ситуации не улучшили, и на остров был направлен новый губернатор.⁶¹ Тем временем Гривас и его организация расширили свою подрывную деятельность. Жителей острова призывали отказываться от британских товаров.⁶²

В ноябре 1957 г. на Кипре возникла Турецкая организация сопротивления⁶³ («*Türk Mukavemet Teskilati*», ТМТ), которая использовала те же методы конспиративной и террористической борьбы, что и греческие «оппоненты». (Ныне в непризнанной Турецкой Республике Северного Кипра ежегодно 1 августа празднуют День ТМТ). Деятельность ТМТ продолжалась вплоть до оккупации северной части Кипра войсками Турции в 1974. Созданная организация провозглашала политические цели «разделения» Кипра – *taksim*. В ответ на убийства полицейских из числа турко-киприотов, учиненные боевиками ЕОКА, боевики ТМТ стали нападать и убивать греко-киприотов.⁶⁴

В атмосфере насилия поздно и бессмысленно было доискиваться «правды» и выяснять, кто первый поднял руку на представителя другой общины. В начале 1958 г. резко возросла напряженность между греческой и турецкой сторонами на острове. Замячила угроза гражданской войны.

Менее чем через полгода, в июне, Кипру был предложен так называемый План Макмиллана,⁶⁵ который предполагал раздельное для двух общин самоуправление на уровне законодательства и муниципального управления. Греция тут же заявила, что этот план неприемлем, т.к. подразумевает разделение острова, а Турция поддерживала разделение. Обе страны впервые стали обсуждать проблему самостоятельности острова.

Макариос, который через месяц после ссылки был отпущен (но с запретом возвращаться на Кипр), настаивал на том, что именно достижение независимости Кипра решит проблему.⁶⁶ В сложившихся условиях это был совершенно новый подход.

В феврале 1959 г. Греция и Турция на переговорах в Цюрихе, наконец, пришли к согласованию своих позиций о том, что Кипру действительно необходима независимость. В Лондон направился архиепископ Макариос, где ему были представлены итоговые документы с изложением позиции. Эти документы были им подписаны, и далее, договоренности, достигнутые в Цюрихе и Лондоне, были ратифицированы Британией, Грецией и Турцией. Эти договоренности легли в основу конституции Кипра.⁶⁷

Согласно договорам, Кипр становился независимым, однако Великобритания оставляла за собой часть территории. Кроме того, предусматривалось военное присутствие трёх государств-гарантов. Характерно, что договоренности жестко определяли этническую двубоцинность управления. Президентом новой республики должен был стать греко-киприот, а вице-президентом – турко-киприот. Этнические квоты предусматривались для парламента и министерств. Выборы должны проходить в двух общинах отдельно. Самостоятельные палаты общин должны ведать сферами культуры, религии и образования. Вооруженные силы Кипра должны были состоять на 60% из греко-киприотов и на 40% из турко-киприотов.⁶⁸ Таким образом, если в предыдущие годы взаимные нападки формировали межобщинные барьеры, то теперь международные договоренности эти барьеры закрепили юридически.

Этнический конфликт

Желаемое освобождение от колониальной зависимости было достигнуто. Но в среде греко-киприотов царил недоумение, ведь международные договоренности даже не упоминали об объединении с Грецией. Гривас и его сторонники настаивали на эносисе. Тем не менее, деятельность ЕОКА была официально прекращена 31 марта того же года, а сам Гривас отбыл в Грецию. За 4 года в результате подрывной активности ЕОКА погибли более 300 британских солдат, офицеров и полицейских. За период с 1955 по 1958 гг. в результате террористической деятельности были сотни погибших среди гражданского населения, как среди турко-киприотов, так и греко-киприотов. Считается, что в тот период около 6 тыс. турко-киприотов покинули свои дома; греко-киприоты также вынужденно переселялись.

В декабре 1959 г. прошли выборы первого президента – им стал архиепископ Макариос. Выборы Макариоса сопровождалась нападениями на него со стороны радикальных групп греко-киприотов, обвинявших архиепископа в предательстве интересов народа, в отказе от эносиса.

Вице-президентом стал Ф. Кучук. Его турецкая община выбрала без каких-либо дебатов.⁶⁹ На своих

постах оба стремились действовать скоординировано, следуя политике неприсоединения и поддержке позитивных отношений с тремя странами-гарантами. Это было крайне важно для сохранения гражданского мира на Кипре. Однако в условиях межобщинного недоверия, этнической политизации и идеологии, сегрегированная модель управления, заложенная международными договорами, стала давать сбои. Множились разногласия по поводу соблюдения межобщинных квот в армии и государственном управлении. В споре о квотах в вооруженных силах Кипра вице-президент воспользовался правом вето, и дебаты зашли в тупик.

Как и предусматривалось, на двуобщинной основе 31 июля 1960 г. были проведены выборы в кипрский парламент, а 16 августа вступила в действие Конституция Кипра, знаменуя появление независимого государства. Последовало признание независимости Кипра другими странами и установление с ними дипломатических отношений, в т.ч. с СССР. Через месяц Кипр стал членом ООН. Казалось бы, можно переходить к мирной жизни и строить гражданское государство. Но в 1962 г. двуобщинная система управления вновь дала сбой, на этот раз – на муниципальных выборах. По всему острову обе этнические общины стали обвинять друг друга в нарушении законности. Требовалось решение Конституционного Суда, но оно никого не удовлетворило, и раздоры только усилились.

В обеих общинах острова не только не исчезла, а наоборот, продолжала развиваться и распространяться этно-националистическая идеология. И там, и там продолжалась скрытая организационная и пропагандистская деятельность боевых отрядов. Имеются свидетельства о том, что каждой из сторон контрабандным путем из Греции и Турции осуществлялись поставки оружия и боеприпасов. Группировки ЕОКА и группировки ТМТ пытались теснее взаимодействовать с военными контингентами соответственно Греции и Турции, расквартированными на острове.⁷⁰ Это был этап массивной военно-технической мобилизации гражданского населения.

Разногласия по вопросам квот в государственном управлении стали основной повесткой дня. В 1963 г. депутаты греко-киприоты предложили поправки к Конституции. До этого был подготовлен и обнародован (с целью заручиться международной поддержкой) план, согласно которому Кипр отказывается от квотного представительства в управлении, т.к. на долю турко-киприотской общины перепало «слишком много». Кроме того, предполагались поправки, открывающие дорогу эносису. План также предусматривал подавление возможного мятежа в среде турко-киприотов.⁷¹ С таким «подходом», естественно, не согласилась Турция. Напряженная ситуация на

острове вновь обрела международный аспект⁷². Это стало прологом тяжелых событий, которые позднее названы «кипрской гражданской войной 1963-1964 годов».

30 ноября 1963 г. президент Макариос представил измененный план конституционных поправок. Этот вариант плана, среди прочего, предусматривал отказ от конституционного права вето, которым могли пользоваться как президент, так и вице-президент страны. Турция высказала 16 декабря свое несогласие, заявив, что план поправок Макариоса подрывает кипрскую конституцию. А уже 21 декабря начались межобщинные столкновения.⁷³

Поводом начала массовых столкновений стал инцидент, при котором греко-киприотская полиция (на службу в полицию принимали по квотному этническому принципу) задержала турко-киприотскую пару для досмотра на границе турецкого квартала в Никосии. При этом собралась враждебно настроенная толпа зевак, прозвучали выстрелы, и задержанная пара была убита. Весть о случившемся распространилась мгновенно, и боевики с той и другой стороны стали захватывать людей на улицах, объявляя их заложниками. Между столичными жителями завязались настоящие бои со стрельбой, ранеными и убитыми. Особенно ожесточенные схватки происходили по границе турецких и греческих кварталов.⁷⁴ В последующие десять дней, названные «кровавым Рождеством», 133 турко-киприотов были убиты или пропали без вести.

Вице-президент Ф. Кучук и члены парламента объявили об отказе участвовать в управлении страной. На остров поспешил специальный представитель ООН – таково было решение январской 1964 г. конференции в Лондоне, в которой участвовали три страны-гаранта, генеральный секретарь ООН, а также представители обеих кипрских общин.⁷⁵ В феврале был представлен его отчет, в котором говорилось: ситуация крайне опасна. Уже в марте была вынесена резолюция Совета Безопасности ООН,⁷⁶ которая призвала государства воздержаться от вмешательства, и началось развертывание на Кипре миротворческих сил ООН.⁷⁷ К маю международный контингент на острове составили 6,5 тыс. военных. Миротворцы имели мандат сроком на острове три месяца (но оказалось, что не хватит и трех десятков лет).

Несмотря на предпринятые ООН действия и невмешательство стран-гарантов, столкновения греко-киприотов и турко-киприотов продолжались до августа 1964 г. Особенно сильные столкновения происходили в апреле и марте.

Беженцы турко-киприоты, направляемые бойцами ТМТ, объединялись в оборонительные анклавы. Огромная их масса скопилась во временных палаточных лагерях в турецкой части Никосии. В столице

стали множиться труппы, возводимые из подсобных материалов. Переизбыток и антисанитария были ужасающими. При этом многие жизненные нужды, включая доставку продуктов питания, могли поддерживаться только через территории, контролируемые греко-киприотами.⁷⁸

Около половины смешанных населенных пунктов по всему острову опустели. Возникли 42 военизированных турко-киприотских анклавов. К лету 1964 г. территориальное разделение двух общин стало максимальным. Современные эксперты с турецкой стороны назвали этот период «институциональной сепарацией».

В июне того же 1964 г. началась греко-киприотская военная мобилизация, создана Национальная гвардия Кипра. С этого момента все греко-киприоты мужского пола в возрасте 18 – 59 лет были обязаны состоять на военной службе и иметь оружие (позднее ношение оружия было разрешено только солдатам Национальной гвардии и полицейским). В этот критический момент президент Макариос приглашает Г. Гриваса (и тот приезжает из Греции) принять командование гвардией. Одна из целей ее создания – обуздать греко-киприотские самодеятельные отряды. В данной ситуации военный авторитет Гриваса должен был сыграть ключевую роль.⁷⁹ Однако Гривас был офицером армии Греции, и его приглашение было явным нарушением международных договоров.

В июле стало известно о вмешательстве США, которые предложили Греции и Турции план. Согласно плану, которому Кипр получит возможность энотисиса, если Греция передаст Турции свой самый восточный остров Кастелоризо⁸⁰, расположенный в 2 км от побережья Турции, а Кипр передаст Турции под суверенную территорию для военного базирования свою северо-восточную часть – полуостров Карпачия. При этом на Кипре должны быть созданы безопасные турецкие анклавы, выделяемые административно и управляемые турко-кипрской администрацией из Никосии. Вторым вариантом плана предлагал отказ от турко-кипрского самоуправления и не передачу, а сдачу Турции в аренду кипрского полуострова⁸¹. Но оба варианта не понравились президенту Макариосу, который заявил, что такой план ведет к разделу острова.⁸²

Численный состав новоявленной греко-кипрской гвардии, безусловно, намного превышал порог, определенный странами-гарантами. Кроме того, турко-киприоты и военные наблюдатели Турции указывали на увеличение на острове численности военных советников из Греции, и это также нарушало международные договоренности. В июне стало известно: Турция готовит военное вторжение на Кипр. Однако на сцене вновь появились США, которые в довольно резкой форме предупредили руководство Турции «не

делать опрометчивых шагов». Турецкие самолеты все же нанесли удар по греко-киприотским силам, осаждавшим турецкие деревни на северо-западной оконечности острова, но вторжения не произошло.⁸³

Национальная гвардия, руководимая Гривасом, стала проводить усиленное патрулирование турко-киприотских анклавов. А те, в свою очередь, охранялись турко-киприотскими ополченцами ТМТ и были под надзором миротворческих сил ООН. Между бойцами греко-киприотами и турко-киприотами, между группами гражданского населения обеих общин происходили стычки. Раздоры возникали даже среди вчерашних соседей. Одно из столкновений чуть не повергло в состояние войны Турцию и Грецию.

Речь идет об инциденте в двух деревнях южной части Кипра – Агиос Теодорос (турецкое название Богазичи) и Кофину (Гечикале). По описанию очевидца – американского дипломата П. Харта, который в тот период был послом США в Турции,⁸⁴ – обе деревни располагались неподалеку по дороге между городами Ларнака и Лимассол. В первой деревне турки, в количестве 685 чел., традиционно проживали в северной возвышенной части, «контролируя» въезд в населенный пункт через единственный мост. А ниже по склону проживали греки, численностью 525 чел. Взаимоотношения двух общин, ранее дружественные, резко ухудшились в 1963 г., когда из кипрской столицы пришли вести о правительственных раздорах между греко-киприотами и турко-киприотами. Масла в огонь подливали местные ополченцы. Первая стычка произошла в мае 1964 г. просто потому, что греки ошибочно приняли стрельбу в воздух в честь праздника Курбан Байрам в турецкой части деревни за «начало наступления». Последовала взаимная перестрелка. В следующие месяцы боевики турко-киприоты стали терроризировать греческих жителей, не позволяя использовать дорогу для въезда в деревню. В июне подразделения международных миротворцев с трудом предотвратили бой за селян «контрольную высоту». В 1966 г. инциденты с транспортным доступом в деревню затронули греко-киприотскую полицию и солдат Национальной гвардии. Параллельно, в трех км, в деревне Кофину, где численность местных турко-киприотов была подавляющей – 710 чел. к 18 чел., тоже развивался «дорожный» инцидент. Деревня расположена на стыке магистральных направлений от г. Ларнаки – в столицу Никосия и г. Лимассол. В начале 1967 г. все дорожные знаки у этой деревни, на которых имелись надписи по-гречески (в стандартной английской транслитерации, как и по всему острову), были сняты и заменены на надписи по-турецки (тем самым эмиссары турко-киприотской боевой организации ТМТ стремились в разных частях острова «ответить» на преследова-

ние турко-киприотских автобусов в г. Фамагуста). Как следствие, к месту подтянулись вооруженные силы ТМТ с одной стороны и Национальной гвардии – с другой. Противостояние длилось несколько дней, и его удалось прекратить силами миротворцев. Однако командующий Гривас двинул греческий батальон, подкрепленный военными машинами. В ответ на это миротворцы также увеличили свое присутствие, добываясь переговоров и урегулирования. Далее события вновь перенеслись в деревню Агиос Теодорос. В июле того же года в деревне разразилась многочасовая перестрелка, которую смогли остановить только миротворцы. Через день после инцидента бойцы ТМТ обстреляли машину Национальной гвардии у деревни Кофину. Еще несколько дней спустя стрельба уже велась со стороны расположения Национальной гвардии в сторону турко-киприотского дорожного поста деревни Агиос Теодорос. Затем, турко-киприотская полиция у Агиос Теодорос не допустила патрулирование греко-киприотской полицией. А когда проезд для греко-киприотской полиции все же был открыт, и патруль проехал в греческую часть деревни, то на обратном пути попал в засаду, устроенную боевиками ТМТ.

Далее на арену местных событий выступила, ни много, ни мало, Турция, заявив, что пропуск в греческий сектор деревни Агиос Теодорос станет возможным лишь в том случае, если будут убраны дислокации Национальной гвардии в другом месте – у стратегически важной дороги в предместьях г. Ларнаки. Там Национальная гвардия ранее возвела фортификационные укрепления, и в ответ свои укрепления возвели турко-киприоты. В качестве репрессалий со стороны республиканских властей, расположенное поблизости турко-киприотское селение, подверглось экономической и транспортной блокаде. В конце концов миротворцы установили режим беспрепятственного проезда для обеих сторон, и ситуация возле Ларнаки стала менее взрывоопасной. Тем не менее, Турция сочла возможным связать инцидент у Ларнаки с инцидентами у названных деревень, настаивая на своих требованиях. К ноябрю ситуация в районе деревни Агиос Теодорос еще более ухудшилась. В тот период на Кипре происходило множество локальных конфликтов. Но вмешательство Турции в один из них являлось сигналом, что грядут серьезные события. Стало известно, что Греция активно поддерживает своих «соплеменников», и греко-киприоты вот-вот попытаются силой вернуть себе право патрулирования в районе деревни Агиос Теодорос. Миротворцы, пытаясь упредить очередное столкновение, предложили сторонам согласовать расписание патрулирования, но высокие инстанции из Турции выдвинули невыполнимые требования. Столкновения были не-

избежными, а за ними – и военные действия Турции и Греции.

Однако помог случай. Рауф Денкташ, турко-киприотский лидер (впоследствии – президент Турецкой Республики Северного Кипра), создатель ТМТ, высланный с Кипра годом ранее и проживавший в Турции, в октябре описываемого года тайно вернулся на остров. В момент высадки на берег он был схвачен греко-киприотскими спецслужбами. Арест Денкташа на Кипре мог уронить авторитет властей Турции, поэтому последовала политическая игра, и власти Кипра (безусловно, и сам Макариос) дали согласие отпустить Денкташа в Турцию. Это произошло 12 ноября, и почти сразу Турция проявила акт доброй воли, согласившись не увязывать проблему разрешения конфликта у деревни Агиос Теодорос с проблемой демонтажа греко-киприотских фортификаций у дороги на Ларнаку.

С того момента усилия специального представителя ООН были направлены на убеждение греко-киприотской администрации острова: необходимо отложить патрулирование района у деревни Агиос Теодорос дабы турко-киприотская сторона убедилась в добрых намерениях и посчитала инцидент исчерпанным. Тем не менее, как только Денкташ был отпущен, Гривас поставил в известность миротворческие силы ООН, что те, если пожелают, могут присоединиться к патрулированию, которое произойдет вне зависимости от возможных последствий. А к последствиям, уточнил командующий, Национальная гвардия готова. Началась ожесточенная перестрелка между боевиками ТМТ и Национальной гвардией. Гривас использовал артиллерию. Заняв высоту над турецкой частью деревни, Гривас направил части Национальной гвардии в сторону деревни Кофину, поблизости от которой также имелись позиции ТМТ. Имевшийся там пост миротворцев оказался под огнем 75-миллиметровых пушек. К концу 15 ноября выяснилось, что убиты 22 и ранено 9 турко-киприотов, дома разрушены, а жители обеих деревень бежали.

В тот же день из Турции в Нью-Йорк генеральному секретарю ООН была направлена телеграмма. В ней говорилось: если миротворцы сейчас же не освободят турецкие территории от греко-киприотских боевиков и вообще от греко-киприотов в этих двух деревнях, то «кризис станет неизбежным за пределами Кипра». Стало известно, что на раннее утро следующего дня запланирован боевой вылет 25 турецких бомбардировщиков.

Поскольку время на упреждение военного конфликта между Турцией и Грецией утекало очень быстро, самые высокие инстанции, включая президента США Л. Джонсона, попытались (и небезуспешно) надавить на руководство обеих стран. От кипрского

же президента Макариоса ожидалось, что он примет энергичные действия, и ситуация в обеих деревнях будет возвращена к прежней диспозиции. Но последовало заявление командующего Гриваса: если турко-киприоты вернуться на прежние оборонительные рубежи, «их всех взорвут». Гривас не слушал и приказов из Греции. Тогда из этой страны ему было спешно направлено «приглашение для консультаций». Гривас дал согласие, но прежде провел два рейда патрулирования в деревне Агиос Теодорос, обострив ситуацию до крайности, и Турция заявила, что Греция вводит ее в заблуждение. Наконец, 19 ноября Гривас покинул Кипр. Вспоминая об этих событиях, американский посол говорит: две небольшие деревни превратили локальный конфликт в международную политическую бурю.⁸⁵

Хотя Гривас оставил пост командующего на Кипре и вернулся в Грецию, Турция уже заявила на весь мир, что требует вывода с острова «войск Греции» (при этом утверждалось, что военный контингент составляет 12 или даже 20 тыс. человек). Турция грозила направить свои войска, дабы «уравнять силы». Началась передислокация турецких войск в районе Босфорского пролива. В Анкаре и Стамбуле проходили шумные антиамериканские демонстрации. Как участник тех событий, американский дипломат пишет: «Ситуация развивалась таким образом, что ни Греция, ни Турция не могли отступить [не уронив достоинства – *С.В.*], а крошечная республика, где две общины не желали прийти к согласию, могла породить войну, которая разрушила бы все юго-восточное крыло военной организации НАТО»⁸⁶.

Оставляя в стороне тему международного урегулирования, следует сказать о результатах описанных событий для самого Кипра. Американские дипломаты совместно с Турцией разработали положения по выходу из кризиса. Эти положения, в частности, предусматривали вывод с территории острова тех военных сил Греции и Турции, численность которых действительно превысила величину, указанную в международных договорах. Роль миротворцев ООН в поддержании стабильности должна была возрасти за счет разоружения и расформирования инициативных вооруженных групп греко-киприотов и турко-киприотов. Полиция на Кипре должна была стать единой (*mixed*) и не состоять из групп, «различающихся по религиозным признакам». Позднее эти положения были несколько изменены. Однако важно то, что оба государства-гаранта приняли их, и опасность международного военного конфликта миновала.⁸⁷ Тем не менее, в нарушение договоренностей, ни Национальная гвардия, ни ТМТ не были расформированы.

Многие наблюдатели указывали, что в описываемые годы разделение двух общин на острове стало

максимальным. Оно сопровождалось тяжелой жизнью турецкой общины в изолированных анклавах. В декабре 1967 г., когда международный кризис миновал, лидеры турко-киприотов объявили о создании своей временной администрации, которая будет действовать до возвращения конституционных норм. Высланный из Кипра двумя месяцами ранее Р. Денкташ, стал вице-президентом, а президентом – соруководитель бывшего единого Кипра Ф. Кучук. Временная турко-кипрская администрация провозгласила «Основные принципы», включившие 19 положений. Была учреждена Законодательная ассамблея, включившая депутатов турко-киприотов нефункционирующего общекипрского парламента. Данная система не претендовала на признание в качестве формы государственного управления. Тем не менее, греко-кипрская сторона сразу усмотрела опасность раздела острова. Те же опасения были высказаны генеральным секретарем ООН.⁸⁸

Через месяц после создания временной турко-киприотской администрации, в январе 1968 г. было объявлено, что в феврале пройдут выборы президента страны. Выборы действительно состоялись, и Макариос, как поборник независимости Кипра, получил почти все голоса избирателей, и вновь был избран президентом (его оппонент, настаивавший на прежней идее эносиса, получил менее 4% голосов). Накануне выборов Кучук напомнил, что одновременно в турецкой общине острова должен избираться вице-президент, и также был вновь избран. Макариос объявил, что Кипр будет развиваться как независимое единое государство с равными правами для всех граждан.

К середине 1968 г. начались позитивные подвижки в межобщинном урегулировании – за пределами страны стартовали переговоры. Хотя согласия не было достигнуто, были сняты экономические ограничения с турко-киприотских анклавов, а между анклавами было разрешено перемещаться. Некоторые турко-киприоты начали возвращаться в смешанные поселения. Однако взаимное недоверие сохранялось.

Проведение парламентских выборов в 1970 г., на которых фиксированное количество мест было оставлено для турко-киприотских депутатов, показало, что остров фактически разделен на две самоуправляемые общины. Тем временем из Греции через газеты и радио слышался голос Гриваса, обвинявшего Макариоса в предательстве идей эносиса.⁸⁹

Летом 1971 г. напряженность на Кипре возросла вновь, межобщинные инциденты участились. Считается, что тем же летом Гривас тайно прибыл на Кипр для создания новой конспиративной организации, которая получила наименование «ЕОКА В». Одновременно были учреждены три газеты, пропагандирующие эносис. По мнению историков, деятельность

Гриваса направляла военная хунта Греции, которая стремилась сместить кипрского президента Макариоса. Одновременно хунта пыталась оказывать политическое давление на кипрского президента. Хотя население горячо поддерживало Макариоса (массовые демонстрации), против него выступали офицеры Национальной гвардии. В свое время на Кипре в Национальной гвардии служил полковник Греции Д. Иоанидес, и именно он в 1973 г. в результате очередного военного путча пришел к власти в своей стране.⁹⁰

Далее происходят следующие события. Бескомпромиссный и непримиримый Гривас, контролирующий свою террористическую организацию, в январе 1974 г. умирает от сердечного приступа. В надежде, что организация «ЕОКА В» распадется, Макариос объявляет боевикам амнистию. Но теракты не прекращаются. Весной кипрским спецслужбам стало известно, что организация «ЕОКА В», спонсируется хунтой Греции и готовит свержение власти на острове. События разворачиваются быстро: 2 июля Макариос направляет письмо руководству Греции о том, что эта страна, поддерживая терроризм, угрожает лично ему и независимости Кипра. Ответа Макариос не получает. А 15 июля происходит военный переворот, учиненный Национальной гвардией с покушением на жизнь президента. Цель переворота – свержение президента Кипра и объединение острова с Грецией. Укрывшись на британской военной базе, Макариос затем переправляется в Лондон.⁹¹ Путчисты президентом объявляют известного члена ЕОКА Никоса Сампсона, а епископа Геннадия – главой православной церкви Кипра.

Военный переворот на Кипре, вызвал резкие подвиги армии Турции – войска приводятся в боевую готовность. Британия, имея только 3 тыс. военных на кипрских базах и не желая повторения волны терроризма в свой адрес, отказалась вмешиваться в происходящее. Турция выдвинула ультиматум хунте Греции: убрать своих военных из Национальной гвардии Кипра, убрать «временного» президента, гарантировать независимость Кипра. Однако хунта, будучи уверенной, что и на этот раз Турцию остановят США, выслала ответ сомнительного содержания.⁹² Пока американские дипломаты пытались вести упреждающие переговоры, турецкий военный флот уже вышел на боевое задание. Прошло только пять дней после переворота, и 20 июля 1974 г. началась оккупация Турцией северной части Кипра. В итоге 37% территории острова оказалась под полным контролем этой страны, 2,5 тыс. человек погибло, 210 тыс. стали беженцами, из них 162 тыс. греко-киприоты, 48 тыс. турко-киприоты.

Интервенция проходила в два этапа. Вначале военные соединения высадились в северной части ост-

рова в районе Кирении, где были встречены огнем. Захват греко-киприотских селений войсками Турции очевидцы описывали как терроризм, массовые убийства и грабежи. Лишь через два дня после начала интервенции, в результате действий Совета Безопасности ООН, была достигнута договоренность о прекращении огня. На тот момент турецкие войска контролировали узкий коридор от побережья – вглубь острова до столицы Никосии. В обход договоренностей о прекращении огня турецкие военные еще несколько дней расширяли свой плацдарм.⁹³

В Греции глава хунты Иоанидес призвал своих соратников атаковать Турцию «по всем фронтам». Те отказались, и хунта рассыпалась. Вслед за тем прекратила свое существование и путчистская администрация на Кипре. Спешно была проведена конференция в Женеве с участием трех стран-гарантов; последовала декларация о том, что Турция не должна далее расширять оккупационную зону. Было заявлено, что необходима вторая конференция, где должны быть представлены две враждующие общины. Однако численность турецких войск на острове продолжала увеличиваться, захватывались и грабились населенные пункты, людей либо изгоняли, либо отправляли в тюрьмы Турции.⁹⁴

Конференция была созвана в Женеве 10 августа. Турко-киприоты, при поддержке политиков Турции, заявляли, что идея эносиса «вновь возможна», а по-сему, нужен не возврат к конституции 1960 г., а создание на острове федерации из двух автономных зон.⁹⁵ Денкташ от лица турко-киприотов предложил двузональную (bizonal) федерацию, в которой турко-киприоты управляют 34% территории острова. Второй вариант: в северной части острова создается турко-киприотская территория, а на остальной части выделяется еще пять анклавов, что в сумме опять же равно вышеуказанной доле. Греко-кипрская сторона попросила время на обдумывание. Однако, не дожидаясь результата переговоров, 14 августа началась вторая фаза интервенции войск Турции, в ходе которой было убито 6 тыс. человек.⁹⁶ Прекращение наступления и прекращение огня со стороны войск Турции произошло лишь тогда, когда войска заняли 36,5% территории северной части Кипра, дойдя до рубежа, намеченного самими захватчиками и названная «линией Аттилы». Эта «линия» соответствовала буферной зоне, патрулируемой миротворческими силами ООН с 1964 г. С этого момента на острове возникло состояние полного разделения, которое продолжается до настоящего времени уже почти сорок лет.

С момента оккупации, развитие кипрского конфликта и возможные пути его урегулирования стали совершенно иными. Если ранее вопрос ставился о том, как делить власть, то теперь стало необходимо ис-

кать пути в лучшем случае федеративного объединения⁹⁷.

Как минимум треть греко-киприотского и турко-киприотского населения была вынуждена перейти из одной части острова в другую. Кипр превратился в гигантский лагерь перемещенных лиц. В условиях полной разделенности и чувства взаимной вражды трудно было устанавливать контакты и находить компромиссы. Этого не смог сделать вернувшийся на остров в 1974 г. законный президент Макариос. Острейшей проблемой стал вопрос вынужденных переселенцев. В 1975 г. было подписано Венское соглашение, согласно которому взаимные переселения продолжались вплоть до начала 1980-х гг. Но и до настоящего времени проблема возврата к прежним местам проживания остается острой. Конфликт приобрел затяжной характер, порождая все новые проблемы взаимных претензий на официальном, межгрупповом и межличностном уровнях.

Институциональный конфликт

В следующем году после начала оккупации было декларировано о создании отдельного самопровозглашенного государства в северной части Кипра, получившего название Турецкое федеративное государство Северного Кипра. Слово «федеративное» как бы символизировало, что ожидается объединение двух частей острова. Объявлено также, что главой является Р. Денкташ. Была принята конституция. Название просуществовало до 1983 г., затем, после референдума от термина «федеративная» отказались, самопровозглашенное государство отныне именовалось Турецкая Республика Северного Кипра. С тех пор в этой части острова ежегодно празднуют День Республики (15 ноября). Совет Безопасности ООН отклонил декларацию независимости самопровозглашенного государства, назвав ее незаконной. Турецкая Республика Северного Кипра получила признание только у Турции (Турция не признает существования Республики Кипр), позднее – у Нахичевани (автономия в составе Азербайджана) и Абхазии. Кроме того, Организация Исламской Конференции также признала легитимность этого государственного образования.

Самостоятельное развитие государственности на севере острова продолжалось, и в 1985 г. принята конституция этой республики, которая, как оценивают эксперты, отвечает основным демократическим нормам. В ней еще в большей мере, нежели в предыдущей конституции, уделено внимание вопросам защиты прав и свобод человека. Конституция дает полное представление о мотивах отделения и господствующей среди турко-киприотского населения идеологических воззрений: «Принимая во внимание, что тур-

ко-киприотский народ является неотделимой частью великой турецкой нации, которая существовала независимо и боролась за свои права и свободы на протяжении всей своей истории, и

Принимая во внимание, что турко-киприотский народ, перед лицом событий, направленных против его национального существования и права на жизнь, начиная с 1878 г., когда он был оторван от Родины, и особенно усилившихся после 1955 г. и принявших форму вооруженного терроризма, агрессии и подавления, организовал свое сопротивление, будучи зрелым интегрированным и единым сообществом, и

Принимая во внимание, что турко-киприотский народ установил, что не могло быть индивидуальных прав и свобод без приобретения коллективных прав и свобод через горькие испытания, которым он подвергался до Миротворческой операции 1974 г., осуществленной Героической Турецкой Армией согласно естественным, историческим и правовым гарантиям Родины, проистекающим из Договоров, обеспечившей турко-киприотам возможность жить в мире, безопасности и свободе, и

Принимая во внимание, что перед лицом попыток, направленных на то, чтобы лишить его всех прав <...> и полностью разрушить его существование на Кипре, и перед лицом Республики Кипр, которая с 21 декабря 1963 г. незаконными средствами стала монополией греко-киприотов и трансформировалось в греко-киприотское государство не только с точки зрения его состава, но и с точки зрения политики, которой оно следует, и которое, в результате политики расизма и дискриминации, направленной на панэллинистскую экспансию, вышло из Договоров и принципов, заключенных в Конституции и тем самым утратило свою легитимность, турко-киприотский народ, используя свое право на самоопределение, объявляет перед всем миром и перед лицом истории установление Турецкой Республики Северного Кипра»⁹⁸.

Таким образом, в результате острого конфликта на острове возникло второе крошечное де-факто государство, площадью всего 3,4 тыс. кв. км и населением 288 тыс.⁹⁹ Следует учесть, что процессы становления собственной турко-киприотской государственности происходили в отсутствие результативных договоренностей между противоборствующими сторонами – первые реальные переговоры о двузональной, двуобщинной федерации имели место уже после смерти Макариоса в 1977 г.

В 1979 г. между двумя главами разделенного острова был подписан договор, включивший десять пунктов о шагах к диалогу. Затем были переговоры при посредничестве ООН в 1985 г. Но с вариантами возможных уступок не соглашалась то одна, то другая

сторона. К тому времени ситуация на острове заметно изменилась. Хотя соперники нуждались в урегулировании (и это подтверждалось ожиданиями населения, реализуемыми на выборах), экономика в обеих частях острова (особенно – в греческой) улучшалась, и это подталкивало политиков к отказу от компромиссов.

«Холодная» фаза конфликта способствовала его усиленной политизации. Вовлеклись новые международные игроки. В 1990 г. греко-кипрская сторона подала заявку от имени всего острова на вступление в Евросоюз. Правомерность этого опротестовала северная часть острова. Но Еврокомиссия провозгласила (1993 г.): заявка греко-киприотов принята, Республика Кипр может рассчитывать на вступление в ЕС. На острове и за его пределами начались ожесточенные дебаты. Недовольство высказала Турция. Первоначально остроту несколько снизило требование Евросоюза: урегулировать конфликт, а потом претендовать на членство в ЕС. Но уже в 1994 г. на саммите в Корфу Европейский Совет объявил, что Кипр все же будет принят в ЕС. Об урегулировании кипрского конфликта, как предварительном условии, уже речь уже не велась.¹⁰⁰ Напротив, утверждалось, что, мол, сам факт вступления поможет урегулированию. Турко-киприотская часть острова возбужденно обсуждала «несправедливость». Президент Денкташ заявил: если ЕС примет греко-киприотов, тогда его Республика Северного Кипра будет искать интеграции с Турцией¹⁰¹.

В том же 1994 г. Европейский суд своим постановлением наложил запрет на импорт картофеля и цитрусов из турецкой части острова. Теперь импорт в страны ЕС дозволялся только при наличии сертификатов, выдаваемых греко-кипрской администрацией.¹⁰² Турко-киприоты восприняли это как демарш против их государственности и как позицию Европы по кипрской проблеме.¹⁰³ Вслед за этим Ассамблея Турецкой Республики Северного Кипра заявила об отказе искать подходы федеративного решения кипрской проблемы.¹⁰⁴

Тем не менее, в 1995 г. был учрежден и начал действовать совместный с Республикой Кипр европейский Совет по инкорпорированию греческого Кипра в ЕС. В ответ на это руководство Северного Кипра обнародовало предусловия дальнейших переговоров по кипрской проблеме: переговоры должны вестись без посредников – иных государств и международных структур. Далее, Северный Кипр и Турция объявили о намерении начать свою интеграцию. Соответствующая двусторонняя декларация была подписана в 1997 г.¹⁰⁵ Таким образом, политический конфликт отяготился политическими и экономическими обязательствами враждующих сторон перед внешними игроками.

В том же году Евросоюз принял План-2000, в котором предусматривалось начало переговоров о членстве Республики Кипр в ЕС. Этот шаг был предпринят, невзирая на то, что между двумя противниками должны были начаться двусторонние переговоры об урегулировании конфликта под эгидой ООН. Переговоры были сорваны – турко-киприоты настояли на их отмене.¹⁰⁶

Атмосфера взаимного недоверия сохранялась на протяжении всех 1990-х гг. Опять же в 1997 г. разразился международный скандал по поводу намерения греко-киприотов купить российские военные ракеты системы земля-воздух S-300 с дальностью полета 90 миль (до побережья Турции и глубже как раз такое расстояние). Руководство греческой части Кипра мотивировало это тем, что республике необходима защита от дальнейшей экспансии Турции. В ответ Северный Кипр и Турция подписали декларацию о совместной обороне, при этом было заявлено, что любая атака на Северный Кипр будет рассматриваться как военные действия против Турции.¹⁰⁷ Россия со своей стороны заверила, что для нее продажа ракет – чисто коммерческое предприятие, и предложила план по преодолению ситуации. Однако выдвинутые Россией «Основные принципы кипрского урегулирования» не были восприняты турецкой стороной.¹⁰⁸

Вдобавок ко всему, в конце этого тяжелого года на саммите Европейского Совета в Люксембурге было вынесено решение о конкретной дате начала переговоров о вступлении Республики Кипр в ЕС. При этом Турция была исключена из списка кандидатов на вступление. Это еще сильнее подтолкнуло Турцию к интегрированию Северного Кипра.¹⁰⁹ Уже в марте 1998 г. она установила совместную экономическую зону с Северным Кипром, затем последовало их совместное заявление о том, что, ведя переговоры только с греко-киприотской администрацией Кипра, Евросоюз игнорирует международное право и международные договоры по Кипру 1959-1960 гг., нанося удар по разрешению конфликта на острове. Отныне, говорилось в заявлении, любые переговоры по кипрской проблеме допустимы только с позиций того, что проводятся между двумя целиком суверенными сторонами.¹¹⁰

Но Евросоюз остался на своих позициях. В 1999 г. на Хельсинском саммите ЕС было подтверждено, что Республика Кипр станет его членом, и указывалось, что политика Евросоюза рассматривает отдельно проблему членства и проблему урегулирования конфликта. Одновременно ЕС пообещал «возможное членство для Турции» в некоем неопределенном будущем.¹¹¹

Тема вступления греческой части Кипра в ЕС стала, чуть ли не основным препятствием урегулирова-

ния. В 2000 г. стало очевидным, что все усилия ООН и посредничество генерального секретаря К. Аннана, направленные на двусторонние переговоры, оказались подорванными. Противники не хотели предпринимать никаких шагов навстречу друг другу и находились в ожидании финального решения о европейском членстве Республики Кипр.

В 2001 г. Евросоюз стал обвинять Турцию и Северный Кипр за их экономическое сотрудничество, угрожая санкциями. На это Турция также пригрозила, что аннексирует Северный Кипр, если греческая часть острова станет членом ЕС.¹¹² Все же, в конце года турко-киприотский президент Р. Денкташ выступил с предложениями в адрес президента Республики Кипр Г. Клеридеса перейти к двусторонним переговорам. В присутствии представителей ООН лидеры начали проводить регулярные дискуссии. Но и на этот процесс Евросоюз не обратил особого внимания, а в 2002 г. Еврокомиссия даже заявила, что ответ заявке Турции на членство в ЕС, если та будет высказываться против членства Республики Кипр.¹¹³

В таких неблагоприятных условиях двусторонние переговоры между частями острова продолжались, и в 2002 г. генсек ООН К. Аннан предложил 137-страничный план урегулирования. Почти вслед за тем чиновник высокого ранга из Еврокомиссии заявил, что Республика Кипр не далее как через два года станет членом ЕС «вне зависимости от того, будет ли найдено решение кипрской проблемы», и, что, мол, вскоре будет подписано соответствующее соглашение. В 2003 г. соглашение действительно было подписано, и вновь стало известно о заявлении еврочиновника: когда Республика Кипр станет членом ЕС, в случае урегулирования кипрского конфликта будет поднят вопрос о приостановке действия членства на оккупированной Турцией территории.¹¹⁴ Но двусторонние переговоры об урегулировании не были прекращены, и впервые за всю историю конфликта наметился позитив – договорились о частичном открытии переходов через контролируруемую миротворцами ООН буферную зону.

Это был настоящий прорыв – в переносном и прямом смысле. С открытием нескольких пунктов перехода «зеленой линии» люди из Республики Кипр впервые за три десятилетия получили возможность посещать Северный Кипр. Но, конечно, они не обрели права вернуться и жить в своих домах, не могли получить вид на жительство. Правда, были оговорены исключения: вид на жительство мог быть выдан персоне как иностранцу. Вслед за тем последовал акт доброй воли Евросоюза: Северному Кипру было обещано 15 млн евро «для облегчения торговли с ЕС и развития двуобщинных проектов». Был также запущен проект Совета Европы по вопросам двуобщинного сотрудничества в деле преподавания истории,

поскольку именно преподавание этой дисциплины в школах и вузах Кипра по обе стороны буферной зоны вносило значительный разлад.

Следует сказать, что в конце того же 2003 г. в Северном Кипре выборы показали нежелание населения поддерживать политических деятелей и партии, настаивавших на сохранении статус-кво в кипрской проблеме. В результате появилась новая правящая коалиция во главе с премьер-министром Мехмет Али Талатом (в 2005 г. – президент республики Северного Кипра), который желал позитивных перемен во взаимоотношениях с Республикой Кипр. Он поддержал план мирного урегулирования и объединения Кипра, предложенный генсеком ООН.

В феврале 2004 г. две республики Кипра при международном посредничестве провели саммит в штабквартире ООН в Нью-Йорке, договорившись окончательно уточнить текст плана К. Аннана с тем, чтобы обсудить его на референдуме. План предусматривал создание двузональной и двуобщинной федерации с уменьшением турко-киприотской административной территории с 37% до 29%. В марте финальный текст Плана всестороннего урегулирования был подготовлен, и уже 24 апреля того же года в обеих частях острова были проведены референдумы по принятию этого Плана. Это был долгожданный исторический шанс. Результаты референдума: в северной турецкой части – 65% в поддержку, в южной греческой части – 76% против. Таким образом, объединения не произошло.

Шанс был упущен по ряду причин, но в значительной мере из-за того, что через несколько дней после референдума, а именно 1 мая Республика Кипр стала полноправным членом Евросоюза. Как указывали наблюдатели, результаты референдума на греческой стороне было легко предвидеть по опросам населения. На общественное мнение влияла именно тема вступления в ЕС.¹¹⁵ Как бы в качестве компенсации Евросоюз заверил Северный Кипр в том, что направит региону в качестве экономической помощи 259 млн евро.¹¹⁶ Нет ясности, могло ли членство в ЕС помочь урегулированию, но то, что объединенная Европа приняла на себя функцию важного политического игрока в кипрском конфликте, стало очевидным.¹¹⁷ Десять последующих лет пребывания греческого Кипра в ЕС не придали урегулированию решающих импульсов. Взаимоотношения между двумя частями Кипра в политической сфере продвинулись очень мало.

В то же время общественные, научные и коммерческие связи стали развиваться. Повседневность диктует свои правила, и сегодня есть признаки коммерческой интеграции. Кипр все чаще предстает как единая территория в отношении использования его рекреационных ресурсов. С 2006 г. значительная часть

турко-киприотов ежедневно, либо сезонно пересекает буферную зону туда и обратно для осуществления трудовой деятельности. Часть турко-киприотов окончательно вернулась в южную половину острова к местам прежнего проживания.

Сложнее всего договариваться политикам. Отношения между двумя государственными образованиями Кипра то и дело омрачаются спорами по вопросам недвижимой собственности, которой лишились десятки тысяч перемещенных лиц. Часто происходят события, которые раздражают ту или другую сторону. В 2005 – 2006 гг. президент Республики Кипр Т. Пападопулос наградил медалями и дипломами 21 тыс. человек – ветеранов организации ЕОКА. Для поддержки ветеранов этой одиозной (а с точки зрения Британии, Турции и Северного Кипра, террористической) организации был учрежден фонд, принимающий пожертвования для их лечения и лечебной реабилитации. А в Республике Северного Кипра в тот период учреждена Комиссия по вопросам недвижимой собственности, которая в обход международных норм (мнение Республики Кипр), выносит решения о компенсациях за утраченную недвижимость во время военного конфликта.

Лишь к концу десятилетия наметились политические подвижки. В 2008 г., начиная с марта, последовала серия встреч двух лидеров греческой и турецкой сторон Кипра Д. Кристофиаса и А.М. Таталата для обсуждения резолюции Совета Безопасности ООН, рекомендовавшей создание федеративного государства. Стороны признавали необходимость этого и заявляли о необходимости проработки «технических деталей» по подготовке всеобъемлющего договора о единстве суверенитета. В апреле был открыт свободный переход буферной зоны через пункт пропуска Лендра (Локмачи) в центре столицы Никосии. Затем в мае последовало соглашение, в котором говорилось: две стороны вновь поддерживают идею двузональной и двуобщинной федерации на основе принципа политического равенства. Такое партнерство, говорилось в документе, будет опираться на федеральное правительство с единым международным представительством.¹¹⁸ Были созданы совместные рабочие группы (технические комитеты). Совет безопасности ООН поспешил назвать начавшиеся переговоры полномасштабными.

Однако преодоление прежней риторики политикам, властям, СМИ оказалось крайне сложно. Язык вражды сохраняют газеты, теле-радио- и электронные источники. Комментарии по поводу самых различных событий, далеких от кипрского конфликта, полны дебатов между враждебными лагерями. Продолжают происходить события, которые приносят в общественный дискурс новую порцию раздражения. В конце 2009 г. на старом бри-

танском кладбище в Кирении (Северный Кипр) был открыт мемориал британским служащим, которые были убиты на Кипре с 1955 по 1958 гг. боевиками ЕОКА. Мемориал был построен по инициативе и на средства британских ветеранов, не при участии властей Северного Кипра. Тем не менее, правительство Республики Кипр, ветераны ЕОКА и СМИ назвали это политическим и недружественным шагом. Официальное заявление сделал президент РК Д. Кристофиас. А руководитель Ассоциации ветеранов ЕОКА сказал: подобный монумент нельзя воздвигать на Кипре, тем более, в оккупационной зоне. Даже местные жители в самой Кирении усмотрели политическую мотивацию мемориала и высказывали мнение, что это не послужит на пользу мирному урегулированию.¹¹⁹

По прошествии двух лет стало понятно: переговорный процесс опять становится формальным и ни к чему не обязывающим. В ноябре 2010 г. два кипрских лидера в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке договорились «усилить темпы переговоров». Генсек ООН Пан Ги Мун лично присутствовал на встречах с президентами противоборствующих сторон Д. Христофиасом и Д. Эроглу. Генсек объявил, что планируется созвать международную конференцию по кипрскому урегулированию, которая зафиксирует достижение взаимного согласия сторон и поставит точку в кипрской проблеме.¹²⁰ В 2011 г. встречи двух кипрских сторон возобновились при намеченной интенсивности контактов 3-4 раза в месяц.¹²¹ Однако представители Совета безопасности ООН уже в тот период указывали, что «время по-прежнему работает не на разрешение конфликта». Прошло еще два года, и генеральный секретарь ООН пришел к выводу (апрель, 2012 г.), что по кипрскому урегулированию прогресса нет, и созвать международную конференцию по Кипру преждевременно.¹²²

Коллективная травма

За десятки лет, прошедшие с момента остановки горячей фазы конфликта, возникали и исчезали различные препятствия на пути урегулирования. В последнее время поводом стал спор о выявленных в 2011 г. газовых месторождениях в Средиземном море. Бурение шельфа осуществляется Республикой Кипр, но Турция – против этого, полагая, что право на ресурсы принадлежит Турецкой республике Северного Кипра.

Однако какими бы весомыми ни были новые факторы, в нынешнем общественном сознании кипрский конфликт – это, прежде всего, три нерешенные проблемы: без вести пропавшие, беженцы, недвижимая собственность. Вне зависимости от того, будет ли в ближайшем будущем на острове общее государство,

эти темы останутся предметом ожесточенных разногласий и спекуляций.

Надо сказать, что греко-кипрское правительство по всем трем вопросам занимает радикальную позицию, постоянно заявляя, что греко-кипрская сторона получила гораздо большую травму и понесла больший ущерб в результате конфликта. Долгие годы власти Республики Кипр последовательно и даже расчетливо подогревали общественное мнение, используя риторику бескомпромиссности. Такая политика пролонгирует общественную травму. Турецко-кипрская администрация, также выдвигает встречные претензии, но как сторона, ищущая международной поддержки и признания, высказывается более умеренно и призывает к поиску компромиссов, настаивая на «реалистичном подходе в современных условиях».

В решении проблемы общественных травм сегодня участвуют всевозможные структуры гражданского общества. Но позитивное продвижение медленное и не снимает взаимного напряжения. Общественные организации, как с той, так и с другой стороны острова, способны решать только частные вопросы отдельных людей. Представительные международные структуры делают на том основании выводы о полной неопределенности в разрешении конфликта.¹²³ И все же нельзя не заметить, что тема травмы уже переродилась из предмета конфликта в его культ и даже – в средство манипулирования общественными настроениями.

Проблему беженцев на Кипре, согласно принятому на международном уровне лексикону и нормам, принято именовать проблемой внутренне перемещенных лиц – internally displaced persons (IDPs). Массы греко-киприотов были перемещены в результате вторжения Турции и оккупации северной части острова. Турко-киприоты заявляют, что испытывали многократные выселения до прихода на остров войск Турции, говорят о вынужденных перемещениях в этнические гетто – анклав, которые турко-киприотам нельзя было покидать до 1968 г. Затем только небольшая часть перемещенных турок смогла вернуться в места прежнего проживания – к 1970 г. таковых насчитывалось не более 1,7 тыс. чел. Эксперты указывали, что длительное удержание в анклавах стало причиной «значительной общественной травмы». В спорах по поводу численности перемещенных лиц участвуют не только соперничающие стороны, но и авторитетные международные структуры, в частности UNHCR.

Камнем преткновения в решении кипрского конфликта является вопрос утраченной собственности, прежде всего, недвижимости, которой владели граждане до насильственных перемещений. Вопрос о собственности на Кипре пытаются решать международные судебные структуры. У противоборствующих

сторон согласованного политического решения нет, каждая сторона настаивает на своем подходе, не признавая встречные аргументы.

Греко-кипрские власти постоянно заявляют: до настоящего времени 200 тыс. греко-киприотов являются вынужденно перемещенными. А турко-кипрская администрация настаивает на том, что на всем острове перемещенных лиц вообще не существует. В противоречия вступили два подхода, которые условно можно назвать «европейской» и «восточной».

В период турецкого владычества на Кипре действовало мусульманское право, оформленное во второй половине XIX в. пятью гражданскими кодексами. С переходом к британскому управлению традиционные нормы заменялись постепенно,¹²⁴ причем земельный кодекс был заменен английским колониальным законодательством только в 1945 г. Но и после того, как Кипр стал независимым, в семейном праве и отдельных вопросах личного статуса было сохранено религиозное право.¹²⁵ В исламе же существуют свои представления о собственности. Шариат запрещает использовать уничтоженное имущество – такое имущество не имеет ценности и не подлежит компенсации. С другой стороны, любое лицо, которое завладело имуществом, не имеющим собственника, приобретает на него право. И еще: лицо, не использующее в течение трех лет «оживленную» землю, теряет на нее право собственности, которое переходит к тому, кто ее реально освоит.¹²⁶ Поскольку в результате интервенции Турции 1974 г. северная часть Кипра лишилась большей части населения, то согласно указанным принципам, имущество, жилье и земли могли считаться собственностью нового населения.

По заключению многих исследователей и по данным международных отчетов, переселение в результате конфликта турок-киприотов происходило организовано и с максимальным сохранением сельских общин. Общая численность перемещенных была меньшая, в сравнении с количеством жилья на севере, оставшемся от прежних владельцев греко-киприотов. Поэтому практически каждая перемещенная турецкая деревня получила на севере свою территорию. Перемещенные полагали, что имеют право получить документы на жилье, ранее принадлежавшее греко-киприотам, ведь они сами лишились своих владений на юге. Иные же сомневались в своем праве, говорили, что им не нравится получать жилье тех, кто был изгнан. Все же доминировала первая точка зрения, которую целиком поддержала турко-кипрская администрация, признавая права новых собственников. При таком подходе критерий приобретательской давности не имеет значения, но именно на приобретательской давности основано право (и представления о праве) владения землей и недвижимостью в среде греко-киприотов.

Сложилась парадоксальная ситуация: «европейская» (британская) правовая модель, действующая в греко-кипрской части острова, как бы одним фактом своего существования поддерживает массовую травму. А действующая в греческой части острова система социальных выплат и льгот лицам, обладающим статусом перемещенных, культивирует общественную память о конфликте. Тому же способствуют немалые экономические затраты госбюджета на выполнение соответствующих программ. Следует учесть, что доля лиц, обладающих официальным статусом перемещенных, составляет более 20% всего населения Республики Кипр. Сохраняется практика обеспечения бесплатным жильем зарегистрированных беженцев (обладатели Refugee Identity Card). Например, в 2009 г. в очереди на такое обеспечение находилось 15 тыс. семей.

Греко-киприоты, по их заявлениям, испытывают не только экономические трудности, но и культурно-психологические проблемы, связанные с утратой социальных связей и ностальгией по родным местам. Те из них, кто проживает в бывших владениях турко-киприотов часто испытывают нервозность и опасения, что прежние владельцы в любой момент могут вернуться.

Европейский суд по правам человека направил правительству Турции установить компенсации для утративших собственность в пределах северного Кипра за период, начиная с 1963 г. и позднее. Вслед за тем в 2006 г. в Республике Северного Кипра была учреждена Комиссия по вопросам недвижимой собственности.¹²⁷ Но обращений в эту инстанцию было немного, например, за три последующие года работы этой комиссии в нее обратились несколько сотен человек, а завершенных дел было менее сотни. В основном комиссия назначала выплаты компенсаций, очень редко – восстанавливала бывших собственников в правах, либо назначала обмен в совокупности с компенсационными выплатами. Хотя Европейский суд по правам человека одобрил механизмы, используемые Комиссией, но правительство Республики Кипр предприняло усилия по подрыву ее работы. Тех своих граждан, кто собирался обратиться в Комиссию на турецкой стороне, власти РК уверяли, что этого делать не следует. Вынесенные Комиссией решения об обмене не признаются на территории РК, причем власти делают достоянием гласности имена тех, кто направляет в северную часть острова свои заявления. Известен случай увольнения члена межправительственной рабочей группы по вопросам собственности, уличенного в подаче искового заявления в Комиссию Северного Кипра.

Государственная доктрина поддержки перемещенных лиц в РК переживает кризис. Положение пере-

мещенных лиц и их детей является неравным. Дети мужчин, имеющих статус «перемещенного лица» могут, согласно закону, претендовать на такой же статус и соответствующие льготы, а дети женщин, обладающих тем же статусом, могут претендовать только на справку о происхождении (Certificate by Descent), которая не предусматривает льготы. Более 50 тыс. чел. оказались дискриминированы, и это тоже обостряет тему общественной травмы. Статус беженца передается следующему поколению по отцовской линии, и власти поясняют, что это сдерживает рост количества претендующих на бесплатное жилье... Однако численность заявителей на статус все равно умножается. Возникают даже абсурдные ситуации. Так, грек-киприот, имевший статус беженца, женился на приезжей из Шри-Ланки, у которой уже был свой взрослый сын, и грек стал ему приемным отцом. Через небольшой срок приемный сын также женился – и тоже на девушке из Шри-Ланки, а затем обратился в государственные органы Республики Кипр за безвозмездным грантом на постройку собственного дома. Грант был выделен и дом построен, а дети этой молодой семьи теперь тоже вправе наследовать льготы греко-киприотских беженцев.

В высшей степени болезненной остается тема без вести пропавших людей. Это в основном жертвы столкновений 1960-х гг. и во время интервенции Турции в 1974 г. Еще в 1981 г. была учреждена трехсторонняя комиссия, включившая вместе с экспертами ООН представителей греческой и турецкой частей Кипра. Но взаимное недоверие сторон мешало заниматься этой проблемой. Только в 2006 г. в разных частях острова началось вскрытие массовых захоронений для идентификации останков, и еще через год стороны стали передавать останки родственникам. В 2010 г. было установлено, что пропавшими без вести по-прежнему числятся 1,5 тыс. греко-киприотов и 0,5 тыс. турко-киприотов.¹²⁸

Пропаганда конфликта

Прологом столкновений на Кипре послужило бурное развитие национализма во всех сферах общественной жизни. Даже в жилом строительстве первых десятилетий XX века его символика оставила яркий след. По всему острову в постройках использовалась стилистика т.н. Греческого Возрождения, которая отвечала националистически ориентированным мероприятиям, включавшим постановки классических пьес и проведение всевозможных церемоний, таких как «День Флага».¹²⁹

Кипрская проблема отягощена длительной традицией идеологической обработки. Устойчивые клише и взаимные фобии запечатлены в виде формулы борьбы греко-киприотов за эносис (союз с Грецией) и

борьбы турко-киприотов за таксим (разделение острова).

Пропаганда эносиса прежде была распространена на других островах средиземноморья, которые действительно вошли в состав Греции (среди них такие крупные как Крит и Родос). В XIX в. общественным лидерам и церковным иерархам казалось естественным, что сохранение эллинской культуры, сохранение православия требует только такого союза. Требование эносиса, инициированное освободительной войной в самой Греции, распространение в эллинском мире «Великой идеи» (Meghali Idhea) получили хождение на Кипре еще в период турецкого владычества. Националистические чувства распространялись среди греко-киприотов непосредственно через консульство Греции, которое было открыто на острове в 1846 г. Когда началась активная агитация со стороны Греции, греко-киприоты стали рассматривать себя не только как часть эллинского и христианского мира, но и как часть «греческой нации».¹³⁰

Особую роль в подготовке общества к восприятию национальной идеологии сыграли греческие школы на Кипре, которые действовали в этом направлении активно задолго до начала британского правления – уже в 1820-е гг.¹³¹ Важнейшим механизмом «нациестроительства» была именно система образования, в которой первостепенную роль играли учителя, подготовленные в Греции.¹³²

В научной литературе часто можно прочесть, что именно во время британского правления началось искусственное разделение двух общин – греческой и турецкой. Однако ко времени прихода на Кипр Великобритании, общинная и институциональная разделенность на острове уже существовали. Колониальная британская администрация лишь укрепила разделенность и стала манипулировать ею. Отличия состояли в том, что до британского правления разделенность не была сильно политизированной, и более значимыми были социально-имущественные различия.¹³³

Несмотря на то, что на острове имелось большое количество смешанных населенных пунктов, они делились на кварталы, в которых отдельно проживали мусульмане и христиане. Так было и в Османскую эпоху, и в период британского правления. Разделение исследователи объясняют системой управления в Османской империи, согласно которой каждая религиозная община («народ») должна иметь свои органы управления, свой суд и образование. Существует точка зрения, что такая система, при определенных обстоятельствах, сыграла свою роль в усилении национализма. Особенно это проявилось при закате османского правления, когда политика невмешательства в местное самоуправление не препятствовала культивированию в общинах националистичес-

ких идей. Растущим националистическим амбициям местных элит становилось тесно в рамках крохотных общинных «автономий». Вне зависимости от соседства и тесноты взаимных контактов религиозные общины превращались в различные группы с артикулируемыми «коллективными» устремлениями.¹³⁴

Признаки межобщинной напряженности, замешанной на идеологии, обнаружилось еще при османском правлении – первые столкновения зафиксированы в 1833 г., когда из-за усиления налогового давления протестующие греко-киприоты стали требовать эносиса. В том же году произошло волнение, которое возглавил монах, ранее принимавший участие в борьбе Греции за независимость. В период Крымской войны волнения на Кипре участились. Толпы открыто скандировали «Да здравствует Николай!» (русский император), «Долой султана!». В греческих кафе размахивали флагами Греции и топтали изображение полумесяца. В 1867 г. турецкий губернатор Кипра направил на материк прошение о военном подкреплении – он указывал на опасность массовых беспорядков на почве греческого национализма. Когда в 1877 г. началась Русско-Турецкая война, на острове вновь возросла напряженность между греками и турками, происходили взаимные столкновения, имелись жертвы.¹³⁵

Через год после перехода Кипра под британское управление, администрация Соединенного Королевства уже высказывала обеспокоенность в связи с «опасностью эллинской пропаганды».¹³⁶ Администрация пыталась по-своему бороться с греческим национализмом. В 1927 г. был запущен термин «киприотизм» (его авторство приписывают британскому колониальному губернатору Рональду Сторссу), и было решено преподавать в школах предмет «Киприотский патриотизм», противодействуя распространению среди школьников греческого национализма. Но вскоре от этой идеи отказались. Сегодня распространена точка зрения, что британская колониальная администрация намеренно поддерживала раздельное школьное образование националистической направленности. Попустительство националистам обеих сторон действительно имело место. Боязнь коммунистических идей и объединенного антиколониального движения заставила британскую администрацию терпеть национализм, как в греко- так и в турко-киприотском исполнении.¹³⁷

В конце 1940-х гг. в поисках рецепта противоядия от национализма британские чиновники сделали попытку обратиться к идеям «коммунизма». Среди современных западноевропейских исследователей бытует мнение о том, что именно политика подчеркивания культурных и религиозных различий привела к конфликту между греческой и турецкой об-

щинами. Это, конечно, не так. Но пик «эносистского» национализма пришелся как раз на 1950-е годы, и выглядел как непосредственный итог деятельности британской администрации.

Находившийся в тот период на острове британский писатель Лоренс Даррелл поведал в литературной форме о царившей атмосфере крайней нетерпимости со стороны греко-киприотских националистов и смертельной опасности, угрожавшей лично ему, как имевшему отношение к колониальным властям, и всякому, кто осмеливался с ним открыто общаться. Лозунг «Эносис и только эносис!» был вывешен почти в каждой деревне. Один из литературных героев Даррелла обращается к писателю: «Сэр, скажите, как скоро Англия решит со всем этим, и мы сможем жить мирно? Я начинаю беспокоиться по поводу детей; в школе они тратят все свое время на распевание националистических песен и участие в демонстрациях...».¹³⁸ Писателя поражала иррациональная вера греко-киприотов в эносис – идею, которая «сделает их жизнь райской».

Особую роль в укреплении идеологического сознания сыграла экстремистская греко-киприотской организации ЕОКА. Боевики пропагандировали «свободу самоопределения», «национальную свободу», кульминацией которой являлся эносис. Пропагандисты ЕОКА рассматривали эносис как естественную потребность всех греко-киприотов. Бывшие полевые командиры ЕОКА впоследствии вспоминали: «Для нас идея самоопределения [Кипра] означала именно эносис».¹³⁹

Существует мнение, что идея таксима (разделения острова), которой стали следовать легальные и нелегальные политические силы турко-киприотской общины, возникла в результате согласованных действий ее лидеров и британской колониальной администрации в период активных боевых действий ЕОКА.¹⁴⁰ Однако становление турко-киприотской националистической идеологии происходило гораздо раньше.¹⁴¹

Турецкий национализм на Кипре был замечен уже в начальный период британского владычества, а его подготовка происходила в добританский период. Как и по всей Оттоманской империи, на Кипре проводились реформы перехода к гражданскому обществу, и это стимулировало развитие оттоманской национальной идеи. Во второй половине XIX в. оттоманизм уже являлся неотъемлемой частью массового сознания. За несколько десятилетий, которые предшествовали в самой Турции революции младотурок 1908 г., на остров проникали вариации националистических идей: сначала элементы оттоманского национализма, затем исламского и далее – тюркского. Наиболее обсуждаемыми темами были «оттоманизм», «тюркизм», «исламское политическое единство», «рели-

гиозное и национальное наследие», «гордость по поводу принадлежности к нации».¹⁴²

Турко-киприотские лидеры настаивали на экономическом национализме, мол, мусульманам следует торговать только турецкими товарами и именно с мусульманами, агитировали, что нужно в каждой деревне и каждом городе создавать свои финансовые ассоциации, которые, объединившись, станут «национальным» банком, и тогда, дескать, не будет финансовой зависимости от греков. На первое десятилетие XX в. приходится распространение идей лингвистического национализма. Туркоязычные газеты на Кипре публиковали материалы о «чистоте» языка, о «неоправданно» большом количестве заимствований из французского языка, которые нужно заменить «на более понятные народу» слова и выражения.¹⁴³

В газетах обеих сторон сообщалось, что та или иная община собирает средства на поддержку военных или политических сил соответственно Греции или Турции. Националистическая активность периодической печати сыграла в тот период огромную роль в «разогреве» общественных страстей. Стали происходить стычки в общественных местах, которые обычно начинались с политических споров. Когда одна из деревенских стычек в кафе превратилась в массовое побоище, с той и другой стороны газеты сразу разгласили об этом, и зона конфликта быстро расширилась. В другой раз газеты написали, что одно из турецких кафе было атаковано и подожжено, причём людям не давали выбраться из горящего строения. В газетах обеих общин публиковали многочисленные статьи с взаимными обвинениями. Напряженность на острове росла высокими темпами. Характерная примета того времени: в 1902 г., когда после одного из греко-киприотских националистических митингов в Никосии свыше полусотни турок-киприотов, вооруженных кинжалами и ножами, подготовились к обороне, ожидая нападения противоположной стороны.¹⁴⁴

На Кипр через газеты приходили известия из самых разных мусульманских регионов мира. В литературе и периодике постоянно публиковались поэтические произведения о «нации» и «Родине». Турецкие школьники декламировали патриотические стихи. При большом стечении народа общественные лидеры выступали с пламенными речами в защиту оттоманской нации, ислама, тюркизма. Говорилось: наши противники думают, что мы мертвы. Но мы покажем, что можем постоять за свои права. Речи заканчивались воззваниями «Да здравствует нация!». Нередко ораторами были самые почитаемые люди – члены Законодательного Собрания. Речи распространялись через газеты. В 1907 г. статья, ставшая широко известной на Кипре, говорилось: турки – са-

**Презентация книг по этноконфессиональной проблематике,
изданных НИИ истории и этнографии Южного Урала ОГУ
при поддержке Правительства Оренбургской области**

Организаторы мероприятия: О.Д. Димов,
В.В. Амелин, Н.П. Науменко

Новые книги

Выступление вице-губернатора Оренбургс-
кой области О.Д. Димова

Представление книг д.и.н., профессором
В.В. Амелиным

Участники презентации

Выступление старшего научного сотрудника
НИИ истории и этнографии ОГУ
Д.Н. Денисова

**Межрегиональный круглый стол: «Корё сарам в Урало-Казахстанском регионе», посвященный 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию
21 ноября 2014 г., г. Оренбург**

Приветственное слово
О.Д. Димова - вице-губернатора
Оренбургской области

Выступление гостя из Москвы -
М.И. Кима

Участницы заседания
из Оренбурга

В.Г. Кан - руководитель оренбургской корейской
организации и Н.П. Науменко - член общественной
палаты России

Традиционная выставка книг о корейцах

Участников круглого стола приветствует корейский художественный коллектив

мая благородная и развитая нация на всем Востоке. Накануне младотурецкой революции одна из ведущих турко-кипрских газет поясняла читателям: Родина – это не просто место, где родился и вырос. Это все территории, где распространена оттоманская культура. Утратить хотя бы часть территории, это все равно, что потерять часть живого тела. Веками турки жили по собственным законам и не служили никой другой нации.¹⁴⁵

Особенно широко националистическая пропаганда охватила турко-киприотов перед первой мировой войной. Особый упор делался именно на тюркизм, турецкую культуру, язык и историю. Стали делать различия между «оттоманскими народами», выделяя «оттоманских турок», стали говорить об истории турок в дооттоманский период и об их происхождении из Центральной Азии. В широкий обиход вошли слова *millet, kavim* – народ, нация. На хорошо подготовленную почву В последовательном изложении тюркский национализм пришел на Кипр в 1920-е гг. в виде книги А. Текина «Тюркификация» (впоследствии – «отца» тюркского национализма), в которой имелись главы под названием: «Что есть нация?», «Цель и важность тюркификации», «Задачи тюркификации» и т.п. В тот период турко-киприоты прошли форсированный этап «национального возрождения».¹⁴⁶

Идеями национализма особенно была охвачена элита и горожане обеих общин, а малообразованные низы, в особенности из отдаленных горных деревень не понимали национализма и продолжали мирно существовать. Тем не менее, пропаганда делала свое дело – агитаторам удавалось мобилизовать крестьян на националистические выступления. Националистические идеи проникали в глубинку с распространением образования и печати. Те, кто не умел читать, получали соответствующую информацию в кафе, где было принято читать газеты вслух. В скором времени распространение националистических воззрений стало важным средством для политиков получать поддержку избирателей. Открыто велась агитация в городских греческих школах. В 1904 г. в отчете британской администрации говорилось, что уже и деревенские школьники под руководством учителя маршируют с флагом Греции и скандируют: «голова турок должны быть отрезаны, а тела брошены в грязь!» Позднее сообщалось, что теперь и турецкие школьники маршируют по городским греческим кварталам с провокационными выкриками. В тот период массовые митинги проходили как среди греко-киприотов, требовавших эносиса, так и среди турко-киприотов, требовавших вернуть остров султану.¹⁴⁷

В 1912 г., на фоне войны Турции с Италией, стычки на почве национализма стали особенно частыми, а затем последовали тяжелые межобщинные столкно-

вения в городах Лимассоле и Никосии, а также в различных деревнях. В 1915 г. большую напряженность на острове вызвало известие о (формальном) предложении со стороны Великобритании передать Кипр Греции. В 1922 г. турко-киприоты в своей петиции губернатору острова, подписанной лидерами всех турецких общин острова, требовали объединения Кипра с Турцией.¹⁴⁸

Националистическая идеология не исчезла и тогда, когда в 1960 г. Кипр стал независимым государством. Сам факт обретения независимости не был воспринят с удовлетворением националистами обеих сторон, и давление на тех, кто был против националистических воззрений, продолжалось. Двух учредителей турко-киприотской газеты, которая в день получения независимости Кипра вышла со статьей о том, что «островом теперь будут править киприоты», убили члены подпольной турко-киприотской группировки ТМТ. Накануне расправы издателям было сказано: если они не верят в национальную борьбу, им придется замолчать.¹⁴⁹

Специальный комитет по иностранным делам британского парламента в 1987 г. обнародовал отчет, в котором говорилось: получив независимость, правительство кипрского президента Макариоса продолжало держать курс на эносис, настаивая на поправках к конституции и международным договорам по Кипру.¹⁵⁰ Для нейтрализации возможного противодействия со стороны турко-киприотов правительством был даже разработан пресловутый «план Акритаса», который, впрочем, не был реализован. Тем не менее, в 1962 г. в горах центральной части острова возникли тренировочные базы, в которых военному делу обучались сотни греко-киприотов.¹⁵¹ Далее, как известно, последовали массовые межобщинные столкновения и перемещение турко-киприотов в анклавные гетто. Как писал крупнейший специалист по истории того периода Ричард Патрик (он был офицером миротворческих сил ООН на Кипре), в 1963 г. игравшие на национализме политики утратили контроль над процессом, и инициатива перешла в руки вооруженных формирований.¹⁵²

Следует сказать, что даже секретный «план Акритаса» представлял собой смесь конкретных «мероприятий» и идеологической теории. В нем, в частности говорилось: «Меры, предусматриваемые здесь, определяют лишь первый этап <...> в направлении конечной и неизменной национальной цели – полной реализации права самоопределения народа». В документе подчеркивалось, что на этапах реализации «плана» нельзя упускать из виду такой важный фактор успеха как пропаганда.

В своей книге «Восход и закат Кипрской Республики» американский социолог греко-киприотского происхождения К. Маркидес подчеркивал, что иде-

ологические воззрения были важнейшей причиной и источником пролонгации кипрского конфликта.¹⁵³ До получения Кипром независимости, писал Маркидес, единственной политической темой был эносис, а единственным оппозиционным «политиком» на острове была церковь. Потому просвещенная часть общества именно через идеологию эносиса могла проявить нарождающееся политическое самосознание. Независимость дала начало различным политическим течениям, а более тесное знакомство широких слоев с Грецией в постколониальный период заметно охладило даже самих активных поборников эносиса. Важнейшей причиной падения популярности эносиса стала, по оценке Маркидеса, бурно развивающаяся экономика, поскольку на Кипре уже к началу 1970-х гг. практически не стало безработицы, процветали сельское хозяйство и рекреационные услуги. Огромную роль в социальной трансформации сыграло развитие масс-медиа, в т.ч. таких новинок, как телевидение. Идеи эносиса «растворялись под натиском модернизации и секуляризации». Однако националистическая идеология не исчезла, и это сыграло роковую роль в последующие годы.

В условиях дискредитации идей эносиса на Кипре, оставшиеся поборники вынуждены были приспособиться. Те, кто еще поддерживал эносис, стали не только частью оппозиции кипрскому президенту, но и противниками самого кипрского государства. Это оказалось возможным благодаря иностранной поддержке со стороны военной хунты Греции. Маркидес в своем исследовании указывает на социальные группы, из чьей среды рекрутировались устойчивые поборники идей эносиса. Это, прежде всего, бывшие комбатанты, участвовавшие в партизанской войне против британского колониализма (но не они стали в последующем основой радикальных и экстремистских группировок). Далее, интеллектуалы-традиционалисты, получившие образование в Греции, в частности, филологи, теологи, юристы.

Филологи и преподаватели греческого языка, составлявшие в колониальные времена основу преподавательского корпуса в сфере общего образования, в условиях модернизации и секуляризации начали утрачивать свой высокий статус (методы их преподавания, традиционные подходы, мораль, проповедуемые ценности подвергались острой критике со стороны нового поколения киприотов, получивших высшее образование в странах Европы). Филологи традиционной ориентации – это те, кто получал профессиональную подготовку в Греции. Они были сторонниками сохранения и развития эллинско-византийской культуры на острове, греческого языка и греческой истории. Юристы, будучи подготовлены в Греции, также оказывались не удел, поскольку на Кипре превалировала юриспруденция британского

образца. В 1960 г. и в первые годы независимости после учебы на остров стали возвращаться молодые юристы афинской правовой школы. Они стали требовать эллинизации правовой системы Кипра («в судах должна звучать греческая речь!»). Многие из них стали адвокатами тех, кого обвиняли в терроризме. В рядах эносистов были также некоторые бизнесмены – не мелкие торговцы и владельцы магазинов, а представители наиболее процветающего среднего класса. В легальном движении эносистов ESEA (см. ниже), более 80% членов оргкомитета составляли именно такие деятели. Например, известный бизнесмен С. Элиадес служил связующим звеном между хунтой Греции и террористами «ЕОКА В». Вовлечение крупного бизнеса в терроризм и идеологию эносиса стало новым явлением для Кипра. На предыдущем этапе борьбы (за освобождение от британского владычества) бизнесмены как раз поддерживали британскую корону как гаранта от распространения идей коммунизма. Теперь же требовался новый «гарант» – в лице милитаристского режима Греции. Отдельной строкой Маркидес выделил участие в рядах эносистов священного синода греческой Православной церкви Кипра, объясняя это тем, что церковь, обладавшая в прежние времена политическим весом на основе идеи эносиса, теперь уже этот вес утратила. В 1970 г. епископ Антимос открыто осудил политику Макариоса – президента и архиепископа в одном лице – и потребовал возрождения чаяний эносиса. Утрата традиционной ориентации на мать-Грецию, по мнению части православных иерархов Кипра, вела к утрате веры и опустению церквей. Тот же епископ утверждал, что в школах преподают «сомнительные греки» и, что молодежь калечат идеями о каком-то «киприотстве».

Маркидес в упомянутой работе подчеркивает, что после обретения Кипром независимости состав адептов эносиса переродился в нетерпимых радикалов, не признававших легитимность суверенного Кипра и его власть. Хотя социальная база эносистов не была обширной, но сила и опасность их действий заключалась в опоре на зарубежные источники. Военная хунта Греции поддерживала любые социальные движения, направленные против независимости Кипра и за эносис. В 1969 г. после пика межобщинных столкновений на острове, сюда во время летних каникул прибыли лидеры т.н. Киприотской студенческой ассоциации, и предприняли «хождение в народ». Цель – поднять сельскую местность на борьбу за эносис. В их «манифесте» говорилось: «Мы вернемся и будем свирепы. Клянемся именем павших за Эносис, что не прекратим своей борьбы».¹⁵⁴

В мае 1968 г. последователи идей эносиса Кипра организовались в Демократическую национальную партию (Demokratikon Ethnikon Komma – DEK

(партия с похожим названием существовала в Греции в 1920-е гг.). Во главе ее встал афинский психиатр доктор Такис Евдокас (уроженец Кипра). Он начал издавать газету, в которой подвергалось острой критике правительство Макариоса, и в которой эносис представлялся чуть ли не панацеей в борьбе с коммунизмом. Вступив в борьбу с Макариосом за президентский пост в том же году, Евдокас получил лишь 3,7% голосов (почти все голоса были за Макариоса)¹⁵⁵ и сошел с политической сцены. Однако его партия просуществовала до 1976 г. и лишь после неудач пробиться в парламент, самораспустилась, частично влившись в существующую донныне крупнейшую консервативную партию Демократическое собрание (Democratic Rally /Dimokratikos Synagermos – DISY).

В октябре 1971 г. на политической сцене вновь появляется Гривас, который заявил, что возвращается на Кипр чтобы выполнить столь долго ожидаемое желание греков объединить Кипр с Грецией.¹⁵⁶ Он «сбежал» из-под домашнего ареста в Афинах и тайно появился на острове. К этому моменту на Кипре уже существовали террористические организации, которые соперничали за лидерство под знаменем эносиса – Национальный фронт, Акритас, Эносистский молодежный Феникс¹⁵⁷, Националистская молодежь Пафоса, Организация национального спасения. Эти организации также поддерживались хунтой Греции.

Национальный фронт (Ethnikon Metopan), чья провозглашаемая цель – объединение с Грецией и изгнание из правительства Кипра тех, кто был против эносиса, проводила террористические акции в конце 1969 и в 1970 гг., включая и попытки убийства Макариоса.¹⁵⁸ Вот характерные выдержки из террористических призывов: «...Против предателей, левых и тех, кто им симпатизирует. Мы будем бить по правительству. Всякий, кто не согласен, будет казнен публично. Это единственный способ избавления от коммунистов и предательства национальных идеалов. Прошлое нашей нации диктует необходимость борьбы за ее будущее... Только затем последует национальное возрождение на Кипре»¹⁵⁹.

Возглавляемая Гривасом организация «ЕОКА В» в 1972 г. дважды пыталась совершить переворот и сместить Макариоса. Правда, как утверждают некоторые историки, Гривас не был полностью подконтролен хунте Греции и не желал развязывания полномасштабной войны.¹⁶⁰

С появлением «ЕОКА В», возникли также организации, поддерживавшие ее на политическом поприще. Прежде всего, это был Объединенный комитет борьбы за эносис (Eniaios Syndesmos Enotikou Agonos – ESEA), а также новые газеты с характерными названиями – Ethniki («Национальная»), Patris («Отчизна»), Messivri («Обедня»). Все они под-

держивались и финансировались хунтой Греции, и практически открыто пропагандировали терроризм ради воплощения идей эносиса. Накануне военного путча 1974 г. газета Ethniki писала, что «ЕОКА В» имеет цель защитить последователей эносиса, и ее действия направлены против «нового национального предательства» Кипра. Писали также, что данная организация есть наследница той ЕОКА, которая в 1955-1959 гг. боролась за национальную идею с колониализмом.¹⁶¹

На самом деле состав террористической организации «ЕОКА В» существенно отличался от ЕОКА времен борьбы против британского владычества. В новой организации почти не было экс-комбатантов, и это были не горожане, а в основном сельские жители, либо недавние выходцы из села. Тот, кто не мог найти себе место в быстро меняющихся экономических условиях либо оставался за пределами успешного бизнеса, был кандидатом в боевики. В новой террористической организации было много полицейских или ранее состоявших на полицейской службе, а также много военных из Национальной гвардии Кипра. В боевики «ЕОКА В» немалое количество рекрутировалось из районов острова, которые слабо контролировались центральным правительством, причем некоторые из таких районов были под религиозным управлением православных иерархов, недовольных властью. Большую роль в формировании мировоззрения боевиков «ЕОКА В» сыграла их армейская служба. Все молодые люди должны были проходить военную службу в Национальной гвардии, а армия контролировалась и направлялась военными офицерами Греции. Соответственно, военнослужащие греко-киприоты подвергались систематической националистической пропаганде.¹⁶²

Кульминацией радикальной националистической идеологии стал военный переворот с попыткой убийства президента Макариоса и вслед за тем последовавшее вторжение Турции и падение режима военной хунты в Греции. После этих событий террористическая активность на Кипре стала быстро сходить на нет, вслед за тем стала исчезать и радикалистская идеология эносиса. Вместе с тем, турко-киприотские исследователи обращают внимание на то, что идея эносиса не была отвергнута законодательно. Еще в 1967 г. была резолюция Парламента Республики Кипр: «Учитывая длительные чаяния греков Кипра, Палата объявляет, что вне зависимости от каких-либо неблагоприятных последствий не будет остановлена борьба, осуществляемая при поддержке всех греков, до того момента, пока она не завершится успехом в виде объединения, без каких-либо предварительных условий, всего неразделенного Кипра с родиной». Эта резолюция формально действует до сих пор. В 1987 г. тем же представительным органом принят закон о

признании действий организации ЕОКА борьбой за суверенитет и эносис.¹⁶³

За падением на Кипре национальной идеи пан-эллинизма, которая была направлена на дезавуацию кипрского суверенитета и чуть не погубила (или частью погубила) этот суверенитет, другая национальная идея пришла на смену – идея греко-кипрского патриотизма и суверенности. В условиях развернувшейся турецкой оккупации острова, этнический национализм вновь казался «естественным».

В 1974 г., после пережитого путча и начала турецкой оккупации, президент Кипра Макариос создает Национальный Совет. Его важнейшая задача – упрочение греко-киприотского единства, которое должно прийти на смену греческой междуусобице в борьбе за власть.¹⁶⁴ Этот орган по своим функциям напоминал несостоявшийся несколькокими годами ранее Этнархический Совет (на его учреждении настаивали мятежные церковные иерархи). Однако если тот Совет должен был служить распространителем идей эносиса и пан-эллинского национализма, то теперь учрежденный Макариосом Совет действовал во имя суверенного греко-киприотского национализма.

По мнению известного кипрского социолога Ц. Мавратсаса¹⁶⁵, после событий 1974 г. политическая культура прежнего греко-кипрского национализма стала маргинальной, и на первый план вышла проблема восстановления целостности острова. Стали появляться новые идеологические клише о борьбе за суверенитет. Были переосмыслены недавние исторические события, в частности, борьба ЕОКА в 1950-е гг. теперь называлась антиколониальной борьбой за независимость (а не за эносис). Был возведен в ранг главнейших праздник Дня независимости. Повсеместно стали вывешивать государственный флаг Республики Кипр, тогда как ранее в общественных местах вывешивали флаг Греции. Более того, пишет Мавратсас, отход от прежнего ирредентистского национализма, скомпрометировавшего себя как повод для вторжения Турции на остров, подвинул греко-киприотский истеблишмент к идее политического компромисса в виде федеративного решения кипрской проблемы. Появились официальные высказывания о том, что турко-киприоты не враги греко-киприотам, что можно жить вместе, «как это и было в прошлом». Но указывалось, что среди турко-киприотов есть шовинисты, которых поддерживает Турция – «истинный агрессор».

Стали меняться взгляды на сам остров Кипр, которому ранее как бы отказывалось в праве быть истинной родиной. Если прежняя пропаганда утверждала, что Кипр в географическом и любом ином измерении есть не что иное, как продолжение Греции (соответственно, в противоположном лагере остров рассматривался как продолжение Турции), то теперь все чаще

можно было слышать об уникальности Кипра. Вместе с тем, этнические и прочие различия двух общин на Кипре не отвергались, не было также стремления рассуждать о киприотской гражданской нации. Тем не менее, обе общины стали рассматриваться в отрыве от «материнских» стран – Греции и Турции. В 1975 г. даже возникло особое движение – Новая кипрская ассоциация (New Cyprus Association), которая заявляла, что, хотя не собирается призывать к забвению «этнических корней и культурных связей», но живущие на Кипре должны понимать, что они сначала киприоты, а уж затем, – греки, турки и кто-либо еще. «Этническое разделение, – говорили члены этой ассоциации (а это были в основном интеллектуалы, получившие негреческое образование в странах Европы и Америки), – необходимо преодолевать через восстановление отношений и постоянное культивирование взаимопонимания». Ассоциация была небольшой, но на острове она сыграла определенную роль в формировании взглядов современных политиков.

И все же руководство обеих частей Кипра не было озабочено тем, чтобы новое поколение воспитывалось в духе общекипрских ценностей.¹⁶⁶ Наоборот, новый национализм был запущен в политический обиход, когда в 1981 г. к власти в Республике Кипр пришел А. Папандреу на волне антизападной агитации и обещаний «сделать греков действительными хозяевами своей страны». Кипр рассматривался как «новая Греция», которая, в отличие от «старой», «предавшей интересы островитян», сможет позаботиться о своем народе.

В последующие годы и особенно после прихода к власти в 1993 г. Г. Клеридиса, греко-киприотский национализм стал претендовать на политическое доминирование. Новый греко-киприотский национализм вновь ориентировался на Грецию, но на этот раз – для упрочения взаимосвязей и с целью защиты от возможного военного давления Турции. Республика Кипр и Греция подписали военный пакт о защите ни больше, ни меньше «пространства эллинизма».

В среде политиков стали высказываться мнения о том, что федеративный вариант решения кипрской проблемы не обязательно должен рассматриваться в качестве основного. Вновь, как и в начале 1960-х стали вспоминать, что греко-киприоты составляют большинство населения острова, а потому кипрскую проблему должно решать демократическое большинство. Архиепископ Хрисостомос I заявил, что федерализм будет означать полный распад киприотского эллинизма на острове.¹⁶⁷ В этот период чувства гражданской принадлежности стали фактически приравниваться к чувствам этнической самобытности¹⁶⁸.

(Окончание следует).

Примечания:

¹ Dietzel I. and Makrides V.N. Ethno-Religious Coexistence and Plurality in Cyprus under British Rule (1878-1960) // *Social Compass* 2009; 56

² Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave / Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

³ Hadjilira A.-M. Armenians of Cyprus. – Kalaydjian Foundation, 2009.

⁴ Linobambaki (Λινόβαμβακι), буквальный перевод с греч. – «помесь» (дословно «лен и хлопок»).

⁵ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave / Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

⁶ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave / Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

⁷ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave / Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

⁸ Dietzel I. and Makrides V.N. Ethno-Religious Coexistence and Plurality in Cyprus under British Rule (1878-1960) // *Social Compass* 2009; 56

⁹ Kokkinofa K. Archbishop Kyprianos and the 9th July 1821 (English translation: <http://hellenicantidote.blogspot.com/2009/07/archbishop-kyprianos-and-9th-july-1821.html>)

¹⁰ Впервые избранный руководитель нового государства Иоаннис Каподистриас имел титул губернатора.

¹¹ Mallinson W., Mallinson B. Cyprus: A Modern History. – I. B. Tauris, 2008.

¹² Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

¹³ Introduction to Cyprus Law (D. Campbell, ed.). – Limassol, Cyprus, 2000.

¹⁴ Island of Cyprus—grant of a constitution—the despatch / UK Parliament (<http://hansard.millbanksystems.com/commons/1882/apr/21/island-of-cyprus-grant-of-a-constitution>)

¹⁵ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

¹⁶ Constantinou C.M. Aporias of Identity and the 'Cyprus Problem'. Paper presented at the ECPR Joint Sessions of Workshops, 25-30 April 2006, UK. (www.st-andrews.ac.uk/intrel/media/Constantinou_Cyprus_aporia.pdf)

¹⁷ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave / Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹⁸ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

¹⁹ Архиепископ автокефальной православной церкви Кипра. Кипрская Церковь изначально управля-

лась независимыми Архиепископами; право на автокефалию было подтверждено III Вселенским Собором в 431 г.

²⁰ Dietzel I. and Makrides V.N. Ethno-Religious Coexistence and Plurality in Cyprus under British Rule (1878-1960) // *Social Compass* 2009; 56

²¹ An A. Forms of Cypriotism in the Turkish Cypriot community: obstacles and necessary conditions / Paper presented at the seminar "Cypriot Identity: Reality or Necessity?" of the New Cyprus Association on 10 November 2005, Limassol.

²² Turkish Republic of Northern Cyprus. Ministry of Foreign Affairs (<http://www.trncinfo.com/tanitma/en/index.asp?sayfa=cms&dmid=0&cmsid=234&ssid=97622489>)

²³ Dietzel I. and Makrides V.N. Ethno-Religious Coexistence and Plurality in Cyprus under British Rule (1878-1960) // *Social Compass* 2009; 56.

²⁴ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

²⁵ Carter D. The 1931 rebellion: a week that shook Cyprus (<http://www.britains-smallwars.com/cyprus/Davidcarter/31rebellion/31rebellion.html>)

²⁶ World History at Korean Minjok Leadership Academy (<http://www.zum.de/whkmla/region/asmin/cyprus19181939.html>)

²⁷ Turkish Republic of Northern Cyprus. Ministry of Foreign Affairs (<http://www.trncinfo.com/tanitma/en/index.asp?sayfa=cms&dmid=0&cmsid=234&ssid=97622489>)

²⁸ World History at Korean Minjok Leadership Academy (<http://www.zum.de/whkmla/region/asmin/cyprus19181939.html>)

²⁹ Dietzel I. and Makrides V.N. Ethno-Religious Coexistence and Plurality in Cyprus under British Rule (1878-1960) // *Social Compass* 2009; 56

³⁰ World History at Korean Minjok Leadership Academy (<http://www.zum.de/whkmla/region/asmin/cyprus19181939.html>)

³¹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

³² Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

³³ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

³⁴ Long G. Greece, Crete and Syria. Australia in the War of 1939–1945. Volume II. – Canberra: Australian War Memorial, 1953.

³⁵ An A.D. Origins of turkish cypriots and their culture // *The Cyprus Sum magazine*, December 2004-January 2005 (www.erpic.eu/files)

³⁶ http://www.whatson-northcyprus.com/history/kucuk_biography.htm

³⁷ <http://www.lobbyforcyprus.org/factfiles.aspx?id=53>

³⁸ Макариос III

³⁹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁴⁰ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁴¹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁴² Гривасу было 53 года к моменту первой встречи с Макариосом, тогда как архиепископу исполнилось только 38 лет.

⁴³ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁴⁴ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁴⁵ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁴⁶ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁴⁷ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁴⁸ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁴⁹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁵⁰ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁵¹ В англоязычной литературе эта организация обычно именуется National Organisation of Cypriot Fighters. Слово «national» обозначает «этнический», вместо которого в нашем тексте используется более уместный эквивалент «народный». Слово «fighters», обычно переводимое на русский язык как «борцы», заменено в нашем тексте на «бойцы» с учетом специфики деятельности самой организации, а также многообразием значений греческого слова.

⁵² Миф о Дигенисе связывают с известным на Кипре крупным скальным обломком, лежащим в море у побережья. Камень имеет символическое значение для Кипра, т.к. согласно мифологической традиции, он к тому же отмечает место рождения Афродиты и именуется Petra tou Romiou (Камень Афродиты). Также хорошо известна на Кипре поэма византийского времени о богатыре Дигенисе Акритасе, чье имя связано с мифической победой христианства над исламом в Малой Азии.

⁵³ An A. Cypriotism can Pave the Way to Reunification //The Cyprus Dossier: Towards free thinking Cyprus, January 2011.

⁵⁴ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁵⁵ http://www.whatson-northcyprus.com/history/kucuk_biography.htm

⁵⁶ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁵⁷ The Tripartite Conference on the Eastern

Mediterranean and Cyprus, Held by the Governments of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Greece and Turkey, London, August 29–September 7, 1955 (Soulioti S. Fettered independence: Cyprus, 1878-1964, v.1-2, Modern Greek Studies, University of Minnesota, 2006).

⁵⁸ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁵⁹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁶⁰ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁶¹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁶² Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁶³ В англоязычной литературе: Turkish Resistance Organisation. На русском языке также встречается вариант наименования: Турецкая организация обороны.

⁶⁴ An A. Cypriotism can Pave the Way to Reunification //The Cyprus Dossier: Towards free thinking Cyprus, January 2011.

⁶⁵ Для международного обсуждения план представил британский премьер-министр Г. Макмиллан.

⁶⁶ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁶⁷ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁶⁸ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁶⁹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁷⁰ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁷¹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁷² Guney A. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? //Security Dialogue 2004; 35

⁷³ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁷⁴ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁷⁵ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁷⁶ Security Council Resolution 186 of 4 March 1964.

⁷⁷ United Nations Peacekeeping Force in Cyprus (UNFICYP)

⁷⁸ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁷⁹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁸⁰ Площадь острова составляет всего 10 кв. км.

⁸¹ <http://hellenicantidote.blogspot.com/2009/07/>

acheson-plan-for-partition-of-cyprus.html

⁸² Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁸³ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁸⁴ Здесь и далее изложено по: Hart P.T. Two NATO allies at the threshold of war: Cyprus, a firsthand account of crisis management, 1965-1968. – Duke University Press, 1990.

⁸⁵ Hart P.T. Two NATO allies at the threshold of war: Cyprus, a firsthand account of crisis management, 1965-1968. – Duke University Press, 1990, p. 38.

⁸⁶ Hart P.T. Two NATO allies at the threshold of war: Cyprus, a firsthand account of crisis management, 1965-1968. – Duke University Press, 1990, p. 55.

⁸⁷ Hart P.T. Two NATO allies at the threshold of war: Cyprus, a firsthand account of crisis management, 1965-1968. – Duke University Press, 1990.

⁸⁸ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁸⁹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁹⁰ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁹¹ Cyprus: A Country Study. Eric Solsten, ed. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1991.

⁹² Hale W. Turkey and Regional Politics after the Cold War: Greece, Cyprus, Turkish Foreign Policy, 1774-2000. – London: Frank Cass Publishers, 2000.

⁹³ Hale W. Turkey and Regional Politics after the Cold War: Greece, Cyprus, Turkish Foreign Policy, 1774-2000. – London: Frank Cass Publishers, 2000.

⁹⁴ Hale W. Turkey and Regional Politics after the Cold War: Greece, Cyprus, Turkish Foreign Policy, 1774-2000. – London: Frank Cass Publishers, 2000.

⁹⁵ Hale W. Turkey and Regional Politics after the Cold War: Greece, Cyprus, Turkish Foreign Policy, 1774-2000. – London: Frank Cass Publishers, 2000.

⁹⁶ Hale W. Turkey and Regional Politics after the Cold War: Greece, Cyprus, Turkish Foreign Policy, 1774-2000. – London: Frank Cass Publishers, 2000.

⁹⁷ Hale W. Turkey and Regional Politics after the Cold War: Greece, Cyprus, Turkish Foreign Policy, 1774-2000. – London: Frank Cass Publishers, 2000.

⁹⁸ Constitution of Turkish Republic of Northern Cyprus (<http://www.cypnet.co.uk>).

⁹⁹ Численность населения на 2010 г., с учетом базовой численности по данным переписи 2006 г.

¹⁰⁰ Eralp D.U. and Beriker N. Assessing the Conflict Resolution Potential of the EU: The Cyprus Conflict and Accession Negotiations //Security Dialogue 2005; 36.

¹⁰¹ The Middle East and North Africa, fiftieth edition. – London: Europa Publications, 2004.

¹⁰² Eralp D.U. and Beriker N. Assessing the Conflict

Resolution Potential of the EU: The Cyprus Conflict and Accession Negotiations //Security Dialogue 2005; 36.

¹⁰³ The Middle East and North Africa, fiftieth edition. – London: Europa Publications, 2004.

¹⁰⁴ Eralp D.U. and Beriker N. Assessing the Conflict Resolution Potential of the EU: The Cyprus Conflict and Accession Negotiations //Security Dialogue 2005; 36.

¹⁰⁵ Eralp D.U. and Beriker N. Assessing the Conflict Resolution Potential of the EU: The Cyprus Conflict and Accession Negotiations //Security Dialogue 2005; 36.

¹⁰⁶ Eralp D.U. and Beriker N. Assessing the Conflict Resolution Potential of the EU: The Cyprus Conflict and Accession Negotiations //Security Dialogue 2005; 36.

¹⁰⁷ Guney A. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? //Security Dialogue 2004; 35

¹⁰⁸ http://www.bilgesam.org/en/index.php?option=com_content&view=article&id=297:russia-southern-cyprus-relations-on-the-axis-of-the-missing-spy&catid=77:ortadogu-analizler&Itemid=147

¹⁰⁹ Eralp D.U. and Beriker N. Assessing the Conflict Resolution Potential of the EU: The Cyprus Conflict and Accession Negotiations //Security Dialogue 2005; 36.

¹¹⁰ Guney A. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? //Security Dialogue 2004; 35

¹¹¹ Guney A. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? //Security Dialogue 2004; 35

¹¹² Guney A. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? //Security Dialogue 2004; 35

¹¹³ Guney A. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? //Security Dialogue 2004; 35

¹¹⁴ Guney A. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? //Security Dialogue 2004; 35

¹¹⁵ Информационное агентство «GlobalSecurity.org» (<http://www.globalsecurity.org/military/world/war/cyprus2.htm>)

¹¹⁶ Guney A. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? //Security Dialogue 2004; 35

¹¹⁷ Бредихин О.Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития /рукопись канд. дисс. по специальности «История международных отношений и внешней политики», М., 2006.

¹¹⁸ http://www.uncyprustalks.org/nqcontent.cfm?a_id=2831

¹¹⁹ <http://www.britishcyprusmemorial.org>

¹²⁰ Assessment report of the Secretary-General on the status of the negotiations in Cyprus, S/2011/498 - August 2011, UN.

¹²¹ http://www.uncyprustalks.org/nqcontent.cfm?a_id=2828&tt=graphic&lang=11

¹²² Генсек ООН считает, что время для созыва международной конференции по Кипру еще не настало / ИТАР-ТАСС, 22/04/2012 (<http://www.itar-tass.com/c12/399428.html>)

¹²³ Cyprus: Prospects remain dim of political resolution to change situation of IDPs / Internal Displacement Monitoring Centre, 30 June, 2009.

¹²⁴ Хохлышева О.О. Ислам и международное публичное право, кафедра мировой политики и международного права ФМО ННГУ им. Н. И. Лобачевского (<http://constitutions.ru/archives/4836>).

¹²⁵ <http://www.kipr.ru/realty/right>

¹²⁶ Сюкияйнен Л. Мусульманское право собственности: юридическое осмысление религиозных постулатов (<http://constitutions.ru/archives/3618>).

¹²⁷ Immovable Property Commission.

¹²⁸ Fact Sheet /Committee on Missing Persons in Cyprus. – Nicosia, 2010.

¹²⁹ Given M. Architectural styles and ethnic identity in medieval to modern Cyprus //Archaeological perspectives on the transmission and transformation of culture in the Eastern Mediterranean (Clarke, Joanne, eds). – Oxbow Books, 2005.

¹³⁰ Mavratsas C. Approaches to nationalism: basic theoretical considerations in the study of the Greek-Cypriot case and a historical overview //Journal Of The Hellenic Diaspora, 22 (1), p. 88.

¹³¹ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹³² Mavratsas C. Approaches to nationalism: basic theoretical considerations in the study of the Greek-Cypriot case and a historical overview //Journal Of The Hellenic Diaspora, 22 (1), p. 88.

¹³³ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹³⁴ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹³⁵ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹³⁶ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹³⁷ An A. Forms of Cypriotism in the Turkish Cypriot community: obstacles and necessary conditions /Paper presented at the seminar “Cypriot Identity: Reality or

Necessity?” of the New Cyprus Association on 10 November 2005, Limassol.

¹³⁸ Цитата по: Mas J.R. Lawrence Durrellin Cyprus: a philhellene against enosis //EPOS, XIX (Madrid, 2003), p. 233.

¹³⁹ Karyos A. EOKA and Enosis in 1955-59: Motive and Aspiration Reconsidered (manuscript) /4th Biennial Hellenic Observatory PhD Symposium on Contemporary Greece, European Institute, LSE, June 25-26, 2009.

¹⁴⁰ An A. Forms of Cypriotism in the Turkish Cypriot community: obstacles and necessary conditions /Paper presented at the seminar “Cypriot Identity: Reality or Necessity?” of the New Cyprus Association on 10 November 2005, Limassol.

¹⁴¹ An A. Cypriotism can Pave the Way to Reunification //The Cyprus Dossier: Towards free thinking Cyprus, January 2011.

¹⁴² Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹⁴³ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹⁴⁴ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹⁴⁵ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹⁴⁶ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹⁴⁷ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹⁴⁸ Nevzat A. Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. - Oulu, Finland: Oulu University Press, 2005.

¹⁴⁹ An A. Forms of Cypriotism in the Turkish Cypriot community: obstacles and necessary conditions /Paper presented at the seminar “Cypriot Identity: Reality or Necessity?” of the New Cyprus Association on 10 November 2005, Limassol.

¹⁵⁰ Tocci N. EU Accession Dynamics And Conflict Resolution: Catalysing Peace Or Consolidating Partition In Cyprus? – England: Ashgate Publishing Lmt? 2004.

¹⁵¹ Patrick R.A. Political geography and the Cyprus conflict, 1963-1971. - University of Waterloo, 1976, p. 38.

¹⁵² Patrick R.A. Political geography and the Cyprus conflict, 1963-1971. - University of Waterloo, 1976, p. 45.

¹⁵³ Markides K.C. The Rise and Fall of the Cyprus Republic (Yale University Press, 1977), pp. 76-121 (chapter 3: <http://www.cyprus-conflict.net/>)

disloyalty%20-%20Markides.html).

¹⁵⁴ Markides K.C. The Rise and Fall of the Cyprus Republic (Yale University Press, 1977), pp. 76-121

¹⁵⁵ Markides K.C. The Rise and Fall of the Cyprus Republic (Yale University Press, 1977), pp. 76-121

¹⁵⁶ Uslu N. The Cyprus question as an issue of Turkish foreign policy and Turkish-American relations? 1959-2003. – New-York: Nova Science Publishers, 2003, p. 108.

¹⁵⁷ Enosist Youth Phinix

¹⁵⁸ Uslu N. The Cyprus question as an issue of Turkish foreign policy and Turkish-American relations? 1959-2003. – New-York: Nova Science Publishers, 2003, p. 107, 108.

¹⁵⁹ Markides K.C. The Rise and Fall of the Cyprus Republic (Yale University Press, 1977), pp. 76-121

¹⁶⁰ Uslu N. The Cyprus question as an issue of Turkish foreign policy and Turkish-American relations? 1959-2003. – New-York: Nova Science Publishers, 2003, p. 107, 108.

¹⁶¹ Markides K. C., The Rise and Fall of the Cyprus Republic (Yale University Press, 1977), pp. 76-121

¹⁶² Markides K.C. The Rise and Fall of the Cyprus Republic (Yale University Press, 1977), pp. 76-121

¹⁶³ Atun A. Solution: how close to Cyprus // International Journal of Academic Research (Baku, Azerbaijan), Vol. 3. No. 3. May, 2011, II Part.

¹⁶⁴ Ker-Lindsay J., Faustmann H. The Government and Politics of Cyprus. – Bern: Internztional Academic Publishers, 2009.

¹⁶⁵ Mavratsas C.V., The ideological contest between Greek-Cypriot nationalism and Cypriotism 1974-1995: politics, social memory and identity // Ethnic and Racial Studies, v. 20, N4, 1997.

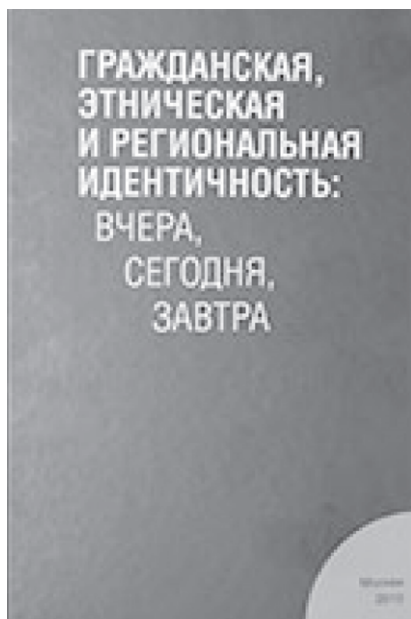
¹⁶⁶ ?ali? H.I. Cyprus, the impact of diverse nationalism on a state. - University of Alabama Press, 1978.

¹⁶⁷ Mavratsas C.V., The ideological contest between Greek-Cypriot nationalism and Cypriotism 1974-1995: politics, social memory and identity // Ethnic and Racial Studies, v. 20, N4, 1997.

¹⁶⁸ Mavratsas C. Approaches to nationalism: basic theoretical considerations in the study of the Greek-Cypriot case and a historical overview // Journal Of The Hellenic Diaspora, 22 (1), 1996, p. 86.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

**Гражданская этническая и региональная
идентичность: вчера, сегодня, завтра**
/ рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева.

М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
485 с.

В книге показано, как изменились за 20 лет гражданская, этническая и региональная идентичности по масштабам распространённости, актуализации, степени консолидированности и содержанию, как они соотносятся с культурными ориентациями, религиозностью, экономической активностью, социальным самочувствием населения и межэтническим согласием. Особенность исследования в том, что идентичности и межэтнические отношения рассматриваются в сравнительной перспективе - 1993, 1999 и 2011-2012 годы - на основе репрезентативных социологических исследований и анализируются как в общероссийском масштабе, так и на уровне республик Российской Федерации.

**Католицизм в конфессиональном пространстве
Оренбургского края (конец XVIII –
начало XXI вв.) / Денисов Д. Н.**
Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014.
149 с., 45 ил.

В книге на широком круге архивных и других источников раскрывается история формирования и развития католической общины Оренбургского края, её приходских, образовательных и социально-благотворительных институтов, взаимоотношений с государством, современное положение конфессии в регионе. Издание адресовано учёным, специалистам в области государственного и муниципального управления, а также всем интересующимся религиозной жизнью народов Южного Урала.

*И. М. Габдрафиков**

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ, КУЛЬТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: КАКИЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ?»

23-24 мая 2014 года в Париже состоялась конференция на тему: «Политическая, культурная и экономическая глобализация: какие вызовы и возможности для народов Поволжья?», организованная Национальным институтом восточных языков и цивилизаций (INALCO).

Поволжье является одним из самых сложных по своему этническому и конфессиональному составу регионов России. Поэтому конференция ставила своей целью обсуждение специалистами актуальных вопросов развития Поволжья, создания оригинального образа этого региона, с учетом его многообразия и тенденций развития за последние 15 - 20 лет.

С начала 1990-х гг. исследователи изучают Поволжье с различных аспектов - как экономические и политические аспекты, так и с точки зрения преобразований, происходящих в общественной жизни, конфессиональных процессов и этнической идентичности среди исторически проживающих в этом регионе русских, а также тюркских (татар, чувашей и башкир) и финно-угорских (марийцев, мордвы, удмуртов и коми-пермяков) народов.

Несмотря на глубокие преобразования, изучаемые как в экономических и политических научных работах, так и в антропологических (этнологических) исследованиях, редко анализируются эти достижения сквозь призму междисциплинарного диалога.

Исходя из целей и задач конференции ее программа была составлена из трех сессий: сессия 1 «Поволжье 1990-2014: модернизация и ее последствия для нерусских народов»; сессия 2 «Сохранение и адаптация культур народов Поволжья в эпоху модернизации»; сессия 3 «Поволжье 1990-2014: формирование современной идентичности», а также круглого стола «Какова роль народов Поволжья в эпоху глобализации?».

За два дня работы было прочитано 15 докладов. Необходимо отметить, что из общего количества выступлений шесть было основано на материале Республики Удмуртия и удмуртов. Из Удмуртии на конференцию были приглашены преподаватели кафедры этнологии и истории Удмуртии УдГУ – д.и.н., профессор Г. Никитина, к.и.н., доцент Ю. Перевозчиков, а также журналист ТРК «Моя Удмуртия» В. Хохряков. Г. Никитина проанализировала социальные проблемы современной сельской молодежи, результаты которого подвели ее к мнению, что по большому счету это проблемы не молодежи, а современной российской деревни как следствие аграрной, социальной и культурной государственной политики. В. Хохряков осветил роль регионального телевидения в просветительской работе на примере ТРК «Моя Удмуртия». Его презентация детской передачи на татарском языке «Веселый колокольчик» была очень доброжелательно встречена аудиторией. Ю. Перевозчиков рассмотрел экономические, политические и культурные ресурсы этнической мобилизации удмуртов. По мнению докладчика, в силу разных причин, в том числе и ментального характера, ресурсов у удмуртского этноса, а вернее – активистов удмуртского движения, не так много, и потенциал этнической мобилизации должен укрепляться силами всего населения региона, становится его общим культурным и социальным капиталом.

Профессор INALCO Ева Тулуз с презентацией своих полевых материалов и научными комментариями к ним продемонстрировала фильм по теме «Удмурты Башкортостана: своя живая религия» о традиционных верованиях удмуртов не только Башкирии, но и Пермского края. Докторант Венского университета Кристиан Пишлэгер на примере Удмуртии рассмотрел лингвистические и культурные ини-

* Габдрафиков Ильдар Махмутович – к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН.

циативы в социальных сетях, показав инициативы удмуртской молодежи в виртуальном пространстве. Доклад аспирантки INALCO Мари Касен под названием «Пример активности гражданского общества: удмуртское движение культурной ревитализации «МУШ» был посвящен переводческой деятельности, обращенной прежде всего к молодежи, например, созданию новых удмуртских слов.

Преподавателями INALCO были прочитаны доклады «Инфраструктура и модернизация в международной и национальной динамике» (Жульен Веркелль), «Татароязычные СМИ» (Мелоди Венц), аспирант этого же института Самюэль Демонстрон ознакомил аудиторию с результатами анализа проблемы «Современные организации немцев Поволжья». Преподающий в Воронежском госуниверситете французский историк Ксавье Ле Торривеллек познакомил участников конференции с результатами исследования по теме «Ислам в Поволжье».

Об особенностях становления региональной идентичности Татарстана на современном этапе рассказал представитель Полномочного представительства Республики Татарстан во Франции по делам соотечественников, преподаватель Университета Юго-Восточной Европы Lumina в Бухаресте Р. Сабитов в докладе «Формирование региональной идентичности Татарстана в современный период». В качестве основных особенностей Татарстана были отмечены, в частности, статус республики, экономическая привлекательность региона, культурная составляющая, сплоченность государственного аппарата, а также восприятие республиканской идентичности на локальном и федеральном уровнях.

С большим интересом и вниманием были прослушаны доклады этнополитолога из Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, к.и.н. И.М. Габдрафикова «Межнациональные отношения в современной России: взгляд нерусских народов Поволжья», директора НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского госуниверситета, д.и.н., профессора В.В. Амелина «Этническое и культурное развитие и сохранение этнической идентичности сообществ в Урало-Поволжье в постсоветский период» и профессора Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, д.и.н. Е.А. Ягафовой «Парадоксы идентичности: чувашаи в зонах межэтнических контактов в Урало-Поволжье».

Практически по каждому докладу у слушателей возникали вопросы, что свидетельствует заинтере-

сованностью аудитории, с одной стороны, и актуальностью анализируемых авторами проблем, с другой.

Дискуссии, отдельные предложения и итоги конференции были подведены на круглом столе под руководством, известного французского специалиста по геополитике и национальной идентичности постсоветских государств, профессора INALCO Жана Радвани. Участники круглого стола обсудили вызовы для развития многообразия культур Поволжья в контексте глобализации

По завершению конференции все участники отметили, что на обсуждение были вынесены острые, актуальные для народов Поволжья проблемы, связанные с сохранением языков, этнической и региональной идентичности, сохранением толерантных межэтнических отношений, недопущением радикализации отдельных конфессиональных течений и т.д.

Участники конференции констатировали, что в Поволжском регионе накоплен большой позитивный опыт межэтнических и межконфессиональных отношений. Поволжье отличается сложным составом населения, в котором происходят активные миграционные процессы, здесь фактически нет моноэтнических административных образований, в нем расположены шесть наиболее крупных в России национальных республик.

В отличие от других регионов, Поволжье – это территория, которая имеет более давнюю историю существования в пределах Российского государства и это самая многонаселенная территория страны с самым мощным индустриальным и аграрно-промышленным комплексом. В этом регионе сформировался особый климат межэтнических и межконфессиональных отношений, отличающийся высоким уровнем взаимодействия, в т.ч. на межличностном уровне. Здесь существует высокая степень интеграции русской культуры на основе русского языка и других языков. В регионе накоплен большой позитивный опыт реализации национальной политики на уровне субъектов федерации и в целом федерального округа. Поволжье имеет позитивный образ, основанный прежде всего на социально-экономических, культурных и спортивных достижениях. Однако это не означает, что здесь нет и не будет проблем в будущем. Поволжье как часть глобального мира сегодня испытывает влияние многих вызовов, связанных, например, с миграционными потоками, проникновением радикальных в религиозных идеологий, различных форм экстремистских проявлений, в т.ч. и в молодежной среде.

**АССОЦИАЦИЯ
АНТРОПОЛОГОВ И
ЭТНОЛОГОВ РОССИИ**

**ХІ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ
РОССИИ
ЕКАТЕРИНБУРГ, 2—5 ИЮЛЯ 2015 Г.
ВТОРОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ**

Ассоциация антропологов и этнологов России совместно с Институтом истории и археологии Уральского Отделения РАН, Уральским федеральным университетом им. первого Президента России Б. - Н. Ельцина, Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Правительством Свердловской области проводят с 2 по 5 июля 2014 года в г. Екатеринбурге **ХІ Конгресс антропологов и этнологов России**.

Главная тема конгресса — **«Контакты и взаимодействия культур»**. В русле главной темы планируется обсуждение следующих вопросов: мониторинг межэтнических отношений; этноперекрестки и трансграничье; новые методы исследования этнических и культурных взаимодействий; межрелигиозные отношения и этноконфессиональные процессы в духовном пространстве России; мигранты, диаспоры, этнические меньшинства; образы территорий: брендинг и имидж-конструирование; физическая антропология, этнографическое музееведение и этнологическое образование.

В рамках Конгресса пройдет IX Российский фестиваль антропологических фильмов.

В Оргкомитет Конгресса поступило более 80 заявок на организацию секций, симпозиумов, круглых столов. Отобранные Оргкомитетом секции были объединены в тематические симпозиумы.

Заявки на участие в Конгрессе (*не больше двух заявок от одного лица*) и тексты резюме докладов просьба присылать в электронном виде (в текстовом Word в формате *.doc или *.docx) с пометкой в теме письма «Заявка ХІ КАЭР, секция №...» до **1 февраля 2015 г.** в Оргкомитет по адресу aaer2015@mail.ru. Оргкомитет оставляет за собой право отклонять заявки, не соответствующие тематике и научному уровню Конгресса. В материалах Конгресса будут опубликованы только одни тезисы от одного участ-

ника. Заявки на участие в Конгрессе согласовываются с руководителями направлений и секций. Резюме докладов редактируются руководителями секций и редколлегией.

Список утвержденных симпозиумов и секций прилагается.

Адреса для связи с Оргкомитетом:

Ассоциация антропологов и этнологов России
119991, Москва, Ленинский пр-т., д. 32 а, к. 1820
Илизарова Валерия Владимировна (учёный секретарь Конгресса)
Тел.: +7 (495)9548953

Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
Перевалова Елена Валерьевна (учёный секретарь Конгресса)
Бабенкова Наталья Алексеевна
Тел.: +7(343)3742840; +7(922)2043727

E-mail: aaer2015@mail.ru

**ПРАВИЛА ПОДАЧИ ЗАЯВКИ НА УЧАСТИЕ
В КОНГРЕССЕ:**

Заявка подается в виде файла-вложения, названного:

номер секции/круглого стола (арабская цифра)-
_ФИО автора(ов) (кириллица).

Например: С9_ПереваловаЕВ, или: КС_2_Бабенкова_Перевалова

В заявке должны быть указаны следующие сведения (см. приложенный образец):

- Ф.И.О.
- место работы и должность, учёное звание

- адрес электронной почты и номер мобильного или стационарного телефона (с кодом города)
- название доклада
- название секции, в которой планируется принять участие
- резюме доклада объемом **не более 200 слов**
- потребность в технических средствах (мультимедийный проектор, видеомagniтофон и пр.).

Не принимаются заявки:

- присланные позже указанного срока;
- присланные по факсу;
- присланные только в письменном виде, без предоставления электронной версии.

Образец заявки:

- 1) Ф.И.О.: Перевалова Елена Валерьевна
- 2) Место работы и должность, учёное звание: Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), зав. сектором этноистории, к.и.н.
- 3) адрес электронной почты и номер телефона: aae2015@mail.ru, +7(343)3742840
- 4) название доклада: Стефано Соммье: путешествия итальянского натуралиста по Лапландии, Сибири и Уралу
- 5) название секции: круглый стол № 3. Антропология путешествий: мотивы, персонажи, трансграничье.
- 6) резюме доклада: Итальянец Стефано Соммье известен как ботаник, вместе с тем он является од-

ним из основоположников флорентийской школы социальной антропологии, которая занималась исследованием не только традиционных культур Италии, но и других стран, в частности, Севера Евразии, развивала оригинальные направления и использовала новаторские методы исследований (антропологическая психология, визуальная антропология). Публикации С. Соммье о путешествиях по Лапландии (1876, 1884/85), Сибири (1880) и Уралу (1887) и доставленные им во Флоренцию коллекции «открыли» для Италии и Европы северных туземцев. Соммье искусно пользовался не только пером, но и фотоаппаратом, создавая новый вид источника — антропологическую фотографию. В России об удивительно разноплановом ученом и о его трудах известно немного. Книга Стефано Соммье «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир», изданная во Флоренции в 1885 г., на русский язык была переведена и опубликована только в 2012 г. Описание путешествия бесстрашного итальянца — это урало-сибирская этнологическая мозаика в сочетании с исследованиями в области ботаники и антропологии, данными демографии, экономики, картографии, археологии. В своих изысканиях Соммье, будучи натуралистом с огромной страстью к путешествиям, никогда не ограничивался исследованием только флоры и фауны, а всесторонне изучал человека, народы и культуры.

- 7) потребность в технических средствах: Мультимедийный проектор

**СПИСОК СЕКЦИЙ
XI КОНГРЕССА АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ**

№	Названия симпозиумов, секций, круглых столов	Руководители секций и круглых столов
Симпозиум 1. Мониторинг межэтнических отношений		
1	Идентичность и самоопределение	Губогло Михаил Николаевич , д.и.н., профессор (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Жигунова Марина Александровна , к.и.н., доцент (Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского) guboglo@yandex.ru, Marizh.omsk@rambler.ru
2	Миграции и мигранты	Степанов Валерий Владимирович , к.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Полещук Вадим Владимирович , магистр права, (Центр информации по правам человека, Таллинн, Эстония) eawarn@mail.ru
3	Кросскультурные исследования и психология межкультурного взаимодействия	Гриценко Валентина Васильевна , д.п.н., профессор (Смоленский гуманитарный университет, Смоленск) Бутовская Марина Львовна , д.и.н., профессор (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва)

№	Названия симпозиумов, секций, круглых столов	Руководители секций и круглых столов
4	Антропология медиа	gritsenko2006@yandex.ru, marina.butovskaya@gmail.com Тишков Валерий Александрович , академик РАН (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Малькова Вера Константиновна , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) veramalk@mail.ru
5	Культурная память в процессах межкультурного взаимодействия	Разлогов Кирилл Эмильевич , д.иск., профессор (АНО по развитию исследований и проектов в области культуры и искусства «Новый институт культурологии», ВГИК, Москва) Габдрахманова Гульнара Фаатовна , д.социол.н., доцент (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань) kirill.razlogov@gmail.com, medi54375@mail.ru
6	Этнические (национальные), расовые, религиозные и языковые меньшинства в странах Европы	Кабицкий Михаил Евгеньевич , к.и.н. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва) Мартынова Марина Юрьевна , д.и.н., профессор (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) kabitski@yahoo.es
7	Культурное многообразие русских и образ «другого» в народных представлениях	Фурсова Елена Федоровна , д.и.н. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) Буганов Александр Викторович , д.и.н., (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Mf11@mail.ru, buganov@rambler.ru
Симпозиум 2. Этноперекрестки и трансграничье		
8	Роль и значение популяционных контактов в формировании антропологического состава древнего и современного населения Евразии	Багашев Анатолий Николаевич , д.и.н. (Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень) Васильев Сергей Владимирович , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Хартанович Валерий Иванович , к.и.н. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) vasbor1@yandex.ru, vkhartan@mail.ru
9	Перекрестки и границы в картинах мира Евразии	Октябрьская Ирина Вячеславовна , д.и.н. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) Самушкина Екатерина Викторовна , к.и.н. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) siem405@yandex.ru
10	Экологическое сознание и модели экологического поведения в Северной и Центральной Евразии	Адаев Владимир Николаевич , к.и.н., (Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень) Любимова Галина Владиславовна , к.и.н. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) whitebird4@yandex.ru, terra-gl@mail.ru
11	Идентичность и модернизационные процессы среди кочевников и скотоводов Центральной и Северной Азии	Крадин Николай Николаевич , чл.-корр. РАН, д.и.н. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток) Степановф Шарль , доктор этнологии, (Высшая школа практических наук, Париж, Франция) kradin@mail.ru, charles.stepanoff@college-de-france.fr
12	Сопространственность культур и коды тер-	Романова Екатерина Назаровна , д.и.н. (Институт

№	Названия симпозиумов, секций, круглых столов	Руководители секций и круглых столов
13	Культурные контакты в фольклоре и мифологии народов мира	гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск) Миссонова Людмила Ивановна , к.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) e_gomanova@mail.ru, missmila@iea.ras.ru
14	Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации	Христофорова Ольга Борисовна , д.ф.н. (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) Березкин Юрий Евгеньевич , д.и.н. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) okhrist@yandex.ru
15	Исторические реалии и историография этнографического финно-угроведения	Карлов Виктор Владимирович , д.и.н., профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва) Окладникова Елена Алексеевна , д.и.н., профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) vikarlov@mail.ru, okladnikova-ea@yandex.ru
Симпозиум 3. Этноконфессиональные процессы и межрелигиозные отношения		
16	Взаимодействие религиозных институтов и общин в полиэтничных регионах	Амоголонова Дарима Дашиевна , д.и.н., доцент (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ) Главацкая Елена Михайловна , д.и.н., профессор (Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, Екатеринбург) amog@inbox.ru, Elena.glavatskaya@urfu.ru
17	Этноконфессиональные общности: конструирование и преодоления границ	Данилко Елена Сергеевна , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Пригарин Александр Анатольевич , к.и.н., доцент (Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Одесса) Danja9@yandex.ru, prigarin_alexand@mail.ru
18	Геоинформационные методы изучения этноконфессиональных процессов и религиозной жизни в России	Юнусова Айслу Билаловна , д.и.н., профессор (Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, Уфа) Старостин Алексей Николаевич , к.и.н., доцент (Екатеринбургский государственный горный университет, Екатеринбург) aislu557@gmail.com, alisheria@mail.ru
19	Религиозно-мифологические традиции финно-угорских народов, культурные идентичности и межкультурное взаимодействие	Винокурова Ирина Юрьевна , д.и.н., (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск) Шабает Юрий Петрович , д.и.н., профессор (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар) irvin@sampo.ru, shabaev@mail.illhkomisc.ru
20	Этничность и религиозность: идеологемы и практики взаимодействия в российских регионах	Титова Татьяна Алексеевна , д.и.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань) Козлов Вадим Евгеньевич , к.и.н., доцент (Казанский

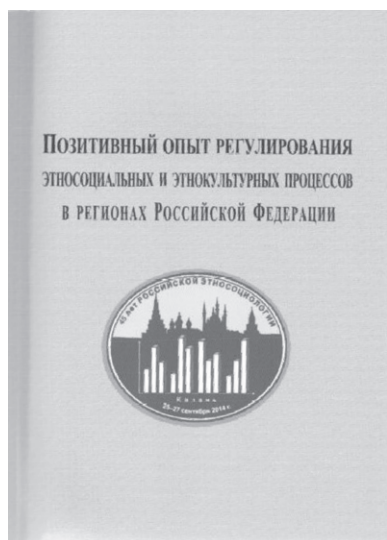
№	Названия симпозиумов, секций, круглых столов	Руководители секций и круглых столов
		(Приволжский) федеральный университет, Казань) Tatiana.titova@rambler.ru, vadim.kozlov@list.ru
Симпозиум 4. Региональные исследования и их методология		
21	Конструирование региональной идентичности и брендинг территории	Ляпкина Татьяна Федоровна , д.культурологии, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербург) Кирчанов Максим Валерьевич , д.и.н., доцент (Воронежский государственный университет, Воронеж) teffil@mail.ru, soc@hist.vsu.ru
22	Этнология и антропология Арктики	Пивнева Елена Анатольевна , к.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Мартынова Елена Петровна , д.и.н., профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула) pivnel@mail.ru, ep_martynova@mail.ru
23	Межэтнические взаимодействия и этноконфессиональные процессы в Урало-Поволжье	Ягафова Екатерина Андреевна д.и.н., доцент (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара) Коростелев Александр Дмитриевич , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) yagafova@yandex.ru, adkoros@yandex.ru
24	Социокультурная коммуникация у народов Кавказа	Абазов Алексей Хасанович , к.и.н. (Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик) Анчабадзе Юрий Дмитриевич , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) alex_abazov@list.ru, anchabadze@list.ru
25	Сибирская этнография и антропологическая теория	Арзютов Дмитрий Владимирович , к.и.н. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) Андерсон Дэвид Джордж , доктор философии, профессор (Университет Абердина, Великобритания) darzyutov@gmail.com
26	Горожане вне города	Селезнева Ирина Александровна , к.и.н. (Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Омск) Селезнев Александр Геннадьевич , к.и.н. (Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск) ir_selez@mail.ru, seleznev@myttk.ru
27	Полевые исследования в социально-культурной антропологии: вызовы времени и новые методики	Новик Александр Александрович , к.и.н. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) Ушаков Никита Вадимович , к.и.н., (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) njual@mail.ru, nikush@kunstkamera.ru
28	Устная история как метод и источник этнографических и антропологических исследований	Корусенко Светлана Николаевна , к.и.н. (Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск) Щеглова Татьяна Кирилловна , д.и.н., профессор (Алтайская государственная педагогическая академия АлтГПА, Барнаул) tomil65@rambler.ru, tk_altai@mail.ru

№	Названия симпозиумов, секций, круглых столов	Руководители секций и круглых столов
Симпозиум 5. Традиция vs новация		
29	Народные знания и традиционная культура в контексте проблем современности	Шерстова Людмила Ивановна , д.и.н., профессор (Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск) Руднев Вячеслав Валентинович , к.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) sherstova58@mail.ru, roudnev@mail.ru
30	Ритуал и культ: от полевой этнографии к теоретической интерпретации	Николаева Дарима Анатольевна , д.и.н., доцент (Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Улан-Удэ) Кузнецов Игорь Валерьевич , к.и.н., доцент (Кубанский государственный университет, Краснодар) darimn@rambler.ru, igorkuznet@gmail.com
31	Календарные традиции и праздничная культура	Золотова Татьяна Николаевна , к.и.н. (Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Омск) Черных Александр Васильевич , д.и.н. (Пермский научный центр УрО РАН, Пермь) tnz2002@rambler.ru, atschernych@yandex.ru
32	Традиционная пища народов мира: сакральные и профанные аспекты	Арутюнов Сергей Александрович , чл.-корр. РАН, профессор (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Воронина Татьяна Андреевна , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) gusaba@iea.ras.ru, russkie2@iea.ras.ru
33	Этнография исполнительского искусства: музыка, театр, танец	Рыжакова Светлана Игоревна , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Сироткина Ирина Евгеньевна , к.п.н. (Институт истории науки и техники РАН, Москва) lana@mega.ru, SRyzhakova@gmail.com
34	Народное декоративно-прикладное искусство в условиях глобализации	Янес Мария Александровна , к.и.н. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) Чвырь Людмила Анатольевна , д.и.н. (Институт востоковедения РАН, Москва) yuma@kunstkamera.ru, lchvyr@yandex.ru
35	Новая материальность и исследования материальной культуры	Соколовский Сергей Валерьевич , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Керцева (Вольная) Галина Николаевна , к.и.н., доцент (Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ) SokolovskiSerg@mail.ru, volnaia@rambler.ru
36	Антропология дара	Ссорин-Чайков Николай Владимирович , PhD in Anthropology (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Юдин Григорий Борисович , к. филос.н. (НИУ ВШЭ) ns267@cam.ac.uk
Симпозиум 6. История науки и ее современные направления		
37	К юбилею Кунсткамеры: От «описания народов» к этнографическому изучению народов России	Хартанович Маргарита Федоровна , д.и.н. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) Чистов Юрий Кириллович , д.и.н. (Музей антропологии и

№	Названия симпозиумов, секций, круглых столов	Руководители секций и круглых столов
38	История этнологии: проблемы и направления	этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) margaritakh@kunstkamera.ru, chistov@kunstkamera.ru Терюков Александр Иванович , к.и.н. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) Сирина Анна Анатольевна , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) tsan@kunstkamera.ru, annas@iea.ras.ru
39	Политическая антропология: антропология традиционализма	Бочаров Виктор Владимирович , профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург) Попов Владимир Александрович , д.и.н. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) victana2007@rambler.ru
40	Человек и право на перекрестке культур	Новикова Наталья Ивановна , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) natinovikova@gmail.com
41	Механизмы, критерии и принципы этноэкологической и этносоциальной экспертизы	Ерохина Елена Анатольевна , к.ф.н., доцент (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск) Ямсков Анатолий Николаевич , к.и.н., доцент (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) leroh@mail.ru, yamskov@iea.ras.ru
42	Медицинская антропология: основные направления и проблемы исследований	Харитонов Валентина Ивановна , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Михель Дмитрий Викторович , к.филос.н. (Саратовский государственный технический университет, Саратов) medanthro@mail.ru
43	Инвалиды и общество в различных культурах	Носенко-Штейн Елена Эдуардовна , д.и.н. (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Лапина Светлана Валентиновна , д. соц. наук, проф. (Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Беларусь, г. Минск) nosenko1@iea.ras.ru, lapina_gi@pac.by
44	Женское vs Мужское в культурах мира	Пушкарева Наталья Львовна , д.и.н., профессор (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) Белова Анна Валерьевна , д.и.н., профессор (Тверской государственный университет, г. Тверь) pushkarev@mail.ru, belova_tver@rambler.ru
45	Память: актуализация старой темы и делимитация границ в новой антропологии	Миськова Елена Вячеславовна , к.и.н., доцент (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, кафедра этнологии, Москва) Гринько Иван Александрович , к.и.н. (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Москва) milenk2@gmail.com, Wagr-j@inbox.ru
Круглые столы		
1	Урал: граница Европы или центр Евразии?	Калуцков Владимир Николаевич , д.г.н., профессор

№	Названия симпозиумов, секций, круглых столов	Руководители секций и круглых столов
2	Проблемы современного этнологического образования и реализация направления подготовки «Антропология и этнология»	(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва) Зубков Константин Иванович , к.и.н., доцент, (Институт истории и археологии УрО РАН) bratynia@rambler.ru, zubkov.konstantin@gmail.com Смирнова Татьяна Борисовна , д.и.н., профессор (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск) Трушкова Ирина Юрьевна , д.и.н., профессор (Вятский государственный гуманитарный университет, Киров) smirnovatb@omsu.ru arina_trushkova@mail.ru

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 25-27 сентября 2014. / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова.

Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – 508с.

В сборнике публикуются доклады участников Всероссийской научно-практической конференции «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации», приуроченной к 45-летию первого в отечественной социологии крупномасштабного этносоциологического исследования, проведенного в Татарской АССР. Тематик конференции связана с предыдущей, проведенной в г. Казани в 2008 г. Она развивает дискуссию об актуальных проблемах современного российского общества: о формировании национально-гражданской идентичности, национальной политике, об этноязыковых процессах, межэтнических и межконфессиональных отношениях, миграции и т.д.

О КНИГЕ Р. Г. АБДУЛАТИПОВА И В.А.МИХАЙЛОВА «СУДЬБЫ НАРОДОВ РОССИИ В XXI ВЕКЕ; СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ», МАХАЧКАЛА, 2012 Г.

Перед читателями- книга хорошо известных в России (и не только в ней) ученых и государственных деятелей: Рамазана Абдулатипова и Вячеслава Михайлова, авторов сотен замечательных книг и статей, внесших ценный вклад в разработку теории национального вопроса и национальной политики Российского государства. На этот раз они откликнулись новой книгой в связи с судьбоносной статьей Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина «Россия: национальный вопрос», опубликованной в «Независимой газете» за 23 января 2012 года.

Емкая (из 9 глав), хотя и небольшая по объему книга ученых вобрала в себя мысли по поднятым в статье В.В.Путина проблемам разработки и реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, межнациональных и межэтнических отношений, по перспективам деятельности нашего государства в этой области на современном этапе.

Идеологическому основанию разработки Стратегии посвящена первая глава рецензируемой книги. Авторы прежде всего отметили новаторский характер определения Президентом российской нации как гармоничного проявления этнонациональной гражданской идентичности россиян. Стратегия государственной национальной политики призвана сохранять и развивать традиционную культуру, которая практически стала достоянием всех народов современной России.

Одними из ключевых положений названной Стратегии являются обобщенные авторами в 1-й главе книги цели национальной политики России, а именно:

- Упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности народа Российской Федерации (российской нации);
- Сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России;
- Гармонизация национальных и межнациональных отношений;
- Обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина, независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств;

- Успешная национальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

Цели Стратегии (а упустить хотя бы одну из них невозможно – они тесно связаны и взаимообусловлены!) можно достигнуть, по мнению авторов книги, только основываясь на ряде принципов; а именно: - государственная целостность, национальная безопасность Российской Федерации; единство системы государственной власти; равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации.

Любой ответственный государственный и общественный деятель, по В.В.Путину, должен понимать, отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий существования и развития нашего Отечества, народа является гражданское согласие.

(См.. В.В.Путин. «Россия: Национальный вопрос». (Независимая газета за 23 января 2012 года).

А для формирования такого согласия необходима выработка \политической линии в этом вопросе на новом, очередном этапе исторического развития России. Для осуществления конкретных задач в этой сфере Президент В.В. Путин своим Указом от 7 Мая 2012 года образовал Совет по межнациональным отношениям для разработки Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

Профессора Р.Г.Абдулатипов и В.А. Михайлов, авторы книги включены в состав названного Совета, что налагает ответственность и в целом на как на средоточие определенного числа ученых, в той или иной мере занимающихся разработкой национального вопроса, Утвержденная Указом Президента России В.В.Путина 19 декабря 2012 года Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года заявляет о новой гражданско-патриотической модели этой политики.

Одним из постоянно актуальных и сложных как в науке, так и в практике, является рассмотренный в книге острый вопрос о соотношении понятий «патриотизм» и «национализм». В этой связи приведено мнение великого писателя Льва Толстого. убедительно охарактеризовавшего эти понятия так: патриот-это тот, кто любит свой народ; а националист это тот,

кто ненавидит другой народ. Логическим продолжением и развитием этой «формулы» стал высказанный В.В.Путиным глубоко научный вывод: **«России нужны стратегия и политика, основанные на гражданском патриотизме».**

При этом даже тщательно обоснованная стратегия может остаться на бумаге, если не организовать всеобщее и последовательное выполнение намеченных планов и действий. В этом контексте представляет серьезный интерес выявление и оценка авторами опыта, накопленного в этой сфере органами власти всех уровней и институтами гражданского общества многих регионов России: Хабаровского края, Саратовской, Оренбургской, Рязанской, Нижегородской, Ярославской областей, в Татарстане, Дагестане, Чеченской Республике, Мордовии, Саха - Якутии, Башкортостане, Удмуртии, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах и т.д. Но и ресурсы активизации, углубления этой работы, несомненно, не исчерпаны.

В целом Стратегия Государства, Президента Российской Федерации В.В.Путина нацелена на то, чтобы переломить негативные явления в сфере межнациональных отношений и обеспечить благоприятные социально-экономические, политические и правовые условия для свободного этнокультурного развития народов, для защиты прав личности и этнических общностей. Все это нужно для обеспечения гражданского и межнационального согласия в стране. (стр. 18-19 книги).

За этой темой логически следует анализ важнейших направлений Стратегии государственной национальной политики. Приоритетным направлением ее Стратегия считает совершенствование государственного управления в сфере национальной политики, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений. В Стратегии содержатся другие жизненно важные направления национальной политики: о создании экономических, социальных и духовно-культурных условий для реализации прав, сохранения и развития народов России; о мигрантах и т.д.

Авторы при освещении этих вопросов обращают постоянное внимание на огромную и творческую деятельность Президента России В.В.Путина в сфере общественно-политической жизни страны, на его заботу о создании в российском обществе «патриотического потенциала», в котором гармонически сочетались бы общенациональные, общегражданские интересы с интересами каждого народа, каждого россиянина.

Вторая глава – «Состояние национального вопроса в современной России: политика, культура, гражданин». Здесь авторы анализируют и раскрывают негативное влияние развала СССР: ослабление ре-

сурса солидарности и общности россиян, советской (российской) гражданственности, модели расцвета и сближения наций и т.д.) (с.33). В общем, был существенно ослаблен социально-политический и социально-культурный потенциал страны. «Стратегия, - констатируют авторы книги, - ставит целью преодолеть деструктивную тенденцию развития межнациональных отношений» (С.39).

Стратегия с учетом современной ситуации актуализирует вопросы сохранения российского (русского) культурного кода как смысловой основы единства многонационального народа Российской Федерации. (с.43).

Таким образом Президент России В.В.Путин уверенно подчеркнул, что системообразующим «ядром» России был и остается русский народ.

Глава третья «Федеративная демократия и единство многонациональной страны» начинается с анализа этнического состава населения России. Русские составляют в нем 80 % населения. Далее по численности идут татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы, армяне и т.д. С учетом ряда факторов российские власти проводят курс на децентрализацию полномочий государственного управления. В соответствии с законодательством России в стране создаются также национально-культурные объединения в целях культурного самоопределения и развития народов России.

Авторы книги с сожалением отмечают, что значительная часть граждан, особенно зажиточных (в том числе из политической элиты), имеет смутное представление о культурных ценностях, о культурной и гражданской идентичности новой России. В книге приведены следующие, мудрые, очень важные слова В.В.Путина: «Надо содействовать преобразованию этносов в этнонации и многонационального народа в российскую нацию. Это путь исторической России, который ведет нас в будущее, обретая смысл и миссию великой нации.»(с.67). В.В.Путин. (Упом. источник.)

Это смелое, новое и дальновидное заявление! В нем заслуживает внимания буквально каждое слово.

На стр. 75 авторы выявили из статьи В.В.Путина и охарактеризовали как наиболее эффективные для намеченных преобразований пути расширения русскоязычного пространства, сферы применения русского языка и культуры, для обеспечения государственной безопасности и благополучия всех народов Российской Федерации.

В книге уделено немало места анализу политического экстремизма как угрозы безопасности государства и любого гражданина. Так, только в 2011 году в стране было выявлено 622 преступления экстремистской направленности. По данным ВЦИОМ, в

последующие годы их было совершено не меньше (с. 77). В связи с этим опасно, недопустимо, когда в некоторых регионах уступку национализму делают даже при подборе кадров.

В пятой главе уделено место исторической роли русского народа с его соборной культурой и солидарной миссией. В этом контексте анализируются высказывания русских историков и философов: Н.М.Карамзина, В.О.Ключевского, С.М.Соловьева, В.И.Ленина, которые предрекали сближение и слияние культур, наций. В нашей стране от самочувствия и перспектив русских, по мнению ученых, зависит самочувствие всех россиян (с.93).

В Концепции Государственной национальной политики, одобренной в 1996 году, русский народ был впервые обозначен и как субъект, и как объект государственной национальной политики России (с.97). В этой связи в новой книге приведено следующее мнение Президента России: «Великая миссия русских - объединять, скреплять цивилизацию, языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению писателя Федора Достоевского».()

В.В. Путин. Россия: национальный вопрос. \ \ Независимая газета. 23 января 2012

Р.Абдулатипов и В. Михайлов с использованием фактических данных убеждают, что в современных условиях страна нуждается в патриотическом собрании потенциала и достоинства русского и других народов в составе многонациональной Российской Федерации. «И здесь главную роль играют традиции патриотизма русского народа», которые требуют поддержки и распространения и в сфере образования, и во всех средствах массовой информации, и в этнокультурной и конфессиональной жизни, в сфере управления регионами и иными путями.

Итак, краеугольным камнем Стратегии государственной национальной политики, по мнению В.В.Путина, является, прогрессивная идея гражданского патриотизма.)

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Стр.2.

Глава восьмая книги содержит методические рекомендации по реализации Стратегии национальной политики Российской Федерации. Главными принципами этой методики являются а) комплексный подход и б) последовательность. «Важно продумать разработку планов учебных дисциплин военно-гуманитарной подготовки офицеров с высшим военным образованием», - обоснованно считают авторы книги.

Стратегия государственной национальной политики России, как и статья В.В.Путина «Россия: национальный вопрос» нашли и находят, в частности, свое отражение в основных плановых и нормативно-правовых документах Министерства внутренних дел,

его отраслевых служб, ГУВД, УВД...» (с.131).

Дополнительно напрашивается и следующее суждение. С учетом конституционной обязанности граждан быть готовыми к защите Отечества было бы полезным также ввести изучение проблем военно-патриотического содержания, гуманитарного содержания и в гражданских вузах, прежде всего – педагогических, юридических, медицинских, социальных, инженерных и других. Это бы соответствовало Конституции Российской Федерации а также - согласовалось бы с Законом «Об образовании в РФ», с возможностью органично включать упомянутые идеи в содержание учебного процесса и внеучебной работы, в частности, - с задачей патриотического воспитания молодежи, - с задачей патриотического воспитания самих воспитателей.

Рецензируемая книга завершается главой девятой «Законодательные механизмы реализации стратегии: меньше политики, больше прав».

Среди отечественных политиков, философов и даже правоведов в течение некоторого времени было распространено мнение о том, что национальный вопрос, якобы, практически не поддается правовому регулированию. Появление усилиями Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и ученых, ряда важных правовых документов для национальной политики опровергает это устаревшее мнение. В настоящее время имеются и законы, и предложения о разработке, в русле национальной политики других, первоочередных законов (с их перечнем), в которых нуждаются власть, общество, граждане. (см. стр.180-183 книги).

Профессора Р.Г.Абдулатипов и В.А.Михайлов - авторы книги - завершают ее следующими, важными для сферы подготовки кадров народного хозяйства и государственной службы - словами: «От того, как будет обеспечена реализация задач, предусмотренных Стратегией, во многом зависят и благополучие, и комфортная совместная жизнь народов и граждан страны. Решение этих фундаментальных вопросов бытия возможно только на основе согласованной работы органов власти всех уровней, местных сообществ, институтов гражданского общества, всех, кому не безразличны судьбы наших народов и граждан, судьбы и перспективы нашего многонационального Отечества, Российской Федерации». (с.191).

Государственные деятели, ученые и предприниматели, студенты и военные, дипломаты и работники культуры, любой читатель найдет в этой книге немало важного, поучительного и интересного.

Д.и.н., профессор В.Амелин (Оренбург)
Д.и.н., действ. член АВН
Н.Кондакова (Москва)

МОНОГРАФИЯ ДЖУНДЖУЗОВА СТЕПАНА ВИКТОРОВИЧА «КАЛМЫКИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ИМПЕРСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АККУЛЬТУРАЦИИ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (СЕРЕДИНА 30-Х ГОДОВ XVIII — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)»

В рецензируемой монографии, принадлежащей перу одного из видных оренбургских историков, кандидата исторических наук С.В. Джунджузова, анализируется почти двухвековая история крещенных калмыков (1736-1926). Автор совершенно справедливо представляет ее как драматичное 190-летнее путешествие из Волжского калмыцкого ханства через Среднюю Волгу и Южный Урал в Калмыцкую автономную область.

До настоящего времени история крещенных калмыков в контексте имперской политики аккультурации не являлась предметом специального исследовательского внимания. Между тем названная проблематика является сегодня весьма актуальной, поскольку ее осмысление позволяет глубже освоить отечественный исторический опыт управления и «удержания» в едином пространстве культурно-гетерогенных территорий, выявить некие прикладные технологии властвования, позволившие Российской империи стабильно просуществовать несколько веков, а также учесть совершенные на этом пути ошибки и просчеты. Именно поэтому предпринятое С.В. Джунджузовым исследование является востребованным в современной науке и практике.

Монография основана на солидной источниковой базе, которую можно признать как необходимой, так и достаточной для решения поставленных задач. Автор привлек архивные документы из более чем 30 фондов десяти федеральных и региональных архивов, массив опубликованных источников нормативно-правового и делопроизводственного характера, материалы дореволюционной периодической печати. Исследованию присуща скрупулезность источниковедческого подхода к выявленным источникам, они подвергаются корректной внутренней и внешней критике.

Важно, что для рецензируемой монографии характерна концептуальность. Книга не относится к

числу тех работ, в которых описание превалирует над анализом. Аналитичность этого исследования выражается, в первую очередь, в том, что автор не отвлекается на не относящиеся «к делу», то есть к поставленной цели, детали. Здесь нет никаких «лирических отступлений» этнографического характера. По тексту видно, что автор буквально заставляет себя «оборвать» тот или иной сюжет — и делает это именно там, где пусть даже очень интересное описание перестает работать на решение поставленных задач. В итоге ученый пришел к целому ряду фундаментальных выводов.

К таковым, например, относится тезис о том, что в XVIII веке имперская миссия в понимании Петербурга не сводилась к простому количественному росту подданных и хозяйственному освоению малозаселенных окраин, которые к тому же нуждались в охране. Главное - Империя хотела видеть свои окраины заселенными однородной массой лояльных подданных «с предсказуемым поведением». Создание поселения крещенных калмыков на Средней Волге предполагало поэтому еще и переход последних к оседлому образу жизни, земледелию, коллегиальному управлению и т.п. Однако практика показала, что эта т.н. «программа Неплюева» не достигла намеченных результатов. Смена традиционной стратегии выживания, во-первых, привела крещенных калмыков к колоссальному демографическому кризису. Во-вторых, в их хозяйственной и общественной жизни стали наблюдаться явно деструктивные явления. В-третьих, боевые качества Ставропольского калмыцкого полка не соответствовали потребностям времени. В силу указанных обстоятельств, Ставропольское войско было расформировано, а состоявшие в нем калмыки переселены на земли Оренбургского казачьего войска. Можно согласиться с мнением автора, что данное решение соответствовало новому правительственному курсу, предусматривавшему единообра-

зие территориального устройства и управления.

В Оренбургской губернии численность калмыков-казаков начала резко сокращаться. Этот феномен едва ли можно объяснить невниманием к их нуждам со стороны властей. Негативную роль сыграли переход к оседлому образу жизни, тяжелый физический труд земледельца, низкие урожаи и чуждое инокультурное и иноязычное окружение.

Один из самых глубоких сюжетов монографии - это поиск исследователем ответа на вопрос: что спасло крещеных калмыков, расселенных малыми группами среди русских казаков, от полной утраты своей этнической идентичности? Ответ, к которому пришел ученый на базе изучения всей совокупности источников, можно было бы предугадать заранее - но здесь исключительную важность приобретает именно доказательный характер тезиса: спасение пришло в результате обращения крещеных калмыков к традиционному укладу жизни, точнее, к ее духовной составляющей - буддизму. Это удивительно, ведь оренбургские калмыки были полностью (!) изолированы от буддистских религиозных центров, их представления о буддизме строились на устной традиции «доморощенных», никем не обученных наставников, которые передавали потомкам свои т.н. «знания» о вере предков буквально «зубрёжкой». И тем не менее именно в этом был залог выживания и, более того, возрождения - ведь еще до крушения империи оренбургские калмыки добились не только права на смену вероисповедания, но и права на компактное проживание. А уже в первые годы советской

власти оренбургские калмыки дружно переселились на территорию созданной в Поволжье калмыцкой автономии.

Мы не склонны, как это делает автор, оценивать политику правительства по отношению к крещеным калмыкам как русификаторскую, направленную на ликвидацию данной этнической группы как таковой за счет смены ею идентичности. На наш взгляд, материалы книги скорее позволяют говорить о том, что для Власти актуальной являлась проблема не полной смены, а только определенной, впрочем, весьма существенной трансформации «культурного кода» своих «инородческих» подданных в сторону большей лояльности и большей приспособленности к имперским стандартам жизнеустройства. Цена этой трансформации для крещеных калмыков оказалась очень велика. Но в итоге в первой четверти XX века Калмыкия в их лице получила не просто возвратившегося исстрадавшегося «блудного сына» который бы одичал в дали от родины и требовал к себе повышенного внимания и заботы, а грамотных в нескольких поколениях (благодаря станичным школам СКВ), привыкших к оседлости и земледельческому труду граждан, потомки которых, оставаясь калмыками, не мыслят себя вне русского культурного пространства.

По сути в своей монографии С.В. Джунджужов реконструировал колоссальный социально-экономический эксперимент, что позволяет считать рецензируемую работу весомым вкладом в историографию России.

Директор Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет», доктор исторических наук, профессор В.В. Амелин

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ: НОВАЯ СЕРИЯ

Мы представляем первый номер новой серии журнала «Вестник антропологии». Специалисты в области физической антропологии хорошо знают альманах «Вестник антропологии», издававшийся Отделом (а потом Центром) физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Он был основан в 1996 г. группой энтузиастов-антропологов и в течение многих лет, после того как прекратил свое существование журнал «Вопросы антропологии», издававшийся НИИ антропологии при Биологическом факультете МГУ, являлся практически единственным периодическим изданием, специально посвященным проблемам физической антропологии, не только в системе Академии наук, но и на всем постсоветском пространстве.

Альманах можно считать периодическим изданием, т.к. он выходил регулярно, один или два раза в год, а в 2013 г. было издано 4 номера. Формат и дизайн «Вестника» несколько раз менялись, пока с 16 по 26 номер он не приобрел свой последний вид. В альманахе находили свое отражение современные палеоантропологические исследования, новейшие достижения в области этнической антропологии, морфологии человека, в том числе конституциональной и возрастной, методические разработки. Печатались материалы крупных мемориальных конференций - систематически проводимых Чтений, посвященных памяти Г.Ф. Дебеца, В.В. Бунака, М.М. Герасимова, организованных Отделом (ныне Центром) физической антропологии с привлечением специалистов из других городов и стран. Страницы «Вестника» регулярно отражали юбилейные даты и важнейшие события в научной жизни.

С 2014 г. решено издавать «Вестник антропологии» в новом формате. Название издания осталось прежним, но профиль и содержание изменились и расширились радикальным образом.

В течение многих десятилетий Институт этнографии АН СССР (ныне - Институт этнологии и антропологии РАН) являлся головным научным учреждением страны. Он задавал стандарт в профессиональном уровне ученых, готовил кадры этнографов и антропологов, определял направления и методологию научных исследований. Публикации под грифом Института являлись своего рода знаком качества и желанной целью для провинциальных ученых.

Времена изменились, и во многих регионах России, и в ныне суверенных государствах, бывших союзных республиках СССР, уже существуют сильные школы этнологов и антропологов - во многом, кстати говоря, благодаря, обычно, бескорыстным усилиям

сотрудников научных учреждений и университетов Москвы и Санкт-Петербурга. Региональные научные центры успели отметить себя солидными исследовательскими проектами и многочисленными публикациями. Особенно ценны фундаментальные изыскания, связанные именно с соответствующими регионами и населяющими их народами. Прошло время, когда такие изыскания приходилось проводить, отправляя в командировки - зачастую многолетние - специалистов из обеих столиц. Показателем и результатом развития этнолого-антропологических наук в регионах России стало издание их собственных периодических изданий, некоторые из которых дают пример столичным изданиям.

Вместе со всем этим обнаруживается, что роль столичных научных центров в координации работы ученых России и ряда стран «ближнего зарубежья», в репрезентации результатов этих работ в международном научном сообществе остается весьма значимой. Показателем этого может служить, в частности, участие ученых из самых разных частей постсоветского пространства в международном исследовательском и издательском проекте Института этнологии и антропологии «Народы и культуры» и в проекте «Сеть этнологического мониторинга».

Надо отметить важное обстоятельство - если в начале 1990-х годов, в период глубокого кризиса российского общества, почти прекратился приток в этнологию и физическую антропологию молодежи, то в течение последующих лет наблюдается резкий рост интереса к нашей науке. Об этом можно судить, хотя бы по численности абитуриентов в аспирантуру ИЭА РАН: ежегодно таких соискателей - до двух десятков.

В разное время Институт этнографии АН СССР, а затем Институт этнологии и антропологии РАН издавал пять наиболее известных периодических / серийных изданий - «Этнографическое обозрение», «Расы и народы», «Полевые исследования», «Труды института этнографии», «Исследования по прикладной и неотложной этнологии».

Ежегодник «Расы и народы» являлся своего рода промежуточным видом между серийными и периодическими изданиями: он имел строгую периодичность, серийные номера (выпуски); в некоторых каталогах «Расы и народы» относят к категории журналов. Серия была основана в 1971 г. Последний, 34-й выпуск вышел в 2009 г. Выпуски ежегодника были тематическими, отражая различные направления в этнологии, физической антропологии и смежных дисциплинах.

Ежегодник «Полевые исследования» (другие названия отдельных выпусков серии - «Итоги полевых работ», «Итоги полевых исследований») выходил с 1971 г. по 2011 г. Последний выпуск 2011 г. посвящен исследованиям 2007-2008 гг. Ежегодник включал материалы, как о текущих экспедиционных работах, так и предыдущих десятилетий.

Серия «Труды Института этнографии» издавалась с 1947 г. по 1991 г. Из названных серий «Труды» были наиболее разнородными по жанру. В ней публиковались как монографии, так и тематические сборники статей. Аналогичной по характеру была издававшаяся в 1990-е годы серия «Библиотека российского этнографа». Всего вышло в свет 116 томов этой серии.

Названные серийные издания имели большое значение для развития этнологических и антропологических исследований в стране, во многом способствовали созданию высокого авторитета Института в научном мире. В силу неблагоприятных обстоятельств до настоящего времени дожили только «Этнографическое обозрение» и альманах «Вестник антропологии», причем только «Этнографическое обозрение» входит в перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ.

Очевидно, что этих двух периодических изданий явно недостаточно для организации и координации этнолого-антропологических исследований в стране, учитывая, что издания, выходящие под эгидой ИЭА РАН, традиционным ориентированы на широкий спектр научных исследований, привлекают авторов со всей России и из других стран, в первую очередь, «ближнего» зарубежья. Последнее особенно важно для сохранения и развития связей внутри постсоветского научного сообщества этнологов и антропологов. Кроме того, необходимость нового периодического издания ИЭА РАН с его включением в список ВАК обусловлена не только собственно научными и информационными потребностями, но и актуальностью способов повышения научных показателей научных сотрудников и обеспечения нужд аспирантов.

Учитывая все эти обстоятельства, Ученый совет ИЭА РАН принял решение учредить журнал-ежеквартальник «Вестник антропологии». В таком решении есть смысл, поскольку оно отражает максимально широкое и принятое в современной науке понимание исследовательского поля этнолого-антропологических исследований.

Новый журнал будет открыт для таких тем, как методология и теория, методика полевых исследований, этногенез, эволюционная антропология, расогенез, этническая антропология, морфология человека, в том числе возрастная и конституциональная, палеодемография и генетическая демография, этно-

археология, этнокультурный облик народов мира, эволюция форм культуры, этнические процессы, этнорелигио-ведение, этнополитология, этносоциология, кросскультурная психология, этология человека и др.

Помимо стандартных разделов (теоретические вопросы, этнокультурная тематика, история науки, рецензии и т.п.), предполагаются рубрики «Этнологическая экспертиза», «Антропологическая экспертиза», «Для студентов и аспирантов», «Полевые материалы» (включая как полноценные статьи, так и путевые зарисовки, заметки). Важное место должны занимать публикации, связанные с критикой расизма, этнонационализма, религиозных и социальных фобий, псевдонаучных идей, шарлатанства на почве научных проблем, тематические блоки статей. Попробуем реализовать «малый жанр» - краткие заметки, размышления, реплики и т.п.: зачастую ученому приходится в голову интересные, полезные для коллег мысли, но оформлять их в солидные статьи с обязательным справочным аппаратом не доходят руки. Разумеется, будут приветствоваться дискуссии.

Приглашаем коллег к сотрудничеству, будем признательны за советы и предложения по формату, структуре, содержанию нашего журнала.

**С.В. Васильев д.и.н. (Москва),
С.В. Чешко д.и.н. (Москва)**

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

Амелин В. В., Денисов Д. Н. Армяне в Оренбургском крае.

Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 126 с., 53 ил.

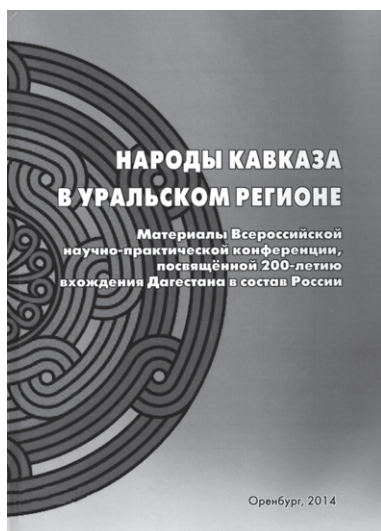
В книге на широком круге архивных и других источников раскрывается история формирования и развития армянской общины Оренбургского края. Издание адресовано учёным, специалистам в области государственного и муниципального управления, а также всем интересующимся этнокультурной и религиозной жизнью народов Южного Урала.

Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края.

Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 304 с.

В книге на широком круге архивных и других источников раскрывается история и современное положение ислама и мусульманских религиозных объединений в Оренбургском крае. Издание адресовано ученым, специалистам в области государственного и муниципального управления, а также всем интересующимся религиозной жизнью народов Южного Урала.

Народы Кавказа в Уральском регионе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 200-летию вхождения Дагестана в состав России.

Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 136 с.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Народы Кавказа в Уральском регионе», посвящённой 200-летию вхождения Дагестана в состав России (24 октября 2013 г., Оренбург). Книга объединяет статьи, раскрывающие исторические процессы интеграции и развития Кавказского региона в Российской империи и СССР, богатейшую материальную и духовную культуру его многочисленных народов в творческом взаимодействии с русской цивилизацией, связи Кавказа с Уралом, формирование в Оренбуржье самобытных диаспор армян, грузин, турок-месхетинцев, их вклад в социальный прогресс края. Издание адресовано широкому кругу читателей, учёных и специалистов, интересующихся историей и современным положением народов Южного Урала.

**Международная научная конференция «Политическая, культурная и экономическая глобализация: какие вызовы и возможности для народов Поволжья»
(23-24 мая 2014 г., Париж, Франция)**

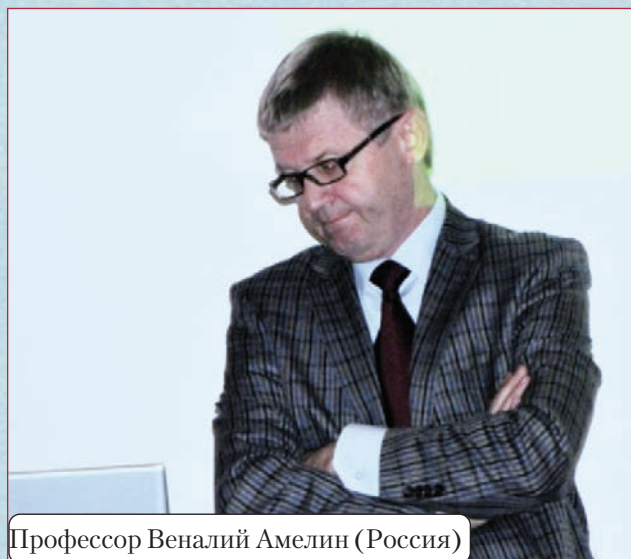
Ева Тулуз (Париж - INALKO)

На очередной сессии конференции

Жюльен Веркель (Париж - INALKO)

Профессор Веналий Амелин (Россия)

Заключительное заседание круглого стола.
Слева направо: профессор Жан Радвани (Франция), профессор Екатерина Ягафова (Россия), к.и.н. Юрий Перевозчиков (Россия)

Мари Касен и Ксавье Ле Торривеллек (Париж, Франция)

**ХІХ ЕЖЕГОДНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СЕМИНАР СЕТИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО
МОНИТОРИНГА
(ГЕТТИНГЕН, ГЕРМАНИЯ, 2-4 АПРЕЛЯ, 2014 Г.)**

Открытие семинара: Руководитель Сети этнологического мониторинга, академик РАН Валерий Тишков. За столом – профессор Раушнинг Дитрих и доктор Альфред Айсфельд (Гёттинген)

Профессор Л.Л. Хоперская (г. Душанбе)

Выступает эксперт М.М. Юсупов
(г. Грозный)

Доклад эксперта И.М. Габдрафикова (г. Уфа)

Очередная сессия семинара Сети этнологического мониторинга

РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ПРОБЛЕМ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

